

Конституционное
ПРАВОСУДИЕ

Международный вестник

Конференции

органов конституционного контроля

стран новой демократии

Выпуск 1(59)2013

ИЗДАЕТСЯ ЦЕНТРОМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ЕРЕВАН · 2013

Председатель редакционного совета

Г.Г. Арутюнян
Председатель Конституционного Суда Республики Армения

Редакционный совет:

А.А. Абдуллаев
судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

Ю.В. Баулин
судья Конституционного Суда Украины

Н.С. Бондарь
судья Конституционного Суда Российской Федерации

Б. Гарибов
судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

А.М. Нурмагамбетов
член Конституционного Совета Республики Казахстан

П.П. Райлян
судья Конституционного Суда Республики Молдова

А.Г. Тиковенко
судья Конституционного Суда Республики Беларусь

Ответственный секретарь

И.В. Даниелян

ISSN 18290125

Содержание

Актуальные проблемы конституционного правосудия

Синкявичюс В. Понятие Конституции в постановлениях Конституционного Суда Литовской Республики 5

Хачатрян А. Аппроксимация национального с *acquis communautaire*: проблемы и современные тенденции развития 29

Сергевнин С. Конституционно-правовое истолкование как особый вид юридической герменевтики (некоторые общие соображения) 38

Мильчакова О. Конституционный Суд Македонии как гарант верховенства права 57

Из практики органов конституционного правосудия

7 Постановлений Конституционного Суда Республики Таджикистан 75

Резюме 7 Решений Конституционного Суда Украины 126

Contents

Actual Problems of the Constitutional Justice

Sinkevičius V. The Notion of Constitution in the Rulings of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania	5
Khachatryan A. Approximation of National Legislation with Acquis Communautaire: Problems and Current Tendencies of Development	29
Sergevnin S. Constitutional-Legal Interpretation as a Special Type of Legal Hermeneutics (General Consideration)	38
Milchakova O. The Constitutional Court of Macedonia as Guarantor of the Supremacy of Law	57
From the Practice of the Bodies of the Constitutional Justice	
7 Decisions of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan	75
Summary of 7 Decisions of the Constitutional Court of Ukraine.....	126

V. Sinkevičius

*Professor Mykolas Romeris University Faculty of Law
Department of Constitutional Law*

The Notion of Constitution in the Rulings of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania

Introduction

The recent Lithuanian research in the legal domain pinpoints to the new aspects of the notion of the Constitution. A new approach to the Constitution owes its emergence to the constitutional provisions establishing that the Constitution is an integral and directly applicable legal act, any law conflicting with the Constitution is invalid, everyone may defend their rights on the basis of the Constitution, and the constitutional control authority established under the Constitution allows eliminating from the legal system any regulations that are in conflict with the Constitution. This has shaped the understanding of the Constitution as the supreme law that differs from the laws and regulations attributed to the domain of ordinary law. The Lithuanian legal system is increasingly often described as constitution-centred. The approach to the sources of the constitutional law has also changed: the Constitution and the official constitutional doctrine shaped by the Constitutional Court are now considered to be the only sources of constitutional law. Laws and secondary legislation are no longer considered to be sources of constitutional law. The Constitution cannot be seen only as a text or a sum of explicit provisions: it has implicit legal regulation. In order to ensure proper implementation of the Constitution, it is crucial to describe the new aspects of the notion of the Constitution, define the particular features of the constitutional norms, analyse the constitutional principles, demonstrate

the interaction between the norms and principles, and formulate the rules for the interpretation of the constitutional provisions.

I. The Constitution is More Than a Text

Just like any other legal act, the Constitution is expressed as a text. Most of those who read the Constitution share an understanding of what the text of the Constitution is: it consists of certain words, sentences, punctuation marks, etc. In brief, it is a phenomenon of physical reality. However, beyond the text of the Constitution lies a certain system of values and law that was created by adopting the Constitution. The text of the Constitution that enshrines a constitutional provision does not always shape the single possible meaning of the content of that provision because the words that define the provision are often perceived differently by different people¹. Clear words do not always have a clear constitutional meaning. That is why the text of the Constitution, like the text of any other legislative act, is often ambiguous, uncertain and vague². Of course, not all of the words and sentences in the Constitution have a meaning that is uncertain. If they would, the Constitution would not perform its incumbent function as the main and supreme law of the state. However, there are many words, terms, concepts and wordings, i.e. a lot of text in the Constitution that is not clear enough and needs to be explained. Certainly, before starting any interpretation of any constitutional provision, it is best to explain the meaning of the text that is used to define this provision, i.e. the words, terms, definitions, and sentences. The words, terms and concepts used in the constitution should be understood as they are generally understood in the common language and as they are generally used, because it is believed that the author of the text of the Constitution used the words, terms and concepts in their generic meaning and if any given word is supplied with a specific meaning this is indicated in the legal act. However, the interpretation of the Constitution cannot be limited to the interpretation of the grammatical sense of the text of the Constitution, i.e. its words, terms, concepts and sentences,

¹ Berger Linda L. How Embedder Knowledge Structures Affect Judicial Decision Making: A Rhetorical Analysis of Metaphor, Narrative, and Imagination in Child Custody Disputes// *Southern California Interdisciplinary Law Journal*. 2009, Vol. 18, p. 259-308.

² Barak A. *Judicial Discretion*. Yale University Press, 1989, p. 64.

because it is clearly not enough for the purpose of disclosing the real content of constitutional regulation that lies beyond the text of the Constitution, its words, terms, concepts and sentences.

There is much less consensus on the law that lies beyond the text of the Constitution, in comparison to the agreement on the text of the Constitution. This is totally understandable, because the words, sentences and definitions in the Constitution often have different meanings and can be understood and interpreted in different ways. H. G. Gadamer holds that language involves not only the *external*, but also *internal* linguistics.

For instance, most agree that the text of Article 19 of the Constitution setting down that “The right to life of a human being shall be protected by law” means that under this Article life should be protected; laws must establish criminal liability for murder and attempted murder; perpetrators must be punished. However, there is no consensus as to the time that marks the beginning of human life protected by the Constitution: whether life starts from the moment of conception, the moment of formation of the foetus, or the birth of a child³. The response to this question will determine, *inter alia*, whether termination of pregnancy may be allowed by law and whether termination of a pregnancy that does not endanger a woman’s health and life conflicts with the Constitution. There is no agreement whether Article 19 of the Constitution defines the right to life as an absolute and inalienable human right⁴ not to be refused even by the terminally ill and those who are subjected to inhuman physical suffering⁵, or whether the text of this article may be interpreted as allowing individuals to, *inter alia*, decide whether to exercise or waive their right to life of their own accord. For example, it is written that “euthanasia is not a morally unacceptable phenomenon, on the contrary, it is the

³ The Law on setting the moment of birth of a child of the Republic of Lithuania, Article 2.1, establishes that the birth of a child is the expulsion or driving out of a live offspring from the body of a female“ “//*Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2002, No.43 – 1602//. Under Article 2.3.1 of the Civil Code, “The first independent breath shall be considered to be the act of birth of a natural person”// *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2000, No. 74 – 2262.

⁴ Article 3 of the Universal Declaration of Human Rights establishes that „Everyone has the right to life, liberty and security of person“. Thus, under this Declaration, the right to life is an inalienable right.

⁵ Feinberg J. *Voluntary Euthanasia and the Inalienable Right to Life*. 7 Phil. & Pub. Aff., 1978, p.105.

expression of compassion and human understanding” and the “public perception of morality is gradually changing in the direction of rationality, which may eventually lead to the abandonment of the negative attitude towards those who, for objective reasons, choose to put an end to their physical and psychological suffering in a simpler way”⁶. Some disagree by arguing that “euthanasia, whether voluntary or not, is the deliberate killing of a person made by another person” and “both passive and active euthanasia basically amounts to murder of the patient by different means. Suicide with a doctor’s help is still a suicidal act”⁷. The answer to this question will determine whether laws may allow euthanasia or whether euthanasia should be prohibited under Article 19 of the Constitution. We may find many words, terms, concepts and wordings that may yield varying interpretations. Therefore, it is not easy to reveal the law that underlies the text of the Constitution. The people tasked with interpreting the Constitution may understand the text in different ways. Depending on the perspective taken by the reader, the words, terms and concepts may lead to divergent understanding of the law enshrined in them.

The Constitution needs to be interpreted “in order to avoid and eliminate the misunderstandings that would occur in the absence of an explanation”⁸. The text is a reality that needs to be understood in the context of interpretation alone”⁹. Previous legal research recognises that the text of the Constitution is only the starting point for revealing the genuine meaning and content of constitutional regulation. Constitutional justice transfers to the constitutional jurisprudence the real centre of gravity in understanding the Constitution as the regulatory reality¹⁰.

“Clear” legal norms also need interpretation, because clarity is a relative concept. The rule that *lex clara non sunt interpretanda* (clear legal norms should not be interpreted) is irrelevant here because the Constitution does not solely consist of the text and the provisions enshrined therein. “In the case of the Constitution, a comprehensive interpretation applicable at all times is concep-

⁶ Cf.: Gumbis J. Eutanazija žmogaus teisių ir autonomijos kontekstu // *Teisė*, 2003, No. 47, p.49.

⁷ Cf.: Narbekovas A. Eutanazijos terminų vartojimo bioetikoje bei teisėje problematika Lietuvoje // *Jurisprudencija*, 2008, No.12(114), p. 33, 34.

⁸ Vitgenšteinas L. *Rinkiniai raštai*. Vilnius: Mintis, 1995, p. 166.

⁹ Gadamer H.G. *Istorija, menas, kalba*. Vilnius: Baltos lankos, 1999, p.179.

¹⁰ Jarašiūnas E. *Jurisprudencinė Konstitucija/Jurisprudencija*, 2006, No.12(90), p. 24.

tually impossible because the notion of the Constitution is a dynamic rather than a static category”¹¹.

II. Constitution as the Law behind the Text

Despite the enormous normative content and potential, the Constitution is not a compendium of laws and can neither regulate all the social relations nor establish the specific rights and duties of entities under legal regulation. A major part of important social relations is regulated by the Constitution only in the most general sense. Devoid of interpretation, constitutional norms may seem mere words that lack legal accuracy and may even conflict with each other. This is not the result of insufficient work of the authors of the Constitution, but rather a common feature of constitutional regulation¹². It stands to reason that interpretation of the law (and thus the Constitution) “ensures the existence and consistent development of law in line with the social and worldview changes. Devoid of interpretation, law could not exist; it would be static, rigid and difficult to apply, and therefore inconsistent with the expectations of the society”¹³. Research papers that summarise the studies by Lithuanian and foreign researchers on the specific problems of interpretation of law justifiably state that “the very nature of law and diversity of social relations lead to uncertainty, which results in situations where the legal system either provides for more than one option for a possible legitimate solution to a specific problem or fails to provide any option altogether (where legal gaps exist).” They also claim that “attempts to address this problem are made by giving the judge the role of the legislator’s partner in interpreting the law on the basis of the legal provision, the system of provisions formulated by the legislator in the text, and also on the legal principles, values and objectives pursued by the law”¹⁴. Overall, the discord between the radical doctrines of various law schools has lately diminished¹⁵.

¹¹ Mesonis G. *Konstitucijos interpretavimo metodologiniai pagrindai*. Vilnius: Registrų centras, 2010, p.11.

¹² Mesonis G. Kai kurie Konstitucijos interpretavimo aspektai: *expresis verbis ribos* // *Jurisprudencija*, 2008, No. 5(107), p. 20.

¹³ Gumbis J. Teisės samprata: logikos taikymo problematika // *Teisė*, 2010, No. 76, p.60.

¹⁴ Latvelė R. *Teisėjo vaidmuo aiškinant teisę. Doktoro disertacija, Socialiniai mokslai, Teisė (OI S)*, Vilniaus universitetas. Vilnius: 2010, p.176.

¹⁵ Nekrašas E. *Pozityvus protas. Jo raida ir įtaka modernybei ir postmodernybei*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010, p. 390-391.

Constitutional norms have various features. The constitutional norm often differs from laws or other regulatory norms in terms of structure. The structural feature of the constitutional norm most frequently reported in previous research is that the norm does not consist of all the three elements characteristic to the legal norm, i.e. hypothesis, disposition and sanction¹⁶. It is claimed that the constitutional norm often does not have the hypothesis and disposition, or only has the disposition. It is said that the sanction for the violation of a constitutional norm does not need to be foreseen in the same or any other norm of the Constitution and that sanctions can be enshrined in other statutory acts, such as laws¹⁷.

The definition of the structure of the constitutional legal norm is a subject of a wide-ranging legal debate. Therefore, this paper will be limited to several relevant notes. The trinomial structure of the legal norm simply represents a certain theoretical model. It includes the greatest possible number of structural elements of the legal norm. The legislators who enshrine certain legal norms in the Constitution are often uninterested in theoretical models; they do not employ the benchmark categories of hypothesis, disposition and sanction. The number of elements in the constitutional norm results from the nature, purpose and content of the legal norm, the nature of relations regulated thereby, and other factors. Constitutional law is special not only because it is the supreme law, but also because it covers all domains of public relations and sets the regulatory framework for the entire legal system and all the branches of law. Therefore, the theoretical trinomial structure of the norm in ordinary law is not always applicable to the constitutional norm. The constitutional norm may include either all or some of the structural elements of the norm in ordinary law. No matter how abstractly formulated the constitutional norms are and whatever their structure is, they always impose something on the actions of the regulated entities: objectives, limits, conditions, methods, etc.¹⁸ Constitutional norms

¹⁶ E.g. Dičiūtė – Foigt D. Konstitucijos aiškinimo klausimai // *Konstitucijos tiesioginio taikymo problemos. Tarptautinės konferencijos medžiaga*. Vilnius, 1993, p. 96.

¹⁷ *Lietuvos konstitucinė teisė*. Vilnius: Lietuvos teisės universitetas, 2001, p. 40 – 44.

¹⁸ Lučin V. *Konstitucija Rossijskoj Federacijoje. Problemy realizacijoje*. Moskva: UNITY, 2002, p. 13.

always require a certain conduct and establish the standard thereof. The rules of conduct are not always clearly stated in the constitutional norms. However, this does not mean they are not there. They are. If the rules are not sufficiently clearly expressed in the constitutional norms, they are simply more difficult to put a finger on and reveal. Thus, constitutional norms always have the disposition¹⁹. The disposition forms the essence and content of the constitutional norm. The disposition in constitutional norms differs from that in ordinary law. Even so, the disposition, seen as a request addressed to the entities under regulation and determining their conduct, objectives, limits, conditions, methods, performance parameters and a certain standard of behaviour, etc., is a necessary part of the constitutional norm. It is assumed that constitutional norms always have a hypothesis but it is not always formulated *expressis verbis* and can be reconstructed by mental reasoning (the hypothesis may be *optional*). However, it is necessary because otherwise it would not be clear when the disposition enshrined in the constitutional norm (the rule of conduct, etc.) becomes effective. The *sanction* can also be established only in *the Constitution itself*, but not necessarily in the same constitutional norm. It can be enshrined in another constitutional norm and necessarily in the text of the Constitution but not in secondary law. The constitutional sanction may be derived not only from the constitutional norms but also from constitutional principles. If we agree with the conclusions in some previous research that the sanction for the violation of constitutional norms can be established by law (e.g. criminal or other), we would have to accept that the constitutional legal norm may consist of elements with a varying degree of legal power. Some of them, such as the disposition, should have the same power as the Constitution, while others, such as the sanction established in the Criminal Code, should have the power of law. In this case, what would be the legislative power of the entire constitutional norm: that of the Constitution or that of the law? It is generally recognised that the power of the constitutional norm is the supreme power, because the Constitution is the supreme law. This suggests that all the ele-

¹⁹ Lučin V. *Konstitucionnyje normy i pravootnošenyja*. Moskva: Izdatel'skoje objedenenyje „UNITY“, 1997, p. 55.

ments of the constitutional norm may be set exclusively by the legislative text of the same level, i.e. the Constitution. Needless to say, the analysis of the structure of the constitutional norm only makes sense given a consensus on the structure of the legal norm in general exists²⁰.

The aforementioned analysis might be affected, *inter alia*, by the fact that the rules for revealing the structure of the norm in constitutional law may differ from those used to capture the structure of the legal norm in other legislation. We will now move on to reveal the structure of the legal norm established in Article 109.1 of the Constitution: “justice shall be administered only by courts”. The disposition (rule of conduct) is clear: justice shall be administered exclusively by courts. Thus, no other public authority and no other entity is authorised to administer justice. What are the hypothesis and the sanction of this norm? Where and how are they expressed? The hypothesis is not expressed directly, it is implied. The hypothesis could sound as follows: if need may be to administer justice, this can only be done in court; if need may be to resolve a legal dispute, only the court can make the final ruling. What is the sanction provided for the breach of the rule of conduct established in this constitutional norm and where is it enshrined? If we search for sanctions in this constitutional norm by applying the rules for interpretation of the structure from the criminal law, we would have to conclude that there is no sanction in this norm. However, the legal norm is powerless without the sanction. Could a constitutional norm that governs the administration of justice by courts be powerless? Does this mean that the Constitution itself does not provide for sanctions for breach of the rule under this norm and that it can be violated without any sanctions? It should be noted that constitutional sanctions also have features. One of them is that constitutional sanctions are aimed not to repress but restore the right and can be understood not only in the narrow sense, i.e. as a specific measure used by the state to punish the offender for the violation of the norm, but in a broad sense, i.e. as negative legal evaluation of the conduct incompatible with or derogating from the Constitution. This evaluation leads to negative consequences for the relevant entities. In other words, the

²⁰ Lietuvos konstitucinė teisė. Vilnius: Lietuvos teisės universitetas, 2001, p. 43.

sanction is understood as an opportunity to use certain sanctions in order to ensure compliance with the constitutional norm. It should be noted that *apart from regulating certain relations, constitutional norms also provide for a certain legal state and ensure the opportunity to implement what is enshrined in the Constitution. This shapes the features of constitutional norms, their structure and sanctions.* If we look at the sanction behind Article 109.1 of the Constitution, “justice shall be administered only by courts”, from the perspective of constitutional law, it would be futile to seek provisions in the Constitution providing for imprisonment or other similar punishment for the breach of the disposition (rule of conduct) behind the said legal norm. The sanction in this case is quite different: if any other entity than court administers justice, this shall not be considered justice; any act adopted by another entity and purportedly executing justice will not lead to the same legal effect as in the case of the court ruling; and if legislator establishes by law that justice is administered not only by court but also by some other entity, this law will be declared unconstitutional by the Constitutional Court. Of course, the definition of the sanction in constitutional norms (as in defining the sanction in the norm under Article 109.1 “justice shall be administered only by courts”) is only possible when the sanction is understood in the broad sense as a negative legal assessment leading to negative consequences for the perpetrators. Notably, the elements of the constitutional norms (hypotheses, disposition, and sanctions) may be enshrined not in a single article, but in various articles of the Constitution. The elements of constitutional norms may be singled out by logical reasoning by comparing various articles of the Constitution or by fragmenting a single article into individual legal norms.

III. The Notion of the Constitution as the Starting Point for the Interpretation of the Constitution

The interpretation of the Constitution is based on a variety of factors, including the notion of the Constitution. In its previous rulings, the Constitutional Court often limited itself to a concise statement that the Constitution is a consistent and directly applicable act and the supreme law that has the supreme legal power in the hierarchy of laws. Recently, the Constitutional Court went on

to highlight that the *Constitution consists of constitutional norms and principles as well as the doctrine of the Constitutional Court* that reveals the content of the constitutional norms and principles and the values enshrined in the Constitution. A comprehensive and fairly exhaustive definition of the Constitution was formulated by the Constitutional Court in its ruling of 25 May 2004. It highlights that the Constitution is a complex legal reality that reflects a system of values and objectives enshrined in the text of the Constitution. Legal regulation under the Constitution always has a form of a text, it has its own linguistic expression, but the Constitution does not solely amount to its text and legal norms enshrined therein. The Constitution also includes the implicit fundamental values that may find no linguistic expression in the text. They arise from the constitutional norms and principles and from the body of constitutional regulation. *Apart from the letter of the Constitution, there is also the spirit of the Constitution.* The notion of the spirit of the Constitution is not a revelation of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania. Only people ignorant in matters of the history of law may have misgivings on the subject. The scornful comments on the reference to the spirit of the constitution in the rulings of the Constitutional Court demonstrate the lack of legal knowledge on the part of their authors and the gaps in their legal education. "The Constitution, seen as a phenomenological dialogue, seeks to express and demonstrate a certain *reality*. However, <...> semiotics and hermeneutics have demonstrated the existence of an *internal word* which cannot be fully expressed"²¹. The previous research into law universally acknowledges that the spirit of the constitution is expressed in the text of the Constitution and constitutional principles. Therefore, the text (the letter) of the Constitution may not be interpreted and implemented in a way that conflicts with the constitutional principles, contradicts the spirit of the Constitution and distorts the fundamental profound meaning of the Constitution as the supreme act that enshrines and protects the system of key values and defines the guidelines for the entire legal system. The doctrine of the Constitutional Court makes the spirit of the constitution a legal concept. Reference to the letter

²¹ Vaičiaitis V. *Hermeneutinė teisės samprata ir konstitucija*. Vilnius: Justitia, 2009, p. 36.

and spirit of the Constitution also leads to the talk on the explicit and implicit legal regulation enshrined in the Constitution. The open-ended provisions in the Constitution do not fully exhaust the legal regulation enshrined in the Constitution. The category of implicit legal regulation, known in the constitutional law of the West for many years, has appeared in the Lithuanian legal system quite recently. This category was issued into legal circulation by the Constitutional Court²². *Implicit* constitutional regulation is regulation that is not established *expressis verbis* in the Constitution but may be derived from the Constitution; it is implicit in the values enshrined in the Constitution and in their fundamental profound meaning. Implicit legal regulation as the spirit of the Constitution can be derived by interpreting the explicit legal regulation in the Constitution and by interpreting the content of the constitutional principles.

Constitutional principles are generally the expression of the most fundamental provisions of the basic legal approach, which determine the content of all the constitutional norms and constitutional regulation. Constitutional principles pervade the entire constitutional regulation and lie at the basis of constitutional norms, which may not be misinterpreted to deny or distort the meaning of constitutional principles. Constitutional principles are considered to be independent elements of a legal system and have their distinctive features and functions²³. They directly inform regulation. They also affect the implementation of the Constitution. All constitutional principles are equally important; their legal effect is the same; they are usually free of hierarchy; and they usually differ in their degree of versatility.

The Constitutional Court takes the approach that there is no contradiction between constitutional norms and constitutional principles and that constitutional principles organise all constitutional provisions into a cohesive system, prevent internal contradictions in the Constitution and prevent interpretations of the

²² Ruling of 8 August 2006 by the Constitutional Court // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2008, No.15-520.

²³ Jankauskas K. *Teisės principų samprata ir jos įtvirtinimas konstitucinėje jurisprudencijoje. Daktaro disertacija, socialiniai mokslai: teisė (01 S)//MRU*. - Vilnius, 2005, p.54.

Constitution leading to distortion or denial of the meaning of any constitutional provision or any constitutionally protected value. The approach to the Constitution as a fundamental set (system) of principles underpinning the whole legal framework²⁴ does not exclude constitutional standardisation “because general constitutional principles are still filled with normative content”²⁵.

Reflections on the role of constitutional principles are only just starting to appear in the jurisprudence of the Lithuanian Constitutional Court. It is not always easy to reveal the content of constitutional principles simply because not all the constitutional principles are put expressis verbis into constitutional norms: a number of constitutional principles are derived from constitutional norms, other constitutional principles or the body of constitutional regulation. Constitutional principles bring about the entire network of legal structures because the very system of constitutional principles is a unique network where various elements are bound by complex relations of determination and coordination²⁶.

The Constitution provides that certain provisions may be amended only by referendum while others by the Seimas. This does not mean that the provisions which may be amended only by referendum have greater legal force or are more binding than other constitutional provisions. In interpreting the Constitution, the Constitutional Court assumes that *the whole text of the Constitution without exception and all constitutional norms and principles are equally authoritative*. However, the normative content (effect) of constitutional norms and constitutional principles is different. *The normative content of constitutional principles is much wider*. The preamble to the Constitution also has a normative effect. The preamble provides that the Nation strives “for an open, just, and harmonious civil society and State under the rule of law”, and this provision does not, as it is sometimes claimed, simply voice a notion pertaining to political philosophy. The content of concepts used in this provision may not

²⁴ Kūris E. Konstitucijos dvasia // *Jurisprudencija*, 2002, No 30(22), p. 5.

²⁵ Safjan M. *Rol konstitucionnych sudov v procese sozdaniya konstitucionnogo prava // Konstitucionnoje pravosuध्ये na rubeže vekov*. Moskva: norma, 2002, p.134

²⁶ Kūris E. Lietuvos Respublikos Konstitucijos principai // *Lietuvos konstitucinė teisė*. Lietuvos Teisės universitetas, 2001, p. 225.

be disclosed only by the written text of the Constitution. The rulings of the Constitutional Court often describe the strive for an open, just, and harmonious civil society rooted in the preamble as an imperative which is inextricably linked with the constitutional principle of the rule of law and other constitutional principles and which is often an important factor in determining whether a disputed law or any other legal act may or may not contradict the Constitution.

Conceiving the Constitution as established legal norms and principles, taken as a whole, and a uniform and coherent framework with compatible and balanced provisions, it should be concluded that *there are no gaps in the Constitution and no contradiction between different provisions of the Constitution, all the constitutional provisions and the preamble are equally authoritative at the highest level and only the Constitution – the only legal act – is, by its very nature, the primary piece of legislation of a constituent (sovereign) government and the only measure of legitimacy of the overall legal system*. The Constitution is the supreme national law, law par excellence, the legitimacy of which is beyond doubt²⁷. As far as other national legal acts – laws and secondary legislation – are concerned, their legitimacy is relative and presumable, as a test of their constitutionality may prove that they contradict the Constitution.

This *Constitution-centred* understanding of a legal system presupposes that the Constitution is a legal act that integrates the whole legal system and defines and determines the content of legal regulation. All other types of law – the so-called ordinary law – must comply with the supreme law, i.e. constitutional law. According to the Constitution, no laws or secondary legislation passed by the Seimas or legal acts issued by the Government or the President of the Republic should exist *if they could not be tested for compliance with the Constitution*. The Constitutional Court has held that it has the power to examine whether both *effective and revoked laws or other legal acts as well as adopted and promulgated laws or other legal acts, pending their entry into force*, comply with the Constitution. Moreover, the Constitutional Court has the power to examine the compliance of legal acts with

²⁷ Jarašiūnas E. Aukščiausiai ir ordinarinė teisė: požiūrio į Konstituciją pokyčiai // *Jurisprudencija*, 2002, No 33(25), p. 5-6.

the Constitution *despite them being subject to classified information protection norms*²⁸.

In a legal system, the constitutional law should be distinguished by vertical rather than horizontal differentiation, as it has been the case so far in legal research. Only vertical differentiation makes the supreme law serve as a basis for other branches of law and as a measure of legitimacy of other legal norms²⁹.

Interpreting the text of the Constitution means giving it a legal life. It is not always easy to disclose the true inner content of even seemingly the simplest constitutional norms. It is even more complicated to reveal the content and scope of specific constitutional principles. The reason is not just the fact that constitutional principles are often not established *expressis verbis* and that they have to be derived from various constitutional norms and provisions as well as other constitutional principles. *The content of constitutional principles cannot be truly finite or explicit and has many different aspects*, but constitutional principles always have their clearly defined and fundamental meaning and they always reflect the basic and fundamental values underpinning the Constitution. Constitutional principles are a distinctive framework of constitutional regulation supplied with normative material³⁰.

What is the legal power of constitutional principles? It is the legal power of the Constitution; constitutional principles both *bind and obligate*; they define and determine the interpretation of the Constitution and lead, though not necessarily strictly, to a certain result; and they remain intact even when they do not gain an upper hand³¹. Although the competition among constitutional principles and norms is not excluded, they remain in balance. Notably, the search for the balance of constitutional principles is one of the most important goals and tasks of interpreting the Constitution. On the other hand, the interaction between constitutional principles under interpretation should be disclosed so that these principles are strengthened rather than downgraded. This is a general rule

²⁸ Ruling of 5 April 2000 by the Constitutional Court // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2000, No 30-840.

²⁹ Kūris E. Konstitucijos dvasia // *Jurisprudencija*, 2002, No 30(22), p. 5.

³⁰ Kūris E. Konstitucijos dvasia // *Jurisprudencija*, 2002, No 30(22), p. 22.

³¹ Dworkin R. *Rimtas požiūris į teises*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2004, p. 65-66.

for interpreting constitutional principles. Extolling only one constitutional principle should be a rare exception³².

The Constitutional Court perceives the Constitution as a coherent system of norms and principles. Therefore, the Court has concluded in a number of rulings that *constitutional principles and norms should not be interpreted in such a way as to deny their essence*. Denying any principle rooted in the Constitution would shift the balance between constitutional principles and values and distort the essence of constitutional regulation. *The Constitution must be interpreted on the basis of the Constitution itself, its logic, relations and interaction between its norms and principles as well as the body of constitutional regulation. Constitutional norms and principles and the content of constitutional regulation may not be interpreted on the basis of laws or other legal acts allegedly specifying the Constitution* because this would deny the supremacy of the Constitution in the legal system. If the Constitution was interpreted on the basis of laws and other legal acts, it would quickly lose its genuine content and meaning because laws and other legal acts are often passed in response to the current situation in order to resolve specific economic or social problems; this is done on account of expediency, rationality and other similar arguments rather than following the Constitution. On the other hand, the Constitution may not be interpreted solely on the basis of the intentions of its architects because the Constitution presents a set of principles which do not necessarily match the intention of a particular historical period, restricted by time, interests, imagination or other circumstances³³. It is not always easy, however, to identify the true intention of the architects of the Constitution because they may have had more than one to two intentions in doing so. With time and further interpretation, the concepts used in the text of the Constitution may gain a completely new meaning which was not even thought about by the Constitution architects. "The dialogue between the text and its interpreter never ends, <...> the text does not speak but answers the questions put forward today

³² For example, the Constitutional Court has already underscored a special importance of the rule of law. See the ruling of 23 February 2000 by the Constitutional Court // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2000, No 17-419.

³³ Dworkin R. *Teisės imperija*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2005, p. 387.

<...>³⁴. Legal writings reasonably highlight that “the interpretative meaning should not be seen as a final metaphysical meaning. This means that there is always a possibility that the current interpretation may be re-interpreted in future”³⁵.

The text of the Constitution may include some irregularities and even such textual provisions which may appear incompatible at first glance. However, they may appear incompatible only in the text of the Constitution but not in the Constitution itself. The Constitution, as mentioned above, has not only the letter but also the spirit and roots not only *explicit* but also *implicit* legal regulation. The Constitution itself provides that the Constitution is an integral act (Article 6.1). This means that all the constitutional provisions are related not just formally by layout but by the content of constitutional norms; in most cases it is impossible to interpret a specific constitutional provision in isolation from the other provisions in the Constitution³⁶. For example, when interpreting Article 23 of the Constitution, which protects the right of ownership, it is necessary to have in mind the legal regulation established in Articles 42, 46, 48 and 52, which are directly related to ownership relations. In addition, Article 23 of the Constitution must be also interpreted in the light of Article 18 which establishes the inalienability of rights and freedoms, as well as Article 29, which enshrines the equality of persons. Integrity of the Constitution also refers to the fact that it roots various fundamental values, that they are all compatible and form a coherent system and that their interplay generates solutions ensuring that none of these values is denied or unreasonably restricted³⁷. In interpreting the Constitution, it is very important to preserve the balance between the values entrenched therein. No constitutional value can be replaced by another value. Neither can one constitutional value undermine another. The balance is not always obvious but it should be found. The Constitution does not regulate any specific subject matter, yet it enshrines the foundation for legal regulation

³⁴ Barak A. *Purposive interpretation in Law*. Princeton University Press. 2005, p.57-58.

³⁵ Vaičiaitis V. *Hermeneutinė teisės samprata ir konstitucija*. Vilnius: Justitia, 2009, p.39.

³⁶ Conclusion of 24 January 1995 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 1995, No 9-199.

³⁷ Ruling of 4 March 2003 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*. 2003, No 29-1196.

of all social relations. The Constitution is like an umbrella that covers everything³⁸. The fact that all the provisions, norms and principles of the Constitution are related by their content rather than just formally, i.e. form a coherent system of values, also means that during the constitutionality test of any law or any other legal act it is also necessary to examine whether the contested legal act is consistent with the Constitution, taken as a whole, instead of only one constitutional article referred to by an applicant.

In interpreting the Constitution, the Constitutional Court resolves uncertainties in constitutional regulation, eliminates ambiguities, specifies the content of concepts and wordings and harmonises constitutional norms with constitutional principles. The genuine content of constitutional regulation may be disclosed only *when constitutional norms are analysed in the context of constitutional principles*. This means that constitutional principles are inseparable from constitutional norms. Constitutional principles pervade constitutional norms, determine their content, define legal regulation established therein and ultimately are the foundation of constitutional norms. This approach allows the Constitutional Court to reveal ever new aspects of constitutional regulation and really implement the idea of the living Constitution as well as prevents the letter of the Constitution prevailing over the spirit of the Constitution. The approach also allows the Constitutional Court to draw certain constitutional guidelines to be followed by legislative and non-legislative bodies.

The fact that the Constitution is an integral act that consists of various provisions – both constitutional norms and constitutional principles – excludes the confrontation between the letter and spirit of the Constitution. The Constitutional Court emphasises that interpretation of the Constitution should not be limited to its linguistic (literal) interpretation and that *the Constitution should be interpreted from different perspectives*: linguistic (literal), systematic, logical, teleological, historical, comparative, etc. as well as from the perspectives of general principles of law, legislator’s intent and precedence. Only comprehensive interpretation of the Constitution creates the conditions for fulfilling the purpose of the Constitution as a social contract and supreme legislative act and

³⁸ Kūris E. *Konstitucija kaip teisė be spragu //Jurisprudencija*, 2006, No 12(90), p.11.

for ensuring that constitutional norms and principles and the letter and spirit of the Constitution are not denied, that there are no derogations from constitutional provisions and constitutional regulation and that people respect the values that are enshrined in the Constitution and put at the basis of the Constitution by the nation³⁹. Similar interpretation methods are employed by constitutional control bodies in other states⁴⁰. "Interpreting both an individual constitutional norm and a constitutional principle amounts to explaining law by various methods"⁴¹.

It should be noted that the *Constitution should be interpreted in a way to ensure constitutionalism*. Though constitutionalism is inseparable from the constitution and is based on the Constitution, the mere fact that the Constitution exists does not mean that constitutionalism is also in place. Constitutions are created to restrict governmental power for the benefit of people and to enforce governmental authority by the means and within the limits specified in the Constitution. Constitutionally regulated relations may be divided into various groups, but the Constitution must always specify the fundamentals of organisation and functioning of national government as well as enshrine human rights and freedoms and determine the relationship between an individual and the state. Human rights and national government are two pillars of the Constitution and two sides of the same coin⁴². Constitutionalism is more than just the Constitution. For instance, if the 1936 Constitution of the former Soviet Union was assessed only as a text, it could be put into the category of constitutions of democratic states. It is obvious, however, that the Constitution was a sham and that it was just a decoration trying to mask and validate unlawful, undemocratic and criminal political regime⁴³.

³⁹ Ruling of 25 May 2004 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2004, No 85-3094.

⁴⁰ E.g., analysing the jurisprudence of the Federal Constitutional Court of Germany, Rosenfeld points out that the Court uses grammatical, historical, systematic and teleological methods for interpreting the Constitution. (Rosenfeld M. *Constitutional adjudication in Europe and the United States: paradoxes and contrasts*// Nolte G. (editor), *European and US Constitutionalism*. New York: Cambridge University Press, 2004, p. 229).

⁴¹ Mesonis G. *Konstitucijos interpretavimo metodologiniai pagrindai*. Vilnius: Registrų centras, 2010, p. 99.

⁴² Jarašiūnas E. *Valstybės valdžios institucijų santykiai ir Konstitucinis Teismas*. Vilnius: Teisinės informacijos centras, 2003, p. 52.

⁴³ Medušeuskij A. *Perechod k demokratiji i novyj konstitucionalizm v stranach Centralnoj i Vostočnoj Evropy* // *Rossija i sovremennij mir* //2007, No 2, S. 32.

The declarations in the abovementioned Constitution stood in in sharp contrast to the established practice. Though the former Soviet Union had its 1936 Constitution titled "the most democratic constitution in the world" by the Soviet propaganda, no kind of constitutionalism, not even nominal, existed in the country.

Constitutionalism means the implementation of a democratic Constitution, its norms and principles in the way presumed in the Constitution and stemming from the Constitution. Human rights and freedoms, private ownership and freedom of individual economic activity and initiative entrenched in the Constitution imply *liberal organisation of society*. Concurrently, it should imply a certain predisposition of the interpreters of the Constitution, in particular of the constitutional control authorities, to interpret the constitution in a way that ensures constitutionalism.

Conclusions

1. Just like any other legal act, the Constitution is expressed as a text. The text of the Constitution that enshrines a constitutional provision does not always shape the single possible meaning of the content of that provision. The interpretation of the Constitution is not and cannot be limited to the interpretation of the grammatical sense of the text of the Constitution, i.e. its words, terms, concepts and sentences, because it is clearly not enough for the purpose of disclosing the real content of constitutional regulation that lies beyond the text of the Constitution, its words, terms, concepts and sentences.

2. The text of the Constitution is only the starting point for revealing the genuine meaning and content of constitutional regulation. Constitutional justice transfers to the constitutional jurisprudence the real centre of gravity in understanding the Constitution as the regulatory reality.

3. The Constitution consists of constitutional norms and principles as well as the doctrine of the Constitutional Court that reveals the content of the constitutional norms and principles. Apart from the letter of the Constitution, there is also the spirit of the Constitution. The Constitution also includes the implicit fundamental values that may find no linguistic expression in the text. They arise from the constitutional norms and principles and from the body of constitutional regulation. The

genuine content of constitutional regulation may be disclosed only when constitutional norms are analysed in the context of constitutional principles.

4. The Constitution must be interpreted on the basis of the Constitution itself, its logic, relations and interaction between its norms and principles as well as the body of constitutional regulation. Constitutional norms and principles and the content of constitutional regulation may not be interpreted on the basis of laws or other legal acts allegedly specifying the Constitution because this would deny the supremacy of the Constitution in the legal system.

5. The Constitutional Court emphasises that interpretation of the Constitution should not be limited to its linguistic (literal) interpretation and that the Constitution should be interpreted from different perspectives: linguistic (literal), systematic, logical, teleological, historical, comparative, etc. as well as from the perspectives of general principles of law, legislator's intent and precedence.

References

- Barak A. *Judicial Discretion*. Yale University Press, 1989.
- Barak A. *Judicial Discretion*. Yale University Press, 1989, p. 64.
- Berger Linda L. How Embedder Knowledge Structures Affect Judicial Decision Making: A Rhetorical Analysis of Metaphor, Narrative, and Imagination in Child Custody Disputes// *Southern California Interdisciplinary Law Journal*. 2009, Vol. 18.
- Dičiūtė-Foigt D. Konstitucijos aiškinimo klausimai // *Konstitucijos tiesioginio taikymo problemos. Tarptautinės konferencijos medžiaga*. Vilnius, 1993.
- Dworkin R. *Rimtas požiūris į teises*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2004.
- Dworkin R. *Teisės imperija*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2005, p. 387.
- Feinberg J. *Voluntary Euthanasia and the Inalienable Right to Life*. 7 Phil. & Pub. Aff., 1978.
- Gadamer H.G. *Istorija, menas, kalba*. Vilnius: Baltos lankos, 1999.
- Gumbis J. Eutanazija žmogaus teisių ir autonomijos kontekstu // *Teisė*, 2003, No 47.

- Gumbis J. Teisės samprata: logikos taikymo problematika // *Teisė*, 2010, No 76.
- Jankauskas K. Teisės principų samprata ir jos įtvirtinimas konstitucinėje jurisprudencijoje. *Daktaro disertacija, socialiniai mokslai: teisė* (01 S)//MRU. - Vilnius, 2005.
- Jarašiūnas E. Aukščiausioji ir ordinarinė teisė: požiūris į Konstituciją pokyčiais// *Jurisprudencija*, 2002, No 33(25).
- Jarašiūnas E. *Valstybės valdžios institucijų santykiai ir Konstitucinis Teisimas*. Vilnius: Teisinės informacijos centras, 2003.
- Jarašiūnas E. Jurisprudencinė Konstitucija//*Jurisprudencija*, 2006, No 12(90).
- Kūris E. *Lietuvos Respublikos Konstitucijos principai* // *Lietuvos konstitucinė teisė*. Lietuvos Teisės universitetas, 2001.
- Kūris E.. Konstitucijos dvasia // *Jurisprudencija*, 2002, No 30(22).
- Kūris E. Konstitucija kaip teisė be spragų // *Jurisprudencija*, 2006, No 12(90).
- Meduševskij A. Perechod k demokraciji i novyj konstitucionalizm v stranach Centralnoj i Vostočnoj Evropy // *Rossija i sovremennyj mir* //2007, No 2.
- Latvelė R. Teisėjo vaidmuo aiškinant teisę. *Daktaro disertacija, Socialiniai mokslai, Teisė (01 S)*, Vilniaus universitetas. Vilnius: 2010.
- Lučin V. *Konstitucionnyje normy i pravootnošenyja*. Moskva: Izdatelskoje objedenenyje „UNITY“, 1997.
- Lučin V. *Konstitucija Rossijskoj Federacyji. Problemy realizacyji*. Moskva: UNITY, 2002.
- Mesonis G. Kai kurie Konstitucijos interpretavimo aspektai: expresis verbis ribos // *Jurisprudencija*, 2008, No 5(107).
- Mesonis G. *Konstitucijos interpretavimo metodologiniai pagrindai*. Vilnius: Registrų centras, 2010.
- Narbekovas A. Eutanazijos terminų vartojimo bioetikoje bei teisėje problematika Lietuvoje// *Jurisprudencija*, 2008, No 12(114).
- Nekrašas E. *Pozityvus protas. Jo raida ir įtaka modernybei ir postmodernybei*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010.
- Rosenfeld M. Constitutional adjudication in Europe and the United States: paradoxes and contrasts// Nolte G. (editor), *European and US Constitutionalism*. New York: Cambridge University Press, 2004.
- Safjan M. Rol konstitucionnych sudov v procese sozdanija konstitucionnogo prava // *Konstitucionnoje pravosudyje na rubeže vekov*. Moskva: norma, 2002.

- Vaičaitis V. *Hermeneutinė teisės samprata ir konstitucija*. Vilnius: Justitia, 2009.
- Vitgenšteinai L. *Rinktiniai raštai*. Vilnius: Mintis, 1995.
- Lietuvos konstitucinė teisė*. Vilnius: Lietuvos teisės universitetas, 2001.
- Conclusion of 24 January 1995 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 1995, No 9-199.
- Ruling of 23 February 2000 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2000, No 17-419.
- Ruling of 5 April 2000 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2000, No 30-840.
- Ruling of 4 March 2003 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2003, No 29-1196.
- Ruling of 25 May 2004 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2004, Nr.85-3094.
- Decision of 8 August 2006 by the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // *Valstybės žinios (Official Gazette)*, 2008, No 15-520.

В. Синкявичюс

*Профессор Кафедры конституционного права
Юридического факультета
Университета им. Миколаса Ромериса*

Понятие Конституции в постановлениях Конституционного Суда Литовской Республики

Резюме

В последнее время в постановлениях Конституционного Суда Литовской Республики и в юридической литературе раскрываются новые аспекты понимания Конституции. Конституция стала пониматься как высшее право, отличающееся

от законов и других правовых актов, которые считаются ординарным правом. Правовая система Литвы все чаще характеризуется как конституционно-центристская. Изменилось также и понимание источников конституционного права – ими считаются только сама Конституция и формируемая Конституционным Судом официальная конституционная доктрина. Законы и подзаконные правовые акты не являются источниками конституционного права. Текст Конституции, выражающий определенное конституционное положение, не всегда обуславливает единственно возможное понимание данного положения, поэтому требуется толкование Конституции. В Конституции закреплено не только эксплицитное, но и имплицитное правовое регулирование, Конституция имеет не только букву, но и дух. Текст Конституции становится лишь исходной точкой для раскрытия истинного смысла и содержания конституционного регулирования, а основной упор в понимании Конституции как нормативной действительности с помощью конституционной юстиции переносится с Конституции – основного акта – на конституционную юриспруденцию. Конституционные нормы обладают различными особенностями. Одной из них является структура конституционной нормы, которая зачастую отличается от структуры норм законов или других правовых актов. Санкция конституционной нормы может быть установлена только в самой Конституции, но не обязательно в той же конституционной норме. Она может быть установлена и в другой конституционной норме, но обязательно в Конституции, а не в каком-либо правовом акте низшей юридической силы (в законе или подзаконном правовом акте). Конституция содержит нормы и принципы, а также сформированную Конституционным Судом официальную конституционную доктрину, в которой раскрывается содержание норм и принципов Конституции. Между конституционными нормами и конституционными принципами нет и не может быть противостояния, поскольку именно конституционные принципы объединяют все положения Конституции в согласованную систему, предотвращают наличие в Конституции внутренних противоречий. Конституция представляет собой согласованную систему норм и принципов, следовательно, нельзя толковать одни принципы и нормы Конститу-

ции, опровергая суть других принципов и норм. В случае опровержения какого-либо из закрепленных в Конституции принципов было бы нарушено равновесие между конституционными принципами и ценностями, искажена суть конституционного регулирования. Толковать Конституцию можно только опираясь на саму Конституцию, ее логику, связи и взаимодействие между ее нормами и принципами, общее конституционное регулирование. Нельзя толковать нормы и принципы Конституции, а также содержание конституционного регулирования исходя из законов или других правовых актов, якобы конкретизирующих Конституцию, поскольку таким образом было бы опровергнуто верховенство Конституции в правовой системе. Конституцию следует толковать так, чтобы это обеспечило конституционализм.

А. Хачатрян

*Член Конституционного Суда Республики Армения,
доктор юридических наук, профессор*

Аппроксимация национального с *acquis communautaire*: проблемы и современные тенденции развития

После распада Советского Союза социально-экономические и политические перемены в новых независимых государствах сделали актуальными целый ряд феноменов и процессов, расцениваемых сегодня в качестве неотъемлемых составляющих процессов глобализации.

Усиление взаимозависимости, обострение конкуренции на мировом рынке, повышение эффективности деятельности органов государственной власти, пересмотр их функций, новые вызовы, с которыми сталкивается человечество, - всё это заставляет по-новому взглянуть на возможности и потребность в международном сотрудничестве. Но просто международного сотрудничества мало. Речь должна идти о тотальном сотрудничестве. Однако и тотального сотрудничества мало. Необходимо, чтобы все страны на национальном уровне осуществляли заранее согласованные сходные или сопоставимые меры. А в этих условиях мы должны обращаться к инструментарию гармонизации правовых систем на национальном, региональном и международном уровне и в правоприменительной практике. Ее последовательное повсеместное вдумчивое применение является безусловным императивом¹.

¹ См.: Энтин М.Л. Современные императивы гармонизации законодательства и правовых систем. - М., 2005; Исаев Д.А. Основные теории гармонизации. - М., 2006 и др.

Современное единое европейское правовое пространство представляет собой весьма передовую и подвижную юридическую материю, в которой постоянно происходят серьезные сдвиги. Одним из определяющих признаков таких "сдвигов" является тенденция аппроксимации законодательства. Тем более что Армения и некоторые другие государства в соответствии с планами действий Европейской политики соседства взяли обязательство сотрудничать и достичь продвижения в такой приоритетной области, как область законодательной аппроксимации.

Говоря об аппроксимации законодательства вообще, на наш взгляд, можно вести речь о том, что мировая цивилизация стоит на пороге создания новой мировой глобальной правовой системы - модели аппроксимационного права.

В юридической науке, посвященной аппроксимации законодательства, не проводится достаточно точного разграничения понятий "аппроксимация", "унификация", "сближение" и "гармонизация". Нередко указанные понятия рассматриваются как тождественные. И это иногда оправдывается².

Под "аппроксимацией законодательства" можно подразумевать достижение такого уровня единства законодательства или же своего рода "коридор колебаний", с помощью которого задаются общие параметры принятия нормативно-правовых актов органами государства. С другой стороны, аппроксимация как процесс - это не только сближение права и гармонизация законодательства различных государств на устранение или уменьшение различий, но и использование лучших норм, уже апробированных в мире, в национальном законодательстве³.

Как следует из данных определений, здесь упор делает-

² Так, например, европейские исследователи в основном рассматривают аппроксимацию и гармонизацию через призму социально-экономических отношений и норм, их регулирующих. Так, по мнению Чарновица, гармонизация - это движение разных стран к общим стандартам и регуляторам. А Штайн говорит об устранении различий между нормами национального права через аппроксимацию. Похожее определение дается Ханссоном: "Координация действий при осуществлении экономической политики и мер по снижению различий при их осуществлении". См. R. Van der Laan "Harmonization versus differentiation. EU environmental policy with respect to stationary sources" // Исаев Д.А. Ук. соч., - С. 1.

³ См.: Энтин М.Л. Ук. соч., - С. 5-6.

ся не только на аппроксимацию материальных норм, но и на гармонизацию правоприменительной практики, то есть речь идет о позитивной рецепции как способа гармонизации законодательства.

В действительности каждое соглашение о партнерстве и сотрудничестве является не только соглашением между Европейским сообществом и новым независимым государством, одновременно - двусторонним соглашением между последним и каждой из стран-членов Европейского союза, но также гласит, что стороны признают, что важным условием для укрепления экономических связей является сближение законодательства. И каждое государство, с учетом требования соглашения, стремится к постепенному достижению совместимости своего законодательства с законодательством Европейского Сообщества.

Нельзя не учитывать также то обстоятельство, что аппроксимация законодательства и правоприменительной практики с *acquis communautaire* создаёт фундамент стратегического партнёрства Армении с этим влиятельным объединением, в отсутствие которого все заверения о нем будут и дальше оставаться не более чем политическими декларациями. В данном случае аппроксимация выступает в качестве наиболее реального, прагматичного и перспективного пути построения общего экономического, правового, политического и культурного пространства в масштабах континента.

И в этой связи следует отметить, что аппроксимация национального законодательства с *acquis communautaire* необходима не как самоцель, а как средство создания эффективной правовой системы. Чем совершеннее национальное законодательство, тем выше охрана интересов государства и общества в целом. При этом существенными признаками аппроксимации, на наш взгляд, являются: во-первых, концептуально-обобщающий характер согласовываемых и принимаемых правовых норм, а во-вторых, отсутствие обязательности введения этих норм и правил со стороны государств, участвующих в процессе аппроксимации.

Однако следует отметить, что в последний период Европейский союз превратился в своеобразную экспериментальную лабораторию, в которой отрабатываются приемы и мето-

ды многих проблем, стоящих перед человечеством⁴. При этом причина этих проблем заключается в излишней политизации права, которая ведет к растворению права в политике.

Это негативно влияет не только на права и политику, но и ведет к неопределенному состоянию стран-партнеров, которые стремятся привести свое национальное законодательство в соответствие с законодательством Европейского союза.

Наконец, следует подчеркнуть, что Европейский союз строился не только на осознании общих экономических интересов с государствами, являющимися участниками соглашения о партнерстве и сотрудничестве, но и на понимании собственной европейской цивилизационно-культурной идентичности, к чему и стремится каждое суверенное постсоветское государство.

Ведь понимание аппроксимации как одной из функций, имманентно присущих современному государству и обществу, в значительной степени снимает налёт политизации с постановки вопроса о необходимости постоянной и планомерной работы по сближению армянского законодательства и правоприменительной практики с *acquis communautaire*.

В рамках исследуемой темы важное значение имеют вопросы о роли и влиянии правовых позиций конституционных судов на национальное законодательство и развитие законодательной аппроксимации. И в этой связи хотелось бы обратить внимание на следующие моменты:

Во-первых, в соответствии с частью 1 статьи 63 Закона Республики Армения "О Конституционном Суде", определяя конституционность правового акта, Конституционный Суд оценивает как сам акт, так и сложившуюся правоприменительную практику. В этой связи, в своих правовых позициях, обосновывающих принятое Конституционным Судом постановление или данное им заключение, Суд часто использует положения, уже апробированные в праве Европейского союза, а также упоминается правоприменительная практика европейского правового пространства в отдельных странах Ев-

⁴ См.: Смирнова Е.С. О проблеме взаимодействия норм международного и конституционного права без иллюзий // Конституционализм: идеал и/или реальность. - М., 2012. - С. 242.

ропейского союза. По сути, Европейский союз является примером позитивной глобализации, так как имеет единственный в истории случай организованной передачи национальной власти наднациональному правительству⁵.

Очевидно, что правовые позиции Конституционного Суда, с одной стороны, способствуют конституционализации текущего законодательства, внедрению правовых принципов и ценностей человечества в нормативное содержание отраслевых норм и институтов, последовательному развитию законодательства, а с другой стороны, они обеспечивают преодоление противоречий, коллизий, правовой неопределенности норм законодательства, одновременно служат ориентиром для законодателя в его развитии и совершенствовании в направлении гармонизации национального законодательства и законодательства ЕС и очерчивают правовые параметры принятия решений парламентам в области аппроксимации.

Во-вторых, общеизвестно, что, осуществляя конституционный контроль и выступая фактически в роли "негативного законодателя", Конституционный Суд выполняет **правокорректирующую функцию**. Это однозначно. Одновременно при определении конституционности правовых актов Суд ссылается на европейские правовые стандарты, которые уже были реализованы национальным законодательством. Таким ярким примером являются существующие стандарты в области прав человека, которые действуют в рамках Совета Европы, в том числе Европейского союза. И по этой причине можно утверждать, что в любом случае речь может идти о реальном существовании "европейских стандартов по защите прав человека" и возникновении "европейской системы защиты прав человека". Тем не менее в данном случае нельзя исключить, что существует опасность превращения конституционных судов лишь в суды по правам человека. Естественно, спорными остаются те области законодательства, где такие стандарты еще не были разработаны. И поэтому предполагается, что пробелы европейского правового пространства

⁵ См.: Иноземцев В. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль - XXI. 2000. N1. - С. 35.

должны быть устранены в результате унификации законодательства Европейского союза.

В-третьих, в плане аппроксимации национального законодательства с правом Европейского союза, на наш взгляд, Конституционный Суд осуществляет также следующие функции: а) **интеграционную**, выражающуюся в наполнении конституционно-правового смысла оспариваемых норм содержанием и качеством, придающими новое осмысление и восприятие с учетом современных реалий, преодолевающими противоречия со стандартами европейской правовой системы и способствующими сохранению европейского единого правового пространства; б) **координационную**, направленную на обеспечение верховенства и прямого действия конституционных положений в их системном единстве с другими нормами Конституции, означающую упорядочение законодательного процесса путем устранения несоответствий Конституции, создания устойчивого понимания смысла ее положения и установления баланса внутригосударственных и наднациональных интересов.

Это значит, что, толкуя прерогативы судебной власти в осуществлении контроля за обеспечением верховенства и прямого действия Конституции, Конституционный Суд может сформулировать правовую позицию о необходимости соответствия общим и передовым стандартам и регуляторам права Европейского союза, что в действительности имеет место на практике.

Следовательно, аппроксимация выступает как одна из эффективных форм гармонизации законодательства Армении и Европейского союза. Однако необходимо отметить, что наиболее допустимой и эффективной формой аппроксимации может стать договорная унификация законодательства, которая означает создание при помощи международных договоров единых норм, подлежащих включению в систему применяемых государством правовых предписаний и обеспечивающих преодоление различий в регулировании какого-либо рода отношений. Такой международный договор может содержать как нормы прямого действия, так и определять лишь общие параметры будущих правовых предписаний, чье конкретное содержание формулируется заинтересованными

сторонами позднее. При таком подходе в полной мере реализуется принцип взаимного признания. Одновременно поощряется также практическое взаимодействие соответствующих организаций сторон с целью начала процесса переговоров по заключению соглашений о взаимном признании в области проверки соответствия. Тем самым стороны законодательно закрепляют международно-правовой акт в качестве инструмента аппроксимации.

Как средство аппроксимации законодательства в отдельных областях правового регулирования могут оказаться весьма эффективными модельные правовые акты, разработанные специалистами Европейского союза с учетом практики и потребностей для единого европейского правового пространства. Они не носят обязывающего характера и потому, как правило, не вызывают острых политических дискуссий. В итоге, согласованные специалистами общие принципы и подходы в отношении тех или иных правовых институтов воплощаются в законодательных актах, приводя к определенной согласованности правового регулирования отношений без какого-либо давления или навязывания стандартов, объективно чуждых правовым системам сторон⁶.

Таким образом, можно предположить, что в условиях глобализации нельзя обеспечить ни конкурентоспособность и ни элементарное выживание без аппроксимации национального законодательства и правоприменительной практики с европейской единой правовой системой. Аппроксимация - важное слагаемое международного сотрудничества. Она обслуживает сотрудничество, усиливает его эффективность, переводит его в плоскость интеграции. А влияние Конституционного Суда на аппроксимацию позволяет заложить в развитие армянского законодательства передовую и реалистичную основу.

Это отвечает интересам Республики Армения, интересам Европейского союза, интересам всей Европы.

⁶ См.: Энтин М.Л. Ук. соч. - С. 7-8.

A. Khachatryan

*Member of the Constitutional Court
of the Republic of Armenia*

Doctor of Law Sciences, professor

Approximation of National Legislation with Acquis Communautaire: Problems and Current Tendencies of Development

Summary

European legal system is a very progressive and mobile subject matter, which is constantly subjected to significant changes. The tendency of approximation of legislation is one of the defining features of those "changes." In accordance with the action plans of the European Neighborhood Policy, Armenia and some other countries undertook an obligation to work together and achieve progress in the domain of legislative approximation.

As regarding the approximation of legislation in general, the global civilization is on the verge of creating a new global legal system, that is, the model of approximation of law.

Approximation of legislation considers achieving a level of unity of the law or a kind of "corridor of fluctuations," by which the common parameters of adopting of legal acts are defined. On the other hand, as a process, the approximation is also convergence of law and harmonization of legislation of many states to eliminate or reduce diversity.

Approximation of legislation and law-enforcement practice with *acquis communautaire* is a basis for Armenia for strategic partnership with the European Community. In this case, the approximation is considered to be more real, pragmatic and perspective means for construction of common economic, legal, political and cultural space across the continent. Approximation of national legislation with *acquis communautaire* is necessary

not as an end in itself but as a means of creating an effective legal system. The more perfect the national legislation is, the better the interests of the state and society are safeguarded in general.

In the framework of the topic it is important to touch upon the issues concerning the role of legal positions of constitutional courts in national legislation and the influence on development of legislative approximation. Approximation is also one of the most effective means of harmonization of Armenian legislation with the European Union.

С. Сергевнин

Советник Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Северо-Западного института Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации

**Конституционно-правовое
истолкование как особый вид
юридической герменевтики
(некоторые общие соображения)**

Когда заходит речь о юридической герменевтике, то в первую очередь обсуждение замыкается в сфере проблем правоприменительной деятельности соответствующих органов государственной власти, главным образом судебных. В структуре последних Конституционный Суд занимает особое место, предопределяемое, в частности, спецификой юридической силы принимаемых им итоговых решений, которая "превышает юридическую силу любого закона, а соответственно практически равна юридической силе самой Конституции, которую уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного Суда, относящихся к соответствующим нормам, и тем более вопреки этим решениям"¹.

В связи с этим обстоятельством представляется бесспорным утверждение о том, что решения Конституционного

¹ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. - М.: Норма, 2008. - С. 133.

Суда (прежде всего резолюции его постановлений) обладают качеством общеобязательности, следовательно, нормативности, что свидетельствует о наличии у них признаков особых источников права².

Поэтому смысл герменевтической деятельности Конституционного Суда имеет существенную специфику и раскрывается в двух основных аспектах. С одной стороны, Конституционный Суд толкует нормативный текст в связке с его историко-политическими, лингвистическими, логическими, специально-юридическими и иными особенностями. В данном случае Конституционный Суд выступает в роли правоприменительного органа наподобие любого иного правоприменителя, осуществляющего толкование на стадии юридической оценки фактических обстоятельств дела (юридической квалификации).

Между тем специфика правовой природы органа конституционной юстиции предполагает наличие иного аспекта в оценке его герменевтической деятельности. Речь в данном случае идет об особом нормативно-доктринальном характере конституционно-правовой интерпретации³, результатом которой становится не ординарный правоприменительный акт и не акт правоприменительного толкования, а правовая позиция, представляющая собой материю судебной нормы, содержание которой текстуально артикулировано в решении Конституционного Суда.

В данном случае итог конституционно-правовой герменевтической деятельности имеет явно выраженное нормативное содержание - идет ли речь об интерпретации отраслевого законодательства, которое получает при этом свою конституционно-правовую квалификацию⁴ (выявление конституционно-правового смысла соответствующего нормативного положения), либо происходит официальное легальное толкование конституционного текста, осуществляемое Конс-

² Кокотов А.Н. Обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. - 2011. - № 4 - С. 7 - 8.

³ См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. - М.: Норма Инфра-М, 2011. - С. 123, 125 и др.

⁴ Конституционно-правовую квалификацию (выявление конституционно-правового смысла соответствующего нормативного положения) следует отличать от конституционно-правовой дисквалификации, влекущей изъятие нормы из действующей системы правового регулирования.

титутционным Судом в порядке реализации одного из своих титульных полномочий, закрепленных статьей 125 (часть 5) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, второй тип герменевтической деятельности в рамках конституционного судопроизводства приводит к более глубокому проникновению в правовую материю, связанному с возникновением судебной нормы как результата конституционно-правового истолкования, посредством которого придается подлинный, но принципиально иной - по сравнению с буквальным текстовым - смысл соответствующей нормы, либо как результата конституционно-судебного восполнения⁵ нормативного пробела, создающегося посредством конституционно-судебной дисквалификации порочно-го нормативного предписания.

В процессе конституционного судопроизводства толкованию может быть подвергнута как проверяемая ординарная законодательная норма, так и конституционная норма, на соответствие которой проверяется оспариваемый закон. Кроме того, как известно, только Конституционный Суд вправе осуществлять официальное толкование Конституции. Попытаемся выяснить в этой связи различные аспекты герменевтической деятельности Конституционного Суда, в том числе в контексте его взаимодействия с иными звеньями судебной системы, функционирование которых также немислимо вне и без процесса толкования.

Как известно, в общей теории права проводятся различные классификации категории толкования. В частности, на основании такого критерия, как субъект толкования, выделяются официальное и неофициальное толкование. Применительно к деятельности Конституционного Суда актуальным представляется именно официальное толкование, под которым в правовой науке традиционно понимается толкование, осуществляемое компетентными государственными органами и результаты которого обязательны для всех субъектов права. Его принято подразделять на аутентическое и легаль-

⁵ В данном случае корректнее говорить не столько о восполнении, сколько о преодолении пробела в праве, ибо результат конституционно-правового истолкования, в отличие от ординарного толкования в процессе правоприменения, сравним по своей юридической силе с результатом нормотворческой деятельности.

ное: первое осуществляется органом, издавшим соответствующий акт, второе - органом, специально уполномоченным на указанные действия правовым актом. Следовательно, толкование, осуществляемое Конституционным Судом, относится, прежде всего, к официальному легальному толкованию.

Озвученный тезис подтверждается положениями пункта 4 части первой статьи 3 и статьи 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации"⁶. Ярким примером легального толкования, осуществленного Конституционным Судом, является его Постановление от 16 июня 1998 года № 19-П⁷, в котором путем официального разъяснения норм Конституции Российской Федерации (ее статей 125, 126 и 127) была фактически разграничена компетенция судебных органов различных "ветвей" судебной системы Российской Федерации, а также определена юридическая природа решений (дана характеристика юридической силы решений) Конституционного Суда в срезе их действия в пространстве, во времени и по кругу лиц.

В качестве подвидов официального толкования в общетеоретической правовой науке выделяются казуальное и нормативное толкование: при первом норма интерпретируется применительно к конкретному случаю, второе предполагает официальное разъяснение нормы в целом, безотносительно к обстоятельствам ее реализации.

Как представляется, обе названные разновидности толкования присутствуют в герменевтической практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Казуальное толкование является более распространенным, по своей сути призванным сопровождать правоприменительную деятельность органа публичной власти. Так, по мнению А. Барака, "значение слов статута не самоочевидно; напротив, они требуют истолкования. Каждый текст требует истолкования, и каждый статут требует истолкования. Понять означает истолковать"⁸.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 25. Ст. 3004.

⁸ Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. - М.: Норма, 1999. - С. 66.

Согласно статье 36 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор, либо обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции Российской Федерации. Именно наличие указанной неопределенности предполагает задействование со стороны органа конституционной юстиции такого формально-юридического способа ее преодоления, как казуальное толкование.

Ситуация с осуществлением Конституционным Судом Российской Федерации нормативного толкования правовых актов, за исключением Конституции Российской Федерации, представляется более сложной: ни Конституция Российской Федерации, ни Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" прямых предписаний, аналогичных положениям части 5 статьи 125 Конституции Российской Федерации и пункта 4 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" по вопросу толкования Конституции, не содержат.

Вместе с тем очевидно, что проверка нормативного правового акта на предмет его соответствия Конституции Российской Федерации практически невозможна без выявления его возможных смыслов с учетом презумпции добросовестности законодателя, на что сам Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание в своих решениях.

Результатом подобной проверки может быть принятие Конституционным Судом постановления о признании нормативного акта не соответствующим Конституции Российской Федерации, что является констатацией его дефектности, которая, в свою очередь, предопределила противоречивость сложившейся правоприменительной практики.

При этом в данном случае нормативный характер конституционно-правового истолкования обнаруживается в правовых позициях Конституционного Суда (которые являются основной подобных постановлений).

Несмотря на то, что - как теоретическая - данная категория требует дополнительного изучения (в частности, представляется необходимой выработка ее научно обоснованной дефиниции, которая бы претендовала на "общепринятость"⁹), в качестве правового феномена правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации имеет непосредственную взаимосвязь с нормативностью, нормативным истолкованием конституционных норм и положений ординарного законодательства.

Придя по результатам нормативного толкования к выводу о наличии у нормативного акта такой степени дефектности, которая предопределила порок правоприменительной практики, основанной на оспоренной норме, Конституционный Суд, по общему правилу, должен принять решение об ее нуллификации (дисквалификации). Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда указанные последствия привели бы к еще более значительному нарушению конституционных прав и свобод граждан. В такой ситуации Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из принципа конституционной сдержанности и опираясь именно на результаты нормативного толкования, воздерживается от признания правовой нормы дисквалифицированной, давая при этом необходимые предписания в адрес законодателя относительно внесения в установленные законом сроки соответствующих изменений в действующее нормативное регулирование. Есть, более того, существенные основания для утверждения о сложившейся практике избегать признания оспоренного законоположения не соответствующим Конституции при на-

⁹ На данный момент под правовой позицией в конституционно-правовой науке, к примеру, понимается "отношение Суда к содержанию конституционной нормы в результате ее истолкования", "выделение тех многочисленных потенциальных возможностей, тех богатых юридических пластов, которые в концентрированном виде содержатся в конституционных нормах" (Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Сборник докладов. - М., 1999. - С. 109, 112); "отношение Суда к значимым конституционно-правовым явлениям, отраженное в его решении (решениях), которым он руководствуется при рассмотрении соответствующих дел" (Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. - М. 1998. - С. 246). Более подробный материал см., например, Жеребцова Е. Е. Полемика о содержании понятия "правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации" // Актуальные проблемы правоведения. - 2011. - № 4. - С. 18 - 21.

личии возможности выявления его конституционно-правового смысла¹⁰.

Именно в выявлении конституционно-правового смысла соответствующих законоположений как результата особой формы интерпретационной деятельности - конституционно-правового истолкования наиболее ярко проявляется нормативность конституционно-правовой герменевтики. Ее специфика состоит в очевидном наличии регулятивной составляющей в итоговом акте конституционного судопроизводства, что придает этому акту характеристики нормативного акта. При этом если в случае признания нормативного положения не соответствующим Конституции мы сталкиваемся с иллюстрацией деятельности Конституционного Суда в качестве "негативного" законодателя, ограничивающегося дисквалификацией нормы, т.е. исключением ее из правовой системы, то при конституционно-правовом истолковании происходит фактическая артикуляция новой - судебной - нормы. Она выражается как правовая позиция, однако имеет связывающее - в виде своеобразного обязывающего вектора - значение для последующей нормотворческой деятельности парламента либо правительства (иного нормотворческого органа).

С другой стороны, такая судебная норма, содержащая соответствующую правовую позицию, по существу корректирующую дисквалифицированный в конституционном смысле текст закона, представляет собой необходимое звено в механизме прямого действия Конституции (статья 15 Конституции Российской Федерации). Согласно правовой позиции Конституционного Суда, выраженной в уже упоминавшемся Постановлении от 16 июня 1998 года № 19-П, решения Конституционного Суда, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу (в том числе, разумеется, и в смысле, придаваемом им дефектной правоприменительной практикой, разошедшейся с официальным конституционно-правовым истолкованием), имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не при-

¹⁰ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. - М., 2011. - С. 183

сущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

При этом Конституционный Суд дает в своем решении единственно возможный с точки зрения соответствия Конституции текст оспоренной, но формально сохраненной нормы, который, в свою очередь, представляет собой своеобразный ориентир для нормотворческого органа в его последующей титульной нормотворческой работе по приведению текста нормы с выявленным пороком содержания, обусловившим ее порочное применение на практике, в соответствии с конституционно-правовым смыслом нормы, содержащимся в решении Конституционного Суда¹¹.

Предполагается, что даже без такой деятельности законодателя в принципе правоприменительная практика должна быть скорректирована. Между тем сама правоприменительная практика показывает крайнюю слабость существующих правовых механизмов, позволяющих ее исправлять на основании актов Конституционного Суда, не устраняющих текстуально норму из правовой системы, а лишь выявляющих ее подлинный конституционно-правовой смысл. Без изменения нормативного регулирования правоприменительные ошибки продолжают "искривлять" практику. Таким образом, последующая законотворческая деятельность представляется крайне желательной. Однако в любом случае конституционно-судебное нормативное истолкование правомерно ограничивает дискрецию законодательной власти в ходе осуществления правового регулирования уже в законотворческом процессе.

¹¹ В литературе приводятся примеры как подтверждающие данный тезис, так и не вполне в него вписывающиеся. Так, в одном случае законодатель воспринял регулятивные параметры, заданные Конституционным Судом в Постановлении от 22 марта 2007 года № 4-П по делу гражданки Т.А. Банькиной, оспаривавшей законодательное ограничение пособия по беременности и родам, в другом случае нормативный ориентир Конституционного Суда (Определение от 2 апреля 2009 года № 484-О-П) на применение сокращенных сроков разрешения споров, возникающих в процессе согласования места и времени проведения публичных мероприятий между организаторами этих мероприятий и соответствующими органами публичной власти, в рамках гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации права граждан проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование - по существу законодателем услышан не был: См. подробнее: *Тарибо Е.В.* Дискуссионные вопросы конституционного правосудия в монографии Н.С. Бондаря "Судебный (живой) конституционализм: доктрина и практика" \ \ Современный российский конституционализм: доктрина и практика. - СПб.; Ростов-на-Дону: Профпресс, 2011. - С. 354 - 359.

При этом Конституционный Суд в одних случаях идет по пути изложения судебной нормы в виде конкретного предписания, содержащегося в резолютивной части решения¹², в других случаях в резолюции Конституционного Суда содержится предписание в адрес правоприменителя исходить из содержания правовых позиций, изложенных в мотивировочной части решения, освещающее необходимость обеспечения непосредственного применения Конституции соответствующими конституционно значимыми ценностями (например, недопущение несоразмерных ограничений права граждан на личное проведение предвыборной агитации против всех кандидатов за счет собственных денежных средств¹³; недопущение несоразмерных ограничений имущественных прав граждан-должников и кредиторов как субъектов гражданского оборота земельных участков¹⁴ и т.п.).

Подобные постановления Конституционного Суда Российской Федерации, очевидно, как раз и являются квинтэссенцией нормативного толкования, осуществляемого Конституционным Судом: выявленный конституционно-правовой смысл норм становится впредь обязательным для всех органов и лиц¹⁵.

В данном случае, однако, возникает непростой вопрос, связанный с исполнением решений Конституционного Суда в части пересмотра правоприменительных решений по конкретным делам с участием различных категорий заявителей. Если в отношении граждан-заявителей, являвшихся непосредственными участниками конституционного судопроизводства по соответствующему делу, решения о пересмотре их дел принимаются непосредственно на основании решения Конституционного Суда, то в отношении граждан, не обладающих статусом участников конституционного судопроизвод-

¹² См., например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 года № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 3. Ст. 353.

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2005 года № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 47. Ст. 4968.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 года № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 30. Ст. 3988.

¹⁵ См., также: *Сергеев С.Л.* О некоторых аспектах современного конституционализма. // Управленческое консультирование. - 2009, № 4. - С. 71 - 82.

ства возникают сложности, основанные на недооценке правоприменителями нормативной природы решений Конституционного Суда. Правоприменители в таких случаях зачастую полагают, что решение Конституционного Суда является персонифицированным и распространяется только на заявителей по делу, поэтому зачастую они буквально трактуют положения резолютивной части решения, касающиеся только непосредственно заявителя, и по существу игнорируют те положения, которые составляют саму суть этого решения и носят общий, неперсонифицированный, следовательно, нормативный характер.

Рассматривая данный вопрос, Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 25 января 2001 года № 1-П¹⁶ указал, что суды общей юрисдикции, самостоятельно решая вопрос о применении той или иной правовой нормы, не вправе осуществлять такое ее казуальное толкование, которое бы противоречило ее конституционно-правовому смыслу. Как следует из части второй статьи 74 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" конституционное истолкование нормативного акта или отдельного его положения, проверяемого посредством конституционного судопроизводства, относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, который, разрешая дело и устанавливая соответствие Конституции Российской Федерации оспариваемого акта, в том числе по содержанию норм, обеспечивает выявление конституционного смысла действующего права. В таком случае данное им истолкование, как это вытекает из части второй статьи 74 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" во взаимосвязи с его статьями 3, 6, 36, 79, 85, 86, 87, 96 и 100, является общеобязательным, в том числе для судов. Поэтому правоприменительные решения, основанные на акте, который хотя и признан в результате разрешения дела в конституционном судопроизводстве соответствующим Конституции Российской Федерации, но которому в ходе применения по конкретному делу суд общей юрисдикции или арбитраж-

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 7. Ст. 700.

ный суд придал истолкование, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, также подлежат пересмотру в порядке, установленном законом. Отказывая в таком пересмотре, суды общей юрисдикции и арбитражные суды фактически настаивали бы на истолковании акта, придающем ему другой смысл, нежели выявленный в результате проверки в конституционном судопроизводстве, т.е. не соответствующий Конституции Российской Федерации, и тем самым преодолевали бы решение Конституционного Суда Российской Федерации, чего они в силу статей 118, 125, 126, 127 и 128 Конституции Российской Федерации делать не вправе.

Следовательно, результат конституционно-правового истолкования в виде содержащейся в решении органа конституционного контроля судебной нормы, восполняющей - по формуле "впредь до внесения законодателем соответствующих изменений в действующее регулирование..." - пробел, образовавшийся в связи с дисквалификацией порочной нормы, задает необходимый вектор не только титульному парламентскому законотворчеству, но и всей системе правоприменения.

В данном случае возникает имеющий довольно острый характер вопрос о потенциально возможном конфликте между различными судебными юрисдикциями, поскольку Конституционному Суду приходится в указанном контексте входить в отраслевую материю и так или иначе осуществлять толкование ординарного законодательства, прежде чем дать его конституционно-правовое истолкование. Такое толкование может различаться в различных подразделениях судебной системы. Отсутствие же полномочия Конституционного Суда пересматривать судебные постановления иных юрисдикций даже по результатам конституционно-правового истолкования оспариваемой нормы провоцирует упомянутые конфликты.

Следует, однако, признать, что реальное разрешение проблемы конкурирующего толкования ординарного законодательства Конституционным Судом и общими (арбитражными) судами возможно, как показывает практика мировой конституционной юстиции, лишь в случае включения в систе-

му национального регулирования института конституционной жалобы¹⁷ (Австрия, Германия, Испания, Словакия, Чехия), который позволял бы Конституционному Суду посредством своих решений исправлять результат толкования иными судами оспариваемых норм в смысле, расходящемся с выявленным в соответствующем решении Конституционного Суда.

Паллиативный подход, при котором отсутствие детальной законодательной регламентации порядка исправления ошибок в правоприменительном толковании фактически вынуждает конституционные суды декларировать в своих решениях необходимость пересмотра судебных актов по делам лиц, не являвшихся заявителями по делу, завершившемуся выявлением конституционно-правового смысла нормы с ее сохранением в правовой системе (Венгрия, Польша, Россия), оставляет значительный люфт для конфликта между различными "ветвями" судебной власти¹⁸.

В качестве разновидности решений Конституционного Суда о признании нормативного акта не противоречащим Конституции Российской Федерации могут рассматриваться постановления, в которых законодателю устанавливается определенный период времени для внесения в действующее регулирование необходимых изменений, лишь при наличии которых проверявшаяся норма может считаться конституционной либо которые должны служить гарантией ее конституционной реализации на практике¹⁹.

В процессе рассмотрения дела Конституционный Суд

¹⁷ В данном случае речь идет о понимании юридической конструкции конституционной жалобы в узком смысле. О различных подходах к данной проблеме см., в частности: *Бондарь Н.С.* О развитии института индивидуальной жалобы в практике конституционного правосудия (соотношение частных и публичных начал) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сборник научных трудов. - Казань: ООО "Офсет-сервис", 2012, Вып. VII. - С. 34-50; *Князев С.Д.* Конституционная жалоба в Российской Федерации: законодательная модель и судебная интерпретация // Журнал конституционного правосудия. - 2011. - № 1 (19). - С. 25 - 32; *Нарутто С.В.* Обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. - М.: Норма, 2011.

¹⁸ См. подробнее: *Гарлицкий Л.* Конституционные суды против верховных судов // Сравнительное конституционное обозрение. - 2007. - № 2 (59). - С. 146 - 159.

¹⁹ См., например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 года № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 10 (2 ч.). Ст. 976.

может также прийти к выводу об отсутствии неопределенности в вопросе соответствия Конституции оспариваемого нормоположения. Однако в отличие от случаев, где подобный результат лежит на поверхности и по которым сразу выносятся определения об отказе в принятии обращения к рассмотрению, в данной ситуации соответствующий вывод становится результатом особой герменевтической работы в форме нормативного толкования и достигается посредством тщательного и всестороннего анализа Конституционным Судом Российской Федерации оспоренного нормативного акта с учетом его места в правовой системе и взаимосвязи с иными актами.

Итогом являются так называемые определения с позитивным содержанием, имевшие в практике Конституционного Суда даже свою особую литературу, известную специалистам как "О-П".

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что после внесения известных изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"²⁰, которыми в действующее регулирование была введена новелла (статья 47.1), закрепившая процедуру разрешения Конституционным Судом дел без проведения слушаний, т.е. в порядке так называемого "письменного конституционного судопроизводства", определения с позитивным содержанием в качестве результата нормативного толкования Конституционного Суда приобрели скорее характер исключения из правила.

Между тем буквальное понимание нормативных условий использования процедуры разрешения дел без проведения слушаний в случае применения судом в конкретном деле нормы в ее неконституционном смысле, притом, что ранее она была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации постановлением Конституционного Суда, что повлекло нарушение конституционных прав и свобод граждан, при определенных условиях может привести к тако-

²⁰ Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ. В ред. ФКЗ от 3 ноября 2010 года № 7-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447; 2010. № 45. Ст. 5742.

му применению института письменного производства, при котором судебное правоприменение в любой юрисдикции и на любой инстанции, игнорирующее (фактически преодолевающее) дисквалифицирующее решение Конституционного Суда, потребует в каждом случае реакции последнего в виде постановления, принятого в порядке статьи 47.1 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации".

Указанные обстоятельства фактически вынуждают Конституционный Суд и в условиях изменившегося регулирования в определенных случаях принимать развернутые определения по обращениям соответствующих заявителей, воспроизводя в них выраженные ранее правовые позиции и признавая такие обращения не подлежащими дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления.

Отдельно следует упомянуть и о толковании Конституционным Судом своих собственных решений. Речь в данном случае идет о прямо предусмотренной частью первой статьи 83 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" возможности разъяснения самим Конституционным Судом своего решения. Как известно, категория разъяснения находится в диалектической связи с понятием уяснения, вместе же они образуют феномен, в общетеоретической науке традиционно именуемый толкованием. Можно констатировать, что в рассматриваемом случае Конституционным Судом дается официальное аутентическое (и одновременно легальное) толкование положений, содержащихся в его собственном решении, которые могут иметь (зачастую имеют) нормативный характер.

Интерес представляет также ситуация конкретного нормоконтроля, в которой процесс толкования иногда связан с формированием и модернизацией правовых позиций Конституционного Суда как результатом его герменевтической деятельности. Как известно, одним из условий допустимости обращения в Конституционный Суд в порядке конкретного нормоконтроля является то обстоятельство, что оспариваемый закон нарушает конституционные права граждан (часть 4

статьи 125, Конституции Российской Федерации и пункт 3 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" определяют саму жалобу или запрос суда - "на нарушение конституционных прав и свобод граждан"; часть первая статьи 96, пункт 1 статьи 97 указанного Закона предъявляют к жалобе условие допустимости в виде нарушения конституционных прав).

Следовательно, если оспариваемый заявителем закон прав гражданина не нарушает и не затрагивает - такое обращение не является допустимым. Устанавливая и проверяя данное условие допустимости, Конституционный Суд Российской Федерации вынужден мотивировать свое решение и объяснять причины, в связи с которыми закон не нарушает прав заявителя, тем самым давая толкование оспариваемых нормативных положений.

Такое толкование приобретает значение процессуально-правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (о недопустимости обращения) и при рассмотрении аналогичных жалоб в известном смысле используется как некий прецедент. Например, Определением от 5 марта 2009 года № 469-О-О²¹ Конституционный Суд отказал в принятии к рассмотрению жалобы заявителя на нарушение его конституционных прав, мотивируя это фактом вынесения "отказного" определения по делу другого заявителя, в котором оспариваемые нормативные положения признавались не нарушающими прав граждан.

Иногда такое толкование впоследствии трансформируется в материально-правовую позицию и закрепляется уже в позитивном определении или даже в постановлении. Например, Конституционный Суд в Определении от 1 декабря 1999 года № 210-О²² отказал в принятии к рассмотрению жалобы заявителя на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 11 и подпунктом 4 пункта 1 статьи 14 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и частью 2 статьи 15 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации". При этом бы-

²¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 5.

²² Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 2.

ла определена правовая природа трехлетнего срока для впервые назначенных на должность судей как испытательно-го срока. Впоследствии данная позиция как процессуально-правовая - устанавливающая основание для отказа в принятии обращений к рассмотрению - была неоднократно повторена в других "отказных" определениях (от 19 апреля 2000 года № 87-О, от 5 октября 2000 года № 219-О и др.), а затем получила подтверждение в Постановлении Конституционного Суда от 24 марта 2009 года № 6-П по делу о проверке конституционности положений пункта 8 статьи 5, пункта 6 статьи 6 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и пункта 1 статьи 23 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина В.Н. Рагозина²³. В итоге данное конституционно-правовое истолкование природы трехлетнего срока официально стало обязательным для правоприменителей, а правовая позиция получила уже материально-правовое значение.

В контексте рассуждений о судебном толковании в его соотношении с законодательной деятельностью возникает также научная проблема фундаментального характера - о правовой природе судебных актов различных юрисдикций и различных инстанций. Если вести речь о том, что определенная категория решений высших судов является источником национального права, а данное утверждение имеет в настоящее время едва ли не больше сторонников, чем противников, то закономерно встает вопрос о правомерности отнесения таких решений к категории правоприменительных. С позиций классической теории права, напротив, есть все основания для постановки вопроса о недопустимости признания их таковыми, поскольку основополагающими правоприменительными качествами (неперсонифицированность и однократность) эти решения не обладают. В их содержании очевиден нормативный субстрат, они содержат правила поведения общего характера, обладают качеством общеобязательности.

Следовательно, все судебные акты содержат результат толкования, но далеко не все из них являются интерпретаци-

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 14. Ст. 1771.

онными актами. В свою очередь, уровень нормативных обобщений в отдельных актах толкования, например в Постановлениях Пленумов Высшего Арбитражного и Верховного Судов, столь высок, что впору говорить об их нормативном содержании (в литературе иногда говорят о смешанной правовой природе - о нормативно-интерпретационном характере подобных судебных актов), т.е. о такой интерпретации ординарной нормы по результатам ее судебного применения, которая выливается в формулировку по сути нового правила поведения (см., например, Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 года № 57 "О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств"²⁴). Тем более это применимо к специфической форме конституционно-правового истолкования, осуществляемого в процессе герменевтической деятельности Конституционного Суда.

Следует особо подчеркнуть ценность постепенного, но неуклонного проникновения в отечественную правовую культуру признания нормативности решений Конституционного Суда, учета содержащихся в них правовых позиций при формировании общей и арбитражной юрисдикционной практики, включения прямых ссылок на соответствующие акты Конституционного Суда в тексты судебных решений в качестве их обоснования, равно как и в тексты иных правоприменительных актов.

Таким образом, традиционно выделяя в качестве подвигов официального толкования казуальное и нормативное, общая теория права и наука конституционного права в условиях активно функционирующего органа конституционной юстиции должны обратить более пристальное внимание к выявлению правовой природы и вытекающих из нее специфических характеристик особого вида толкования - конституционно-правового истолкования нормативных положений, результатом которого становится артикулированная в тексте конституционно-судебной нормы правовая позиция Конституционного Суда, обеспечивающая функционирование механизма прямого действия Конституции.

²⁴ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 9.

Однако данное утверждение ставит в повестку дня другой вопрос, лишь на первый взгляд представляющий собой общетеоретическую научную проблему, хотя на самом деле имеющий выраженное прикладное значение - вопрос о месте суда, осуществляющего нормотворческую функцию (в континентальной традиции субсидиарно, а англо-саксонской - титульно) в системе разделения властей²⁵ в ее теснейшей взаимосвязи с системой сдержек и противовесов. Между тем это уже отдельная проблема, требующая дополнительного обсуждения вне рамок настоящей статьи.

S. Sergevnin

Advisor of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory and History of Law and the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of North-West Institute, Honoured Lawyer of Russian Federation

Constitutional-Legal Interpretation as a Special Type of Legal Hermeneutics (General Consideration)

Summary

Issues regarding legal hermeneutics first concern the domain of law-enforcement practice of appropriate bodies of State Power, mainly judicial. The Constitutional Court has its own place and role in the structure of the latter, particularly, due to specific character of legal power of final decisions, which surpass legal power of any law, and accordingly they are equal to the legal power of the Constitution itself. In this regard, it is indisputable that the deci-

²⁵ См. *Сергеевнин С.Л.* Судебная власть и конституционное правосудие в контексте принципа разделения властей // Журнал конституционного правосудия. - 2012. - № 2. - С. 9 - 15.

sions of the Constitutional Court are obligatory for everybody, hence, they are of normative character.

The meaning of hermeneutical practice of the Constitutional Court has essential peculiarities and it is manifested in two basic aspects. On the one hand, the Constitutional Court interprets the normative text in connection with its historical and political, linguistic, logical, legal and other peculiarities. The second type of hermeneutical practice of the Constitutional Court brings to more thorough penetration into legal substance in the framework of constitutional and legal proceedings. Besides, as it is known, only the Constitutional Court shall have the right to interpret the Constitution officially. In this concern, the Constitutional Court has various aspects of hermeneutical practice, including in the domain of interaction with other links of judicial system.

In the legal system of the Russian Federation, two types of the subject of interpretation are emphasized: official and non-official. Regarding the practice of the Constitutional Court namely official interpretation is considered to be timely as in the legal system only official interpretation is traditionally accepted as interpretation fulfilled by the relevant state authorities, and the results of the latter are mandatory for all subjects of law. The interpretation of the Constitution of the Russian Federation adopted by the Constitutional Court of the Russian Federation shall be official and binding for all representative, executive, and judicial organs of State Power, organs of local government, enterprises, agencies, organizations, officials, citizens, and their associations. In theoretical legal science casual and normative interpretation are subspecies of the formal interpretation. According to Federal constitutional law on the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation shall pass the decision on the case assessing both the literal meaning of the act under consideration and the meaning attributed to it by an official and other interpretations or the prevailing law-applying practices, as well as proceeding from its place in the system of legal acts.

О. Мильчакова

Заместитель руководителя Управления Федеральной антимонопольной службы по г. Москве

Конституционный Суд Македонии как гарант верховенства права

Конституционный контроль в Македонии имеет почти полувековую историю. Впервые орган конституционного контроля в Македонии был учрежден в 1963 г., когда Социалистическая Республика Македония (СРМ) была одной из шести республик, входивших в состав Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ).

После падения коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, развала СФРЮ и обретения Македонией независимости в 1991 г., в стране был установлен конституционный строй, минимальными признаками наличия которого являются разделение властей и судебная защита прав человека. Серьезным образом был пересмотрен и статус органа конституционного контроля, который в современном его виде позволяет заключить, что в Македонии существует европейская модель централизованного конституционного контроля.

Анализ содержания Конституции Македонии¹ показывает, что Конституционный Суд не входит ни в одну ветвь государственной власти и обособлен от судебной власти.

В Конституции Суду посвящена отдельная глава IV "Конституционный Суд" и согласно ст. 108 Конституции Суд является органом Республики по защите конституционности и законности. В состав Суда входят 9 судей, избираемых Собра-

¹ Устав на Република Македонија. Број 08-4642/1, 17 ноември 1991 година. <<http://www.sobranie.mk/?ItemID=A431BEE83F63594B8FE11DA66C97BEA>>. (Дата обращения: 07.10.2012).

нием (однопалатным парламентом) на девятилетний срок (ст. 109 Конституции).

В Македонии не существует специального закона о Конституционном Суде и наличие такого закона не предусмотрено Конституцией. Порядок работы и процедуры Суда регулируются Регламентом, принимаемым самим Судом (ст. 113 Конституции). Регламент Суда принят 7 октября 1992 г.² и регулирует не только порядок деятельности Суда, но и вопросы иммунитета судей и реализации решений Суда.

Полномочия Суда довольно многочисленны и их исчерпывающий перечень установлен в Конституции.

В Македонии нет предварительного конституционного контроля, даже в отношении ратифицируемых международных договоров. Как отмечается на сайте Суда, статус международных договоров в правовой системе Македонии, с точки зрения компетенции Суда, недостаточно ясен, и на практике в настоящее время преобладает мнение, что они не подлежат оценке на предмет их конституционности³.

Последующий конституционный контроль по своей форме может быть как абстрактным (когда вопрос о соответствии закона или иного акта конституционным нормам ставится вне какого-либо возникшего спора), так и конкретным (проводится в связи с каким-либо делом, конкретными обстоятельствами, возникшими в процессе применения изданного правового акта).

Конституционный Суд принимает решения о соответствии законов Конституции, о конституционности и законности других нормативных правовых актов и коллективных договоров.

Конституционный контроль осуществляется только в отношении действующих актов: Суд немедленно прекращает производство по делу, если оспариваемый акт утратил силу (ст. 47 Регламента).

Конституция не устанавливает перечня субъектов, кото-

² Деловник на Уставниот суд на Република Македонија. Број 394/92. 9 ноември 1992 година.
<<http://www.constitutionalcourt.mk/domino/WEBSUD.nsf> / Основни правни акти / Деловник на Уставен суд>. (Дата обращения: 07.10.2012).
³ <<http://www.constitutionalcourt.mk/domino/WEBSUD.nsf> / Надлежност>. (Дата обращения: 07.10.2012).

рые вправе инициировать проверку конституционности или законности нормативного акта. Таким образом, с соответствующим запросом в Суд могут обратиться любые органы государственной власти, физические или юридические лица.

При этом отдельными законами предусмотрено право или обязанность определенных органов или должностных лиц подать в Суд запрос о проверке конституционности нормативного акта. Например, согласно ст. 18 Закона "О судах" 2006 г.⁴ суд инициирует производство по делу о рассмотрении соответствия закона Конституции, если в ходе судебного производства возникает вопрос о его несоответствии, относительно чего он уведомляет вышестоящий суд и Верховный Суд Республики Македония. Если суд приходит к выводу, что закон, подлежащий применению в конкретном деле, не соответствует Конституции, и конституционные положения не могут быть непосредственно применены, он приостанавливает производство по делу до принятия решения Конституционным Судом.

Статьей 30 Закона "О народном правозащитнике" 2003 г.⁵ народному правозащитнику предоставлено право на обращение в Конституционный Суд о рассмотрении конституционности законов или конституционности и законности других постановлений, общих актов.

Конституционный Суд в Македонии вправе рассматривать конституционность законов и других актов по собственной инициативе. Такая возможность предусмотрена в ст. 14 Регламента. Кроме того, Регламент предоставляет Суду право расширения круга норм при разрешении конкретного дела: рассматривая вопрос о конституционности закона или конституционности и законности постановления либо общего акта, Суд может оценить конституционность и законность иного акта или его положений, которые не оспариваются.

⁴ Закон за судовите ("Службен весник на Република Македонија" број 58/2006, 11.05.2006 година).
<http://www.vsrn.mk/cms/FCKEditor_Upload/File/Zakoni/SI%20vesnik%2058_2006.pdf>. (Дата обращения: 07.10.2012).

⁵ Закон за Народниот правобранител ("Службен вестник на Република Македонија" број 60/2003, 01.10.2003 година).
<<http://www.ombudsman.mk/upload/documents/Zakon%20na%20NP.PDF>>. (Дата обращения: 07.10.2012).

Что касается обращений физических лиц, то следует отметить, что в Македонии предусмотрены как *actio popularis* (право каждого представить жалобу на нормативный акт после его обнародования, не будучи обязанным доказать, что соответствующая норма непосредственно и в настоящее время затрагивает его права и свободы), так и полная (конкретная) конституционная жалоба (лицо может оспорить общий акт, если последний подлежит непосредственному применению в его деле, или индивидуальный акт, адресованный ему).

Actio popularis основано на положениях ст. 50 Конституции ("каждый гражданин может сослаться на защиту прав и свобод, предусмотренных Конституцией, в судах и в Конституционном Суде") и ст. 12 Регламента ("любой человек может начать судебный процесс по оценке конституционности законов или конституционности и законности постановления или общего акта"). *Actio popularis* рассматривается Судом в рамках осуществления функций по оценке конституционности и законности актов.

Рассмотрение Судом полных (конкретных) конституционных жалоб осуществляется в рамках реализации им функции по защите прав и свобод человека и гражданина. Однако критерием такого контроля являются не все права, а только те, которые включены в перечень, установленный в ч. 3 ст. 110 Конституции. Суд защищает права и свободы человека и гражданина, касающиеся свободы убеждений, совести, мысли и публичного выражения мнений, создания и деятельности политических объединений, запрета дискриминации граждан по признакам пола, расы, религии, национальности, социальной и политической принадлежности.

Граждане, чьи права, предусмотренные в ч. 3 ст. 110 Конституции, нарушены индивидуальным актом или действием, могут подать обращение в Конституционный Суд для предоставления защиты в течение 2 месяцев с момента уведомления об окончательном или обязательном индивидуальном акте, или с момента, когда им стало известно о действиях, являющихся причиной такого нарушения, но не позднее чем через 5 лет с момента совершения таких действий.

Очевидно, что указанным выше правам и свободам уделяется особое внимание, если предоставляется возмож-

ность их защиты Конституционным Судом. При этом другие конституционные права могут необоснованно остаться без такого средства их защиты, как конституционное правосудие. Но это, конечно, не означает, что нет иных средств правовой защиты прав и свобод человека и гражданина.

В рамках осуществления конституционного контроля и при рассмотрении конституционных жалоб Суд вправе приостановить исполнение оспариваемого акта до вынесения окончательного решения, если его исполнение может привести к серьезным и непоправимым последствиям (ст.ст. 27, 57 Регламента).

Конституционный Суд аннулирует (акт считается недействительным с момента его принятия) или отменяет (прекращает действие) закон, признанный несоответствующим Конституции. Постановления, общие акты, коллективные договоры, признанные Судом не соответствующими Конституции или закону, аннулируются либо отменяются Судом. Решение Конституционного Суда является окончательным и обязательным (ст. 112 Конституции).

Таким образом, в Македонии в отношении законов и иных актов осуществляется конституционный контроль *ex tunc* (акт признается недействительным с момента его принятия) и *ex nunc* (утрата актом юридической силы распространяется на отношения, возникшие с момента принятия решения Судом).

Если говорить о практике Суда, то наиболее активной категорией субъектов, инициирующих конституционное производство, являются граждане. Так, в 2011 г. в Суд было подано 236 запросов о проверке конституционности и законности, из них: 203 - гражданами, 10 - объединениями граждан, 9 - предприятиями и учреждениями, 3 - органами местного самоуправления, 1 - политической партией, 1 - иными субъектами⁶. Ни одного дела не было рассмотрено Судом по собственной инициативе.

⁶ Здесь и далее статистические данные об обращениях в Конституционный Суд Македонии и рассмотренных им делах приводятся на основе данных, опубликованных в Отчете Конституционного Суда за 2011 г. и размещенном на официальном сайте Суда в сети "Интернет". См.: Уставен суд на Република Македонија. Осврт за работата на Уставниот суд на Република Македонија од 1 јануари 2011 до 31 декември 2011. <<http://www.constitutionalcourt.mk/domino/WEBSUD.nsf/OCBPT> за работата на Уставниот суд на Република Македонија во 2011 година>. (Дата обращения: 07.10.2012).

При этом положения законов оспаривались в 143 обращениях, в 25 случаях оспаривались акты органов местного самоуправления, в 23 - индивидуальные акты (в рамках защиты прав и свобод), в 17 - акты Правительства и министерств, в 10 - акты предприятий, в 6 - акты публичных служб, в 3 - коллективные договоры, в 2 - уставы, и в 7 случаях оспаривались иные акты.

Суд осуществляет контроль конституционности уставов и программ политических партий и иных объединений граждан (ст. 110 Конституции). Согласно ст. 20 Конституции программы и деятельность общественных объединений и политических партий не должны быть направлены на насильственное свержение конституционного строя Республики, поощрение или подстрекательство к военной агрессии или этнической, расовой или религиозной ненависти и нетерпимости. Исходя из положений ст. 112 Конституции, устав или программа политической партии, объединения, признанные Судом не соответствующими Конституции или закону, аннулируются либо отменяются Судом. При этом следует обратить внимание, что в Конституции и Регламенте не предусмотрено, что Суд принимает решение о прекращении деятельности политической партии, программа которой не соответствует Конституции, хотя подобное полномочие органа конституционного контроля является довольно распространенным в странах, переживших тоталитарные режимы (например, Германия, Польша, Словения, Хорватия).

К полномочиям Суда относится разрешение юрисдикционных споров между носителями законодательной, исполнительной и судебной власти, а также между республиканскими органами и органами местного самоуправления.

На Суд возложены некоторые судебные функции. Так, если Президент Республики при осуществлении своих функций и обязанностей нарушил Конституцию, Собрание большинством в 2/3 голосов от общего числа депутатов инициирует рассмотрение вопроса об ответственности Президента в Конституционном Суде. Суд принимает решение об ответственности Президента большинством в 2/3 голосов от общего числа судей. Если Суд признает Президента виновным, последний смещается с должности в силу Конституции (ст. 87 Конституции).

Судом подтверждается возникновение условий для прекращения полномочий Президента Республики (смерть, заявление об отставке, стойкая неспособность исполнять свои обязанности и др.). Также Суд большинством в 2/3 голосов от общего числа судей принимает решение о лишении иммунитета Президента Республики (ст.ст. 82, 83 Конституции).

Суд принимает решение о лишении иммунитета конституционного судьи и подтверждает стойкую неспособность судьи исполнять возложенные на него обязанности.

Таким образом, в Македонии Конституционному Суду предоставлена широкая компетенция. Однако нельзя не отметить, что он не наделен полномочиями по надзору за конституционностью и законностью выборов, государственного референдума и разрешению избирательных споров. Предоставление подобных полномочий является редкостью в странах с европейской моделью конституционного контроля. Также еще раз следует обратить внимание на то, что в Македонии не существует предварительного конституционного контроля, но данное обстоятельство может быть оценено и положительно, так как это позволяет избежать конфликта органа конституционной юстиции с парламентом и ситуации, в которой Суд выступал бы в качестве "второй палаты" парламента.

В зависимости от категории рассматриваемого дела процедуры их рассмотрения в Суде некоторым образом отличаются.

Так, обращение о проверке конституционности и законности должно быть составлено в письменной форме и подано в Суд в двух экземплярах. В обращении должны быть указаны: закон, постановление или общий акт, либо их отдельные положения, которые оспариваются; причины для их оспаривания; положения Конституции или закона, которые нарушены таким актом; имя или наименование, место жительства или местонахождение заявителя. Если обращение не содержит перечисленных сведений, секретарь Суда сообщает об этом заявителю, и недостатки должны быть устранены заявителем в срок не более 30 дней. В случае если недостатки в обращении не были устранены в указанный срок либо неизвестно имя (наименование) заявителя, обращение считается не поданным.

Обращение передается судье, который назначается ответственным за производство по обращению, в соответствии с графиком работы и алфавитным порядком фамилий судей. Для ведения производства по обращению также назначается квалифицированный работник аппарата Суда.

Определение Суда о возбуждении производства по делу о проверке конституционности или законности должно быть направлено органу или лицу, принявшему оспариваемый акт. Последние обязаны представить свою позицию по предъявляемым аргументам в срок не позднее 30 дней.

Конституционный Суд обладает правом запроса сведений и информации у любых органов, физических и юридических лиц, которые необходимы для рассмотрения дела, и запрошенное лицо обязано представить запрашиваемые сведения и информацию.

В Суде существует возможность объединения дел по проверке конституционности и законности в одно производство. Если в ходе судопроизводства выясняется, что несколько участников, представившие отдельные обращения о рассмотрении конституционности одних и тех же положений одного и того же закона, или о конституционности и законности одних и тех же положений одного и того же постановления или общего акта, все обращения соединяются в одно производство с первым обращением, и в итоге по ним принимается одно решение. Если есть несколько дел в Суде относительно нескольких отдельных обращений о рассмотрении конституционности одного и того же закона или конституционности и законности одного и того же постановления или общего акта, все дела, начатые позже, могут быть соединены в производство по первому делу, и по ним принимается одно решение (ст. 21 Регламента).

Участниками разбирательства в Суде являются заявитель и лицо либо орган, принявшие оспариваемый акт. Участники судебного разбирательства и их доверенные лица имеют право в присутствии работника аппарата Суда знакомиться со всеми материалами возбужденного производства по делу.

В рамках проведения подготовительных процедур к рассмотрению на заседании Суда возбужденного дела должны

быть произведены действия по исследованию фактических обстоятельств спора, сбору позиций участников разбирательства, анализу спорных правовых вопросов, а также выработаны предложения о путях решения возникшего спора.

Дело рассматривается на заседании Суда, которое считается правомочным, если на нем присутствуют не менее 5 судей (в случае, если Конституцией предусмотрено, что по определенному вопросу решение принимается квалифицированным большинством голосов судей, то заседание является правомочным, если на нем присутствуют не менее 6 судей). Заседание не является открытым для публики, за исключением проведения публичных слушаний, о которых будет сказано ниже.

При рассмотрении дела на заседании Суда сначала выступает судья-докладчик по делу, затем проводится обсуждение. Ход заседания протоколируется, в отдельных случаях может осуществляться стенографирование выступлений.

Решения принимаются большинством голосов судей Конституционного Суда, и голосование судей осуществляется без присутствия участников разбирательства. Судья, который не может присутствовать на заседании, вправе представить письменное мнение. Судья, не согласный с общим решением, вправе в письменном виде изложить особое мнение, которое публикуется в "Вестнике суда" и в официальном издании, в котором обнародовано решение Суда.

В целях уточнения обстоятельств спора Суд может принять решение о проведении подготовительного заседания, на которое приглашаются участники разбирательства, научные и профессиональные работники и иные лица. Подготовительное заседание проводится под председательством председателя Суда. Судья-докладчик знакомит участников заседания с фактическими и юридическими обстоятельствами спора. Судьи вправе задавать любые вопросы лицам, приглашенным на подготовительное заседание, для получения комментариев и разъяснений по вопросам, имеющим отношение к спору. Если при разбирательстве дела проводилось подготовительное заседание, копия окончательного решения по делу должна быть направлена всем участникам подготовительного заседания.

По решению Суда в рамках производства по делу об оценке конституционности и законности постановления или общего акта могут быть проведены публичные слушания.

На публичные слушания приглашаются участники разбирательства, представители различных учреждений и организаций, научные и профессиональные работники и иные лица. О проведении публичных слушаний должны быть уведомлены средства массовой информации. На публичных слушаниях судья-докладчик излагает суть спора, затем проводится дискуссия, в ходе которой приглашенные должны представить и объяснить свои мнения, предложения, юридические заключения. Судьи могут задавать вопросы и получать разъяснения от лиц, приглашенных на публичные слушания, не высказывая своего мнения.

Принятие решения судьями (голосование) по результатам публичных слушаний также осуществляется без присутствия публики. При этом если решение о конституционности и законности принимается сразу после проведения публичных слушаний, председатель Суда объявляет решение участникам слушаний, указывая лишь основные причины, послужившие основанием для его принятия.

Процедура рассмотрения полных (конкретных) конституционных жалоб о нарушении прав, предусмотренных в ст. 110 Конституции, имеет некоторые особенности. Так, к жалобе установлены более детальные требования, в частности, в ней должны быть приведены доказательства нарушения права. Предусмотрены более короткие сроки судебного производства: дело должно быть вынесено на рассмотрение на заседании Суда, как правило, в срок не позднее 30 дней со дня поступления жалобы (при оспаривании конституционности и законности акта, не связанного с нарушением прав и свобод, дело должно быть вынесено на рассмотрение на заседании Суда в срок не позднее 3 месяцев со дня окончания подготовительных процедур). Решение принимается Судом, как правило, на основе публичных слушаний. На публичные слушания приглашаются участники разбирательства, народный правозащитник и при необходимости иные лица и организации.

При рассмотрении вопросов об отзыве иммунитета, ответственности Президента Республики, а также при опреде-

лении условий для прекращения полномочий Президента (смерть, заявление об отставке, стойкая неспособность исполнять обязанности) Суд формирует комитет, состоящий из трех судей, для предварительного изучения указанных вопросов. Установление факта стойкой неспособности Президента исполнять свои обязанности осуществляется в том числе на основании актов, экспертных заключений медицинских экспертов. Кроме того, установлен определенный перечень субъектов, которые вправе инициировать подобные процедуры. Аналогичные особенности предусмотрены для процедур об отзыве иммунитета и установления факта стойкой неспособности судей Конституционного Суда исполнять свои обязанности.

Процедуру по урегулированию юрисдикционного конфликта вправе инициировать любой из органов, между которыми возник такой конфликт.

Для процедур рассмотрения вопросов об отзыве иммунитета, ответственности Президента Республики, определении условий для прекращения полномочий Президента, отзыве иммунитета и установлении факта стойкой неспособности судей Конституционного суда исполнять свои обязанности, а также урегулирования юрисдикционного конфликта Регламентом не предусмотрено проведение публичных слушаний.

По результатам рассмотрения дела по существу Суд принимает решение. О мерах, принятых во время производства по делу, Суд выносит заключения. Во всех иных случаях принимаются определения (например, о возбуждении производства и др.). Решения и определения Суда должны содержать фамилию (наименование) заявителя, фамилии судей, которые участвовали в принятии решения или определения, мнение Суда и обоснование принятого решения.

Текст решения или определения, принятого на заседании, готовится редакционной комиссией и выносится последней на заседание Суда для утверждения такого решения или определения в срок, как правило, не превышающий 7 дней со дня соответствующего заседания.

Решения Суда публикуются в "Официальном вестнике Республики Македония". Суд также может принять решение

об опубликовании в "Официальном вестнике Республики Македония" отдельных определений.

Копия решения или определения направляется участникам судебного разбирательства.

Решение Конституционного Суда вступает в силу с момента его опубликования в официальном печатном издании.

По общему правилу, решения Суда имеют действие erga omnes (они обязательны для всех юридических и физических лиц).

Согласно ст. 112 Конституции решения Конституционного Суда Республики Македония окончательны и подлежат исполнению. Суд аннулирует (контроль ex tunc) или прекращает действие (контроль ex nunc) закона, не соответствующего Конституции, и аннулирует либо прекращает действие иных актов, не соответствующих Конституции или законам. Не допускается исполнение обязательного индивидуального акта, принятого на основании закона, признанного решением Суда недействительным, а если его исполнение началось, оно прекращается (ст. 80 Регламента).

Решения Суда исполняются органом, принявшим закон, иное решение или акт общего действия, признанный недействительным или отмененный решением Суда. Решения по обращениям относительно защиты гарантированных Конституцией прав и свобод исполняются органом или учреждением, принявшим отмененный индивидуальный акт, или органом или учреждением, осуществившим действия, которые были признаны запрещенными решением Конституционного Суда (ст. 86 Регламента).

Согласно ст. 81 Регламента каждый, чьи права были нарушены окончательным или юридически обязательным индивидуальным актом, принятым на основании закона, постановления или иного общего акта, отмененного решением Конституционного Суда, может обратиться в компетентный орган с запросом об отмене данного индивидуального акта в течение 6 месяцев с момента опубликования решения Суда в "Официальном вестнике Республики Македония". Если последствия применения закона, постановления или общего акта, отмененного решением Конституционного Суда, не могут быть устранены внесением изменений в индивидуальный

акт, Суд может установить, что последствия будут устранены восстановлением предыдущего состояния посредством выплаты компенсации за причиненный вред или иным образом.

В соответствии со ст. 82 Регламента при принятии решения по вопросам защиты прав и свобод, перечисленных в ст. 110 Конституции, Суд в своем решении может определить, какой орган и каким образом обязан ликвидировать последствия применения индивидуального акта или действия, в результате применения которых были нарушены указанные права.

Решения Суда отличаются своей лаконичностью. Подробное описание позиции заявителя излагается, как правило, в решениях по делам о рассмотрении полных (конкретных) конституционных жалоб.

В мотивировочной части решений Суд может ссылаться в том числе на международные пакты, конвенции и декларации. В качестве примера дела, рассмотренного со ссылкой на международные акты о правах человека, можно привести дело об отказе в удовлетворении жалобы на решения судов общей юрисдикции о привлечении к уголовной ответственности за клевету, рассмотренное Судом в 2012 г.⁷

Заявитель в обоснование своей жалобы в том числе ссылался на положения ст.ст. 16 и 54 Конституции. Согласно ст. 16 Конституции гарантируется свобода мысли и публичного выражения мнений, свобода слова и информирования общественности. В соответствии со ст. 54 Конституции свободы и права человека могут быть ограничены лишь в случаях, предусмотренных Конституцией, и ограничение прав и свобод не может быть применено к праву на жизнь, запрету пыток, бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращения и наказания, правовому определению наказуемых преступлений и наказаний, а также к свободе вероисповедания, совести, мысли, публичного выражения мнений и вероисповедания.

В связи с этим заявитель полагал, что опубликованные им в газете оценочные суждения относительно фашистского характера действий другого лица и реализации им тактики запугивания незаконно признаны клеветой и нарушением

⁷ Одлука Уставниот суд У.Број 3/2012, 2 мај 2012 година. <http://www.constitutionalcourt.mk/domino/WEBSUD.nsf/ОДЛУКИ_И_РЕШЕНИЈА/2012/Мај/02.05.2012.3/2012-0-0>. (Дата обращения: 07.10.2012).

уголовного законодательства. Суд, по мнению заявителя, нарушил гарантируемые Конституцией свободу мысли и свободу публичного выражения мнений.

Конституционный Суд, отказывая в удовлетворении жалобы, указал, что несмотря на то, что положения ст. 54 Конституции исключают возможность ограничения свободы мысли и свободы публичного выражения мнений, это не означает, что нет предела для реализации этих свобод. Границы проявления таких свобод установлены и самой Конституцией через гарантии иных прав (невмешательство в личную и семейную жизнь, право на честь и репутацию и др.), а также гражданским и уголовным законодательством.

Суд обратил внимание на то, что свобода выражения мнений в международных документах находит не только защиту, но и ограничение. Так, исходя из ст.ст. 12, 29 Всеобщей декларации прав человека, никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, нарушению прав на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или на честь и репутацию. Каждый человек имеет право на судебную защиту от такого вмешательства или таких посягательств. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. При этом необходимо обратить внимание, что Суд ссылаясь на Всеобщую декларацию прав человека, которая, в принципе, не является нормативным актом, а носит рекомендательный характер.

Сославшись также на схожие положения Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Суд пришел к заключению, что вопрос о свободе слова и ее ограничении или злоупотреблении ею является очень чувствительным, особенно, когда эта свобода должна быть сбалансирована с правами на частную жизнь, честь и репутацию, поэтому требует детального исследования в каждом конкретном случае.

В рассматриваемом деле Суд посчитал, что уголовное наказание заявителю было назначено судом в качестве меры, необходимой для защиты чести, репутации и авторитета другого гражданина. Заявитель, по мнению Конституционного Суда, используя право на свободу публичного выражения мнений, поставил под угрозу право другого гражданина на защиту чести и доброго имени, и вмешательство государства в данном случае пропорционально законной цели защиты репутации потерпевшего.

Большая часть решений Конституционного Суда касается оценки конституционности законов и конституционности и законности иных актов. При этом обращения, рассматриваемые в рамках абстрактного конституционного контроля, охватывают широкий спектр вопросов из разных областей общественной жизни. Так, из 213 обращений об оценке конституционности и законности, рассмотренных Судом в 2011 г., например, 36 (17%) затрагивают вопросы организации и деятельности органов государственной власти, 24 (11%) - городского планирования и строительства, 18 (8,5%) - трудовых отношений, 17 (8%) - социальной и медицинской помощи, 14 (6,6%) - обороны и безопасности, 13 (6%) - финансов, налогов и других сборов. В 2011 г. Судом было вынесено 32 окончательных решения по результатам рассмотрения по существу запросов о проверке конституционности и законности: в 31 случае было принято решение о признании фактов неконституционности и незаконности, в 1 - о признании акта непротиворечащим Конституции и законам.

Количество полных (конкретных) конституционных жалоб, подаваемых в Суд, довольно невелико, и как уже было указано, в 2011 г. составило 23 (не более 10% от всего количества обращений, поступающих в Суд), и только по трем из них было отказано в их удовлетворении. Но при этом нельзя не обратить внимание на рост количества конституционных жалоб, поскольку, например, в 2010 г. их было 9, в 2009 г. - 15, в 2008 г. - 5, в 2007 г. - 12, в 2006 г. - 6.

Подводя итоги, отметим, что Конституция Македонии гарантирует Конституционному Суду статус автономного и независимого учреждения, основной функцией которого является обеспечение конституционности и законности.

Решения Суда являются обязательными и окончательными, то есть они не нуждаются в дополнительной поддержке какого-либо органа государственной власти. В случае признания Судом акта неконституционным или незаконным, последний исключается из правового порядка и его применение будет считаться незаконным. Однако одной из проблем может быть принятие органом, акт которого был признан неконституционным или незаконным, нового акта, содержащего схожие неконституционные (незаконные) положения. Подобное, как отмечает один из бывших председателей Суда В. Наумовски, встречалось на практике⁸.

Еще раз стоит отметить, что в Македонии не существует закона о Конституционном Суде. С одной стороны, это обстоятельство обуславливает существующие пробелы в регулировании деятельности Суда, гарантий статуса судей. Но с другой стороны, это дает дополнительную возможность обеспечить независимость судей, поскольку указанные вопросы регулируются самим Судом в принимаемом им Регламенте (в том числе вопросы реализации решений Суда).

Вопрос о необходимости принятия закона о Конституционном Суде не раз поднимался в Македонии. Но, как отмечает В. Наумовски, соответствующие инициативы по большей части были направлены на ограничение полномочий Суда и доступа граждан и других лиц к конституционному правосудию, а не на укрепление гарантий независимости Суда⁹.

Еще одной проблемой, на которую обращают внимание македонские исследователи, является ограниченный перечень прав и свобод, которым предоставляется защита по конституционной жалобе (ч. 3 ст. 110 Конституции)¹⁰.

⁸ В. Naumovski. Constitutional Judiciary in the Republic of Macedonia (Development, Competence, Experience, Challenges and Perspectives). // Конституционное правосудие. 3(53)'11. С. 166-167.

⁹ Там же. С. 172.

¹⁰ См.: Т. Karakamisheva. Constitutional Complaint-Procedural and Legal Instrument for Development of the Constitutional Justice (Case Study - Federal Republic of Germany, Republic of Croatia, Republic of Slovenia and Republic of Macedonia). // Конституционное правосудие. 1(43)'09. С. 57-58; Liliana Ingilitsova-Ristova. The principle of rule of law in the practice of Constitutional Court of The Republic of Macedonia. // Международный альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2004. С. 176.; В. Naumovski. Constitutional Judiciary in the Republic of Macedonia (Development, Competence, Experience, Challenges and Perspectives). // Конституционное правосудие. 3(53)'11. С. 173.

С одной стороны, можно говорить о том, что граждане неоправданно лишены возможности защиты отдельных конституционных прав в Конституционном Суде. Подобные ограничения не часто, но встречаются и в других странах, например в ФРГ, Испании.

С другой стороны, расширение юрисдикции Суда может привести к превращению его в один из органов системы судов общей юрисдикции, который на регулярной основе будет рассматривать дела о пересмотре решений других судов. Также это может привести к перегрузке Суда. Так, например, в Хорватии большая часть времени работы Конституционного Суда посвящена рассмотрению конституционных исков о защите прав человека и основных свобод, гарантированных Конституцией. Их количество, как правило, составляет 80-90% всех обращений, поступающих в Суд. Например, в 2011 г. в Конституционный Суд Хорватии поступило 5597 конституционных жалоб на нарушения конституционных прав и свобод, а запросов о проверке конституционности и законности - 413¹¹.

Кроме того, нельзя не обратить внимания на то, что защита прав и свобод, не предусмотренных в ч. 3 ст. 110 Конституции, возможна косвенным путем, через институт *actio popularis*. Несмотря на то, что такие запросы о проверке конституционности должны теоретически подаваться по вопросам, представляющим общественный интерес, в реальности заявители могут руководствоваться личными интересами.

В заключение хотелось бы отметить, что Конституционный Суд в Македонии почти за полвека своего существования утвердился в качестве реально функционирующего органа конституционной юстиции, призванного осуществлять контроль за конституционностью и законностью в стране и защищать основные конституционные права и свободы человека и гражданина.

¹¹ Статистические данные об обращениях в Конституционный Суд Республики Хорватия приводятся на основе данных, размещенных на официальном сайте Суда в сети "Интернет". См.: <<http://www.usud.hr/default.aspx?Show=statistika&G1=&G2=&G3=&m1=22&m2=47&Lang=hr>>. (Дата обращения: 07.10.2012).

O. Milchakova

*Deputy Head of the Department
of Federal Antimonopoly Service of Moscow*

The Constitutional Court of Macedonia as Guarantor of the Supremacy of Law

Macedonian Constitution provides the autonomy and independence of the sole body of constitutional control in the country - the Constitutional Court. The Court is entrusted to ensure constitutionality and legality through the subsequent constitutional control of laws and regulations and protection of fundamental human and civil rights and freedoms. The absence of the special law on the Constitutional Court and the limited list of rights and freedoms to be protected by Constitution does not prevent the Court from being the guarantor of the supremacy of law and the stability of the law order.

7 Постановлений Конституционного Суда Республики Таджикистан

Постановление Конституционного Суда Республики Таджикистан

**по делу о ходатайстве граждан Махмудова М.
и Махмудова Э. "Об определении соответствия статей
121 и 122 Жилищного кодекса Республики Таджикистан
и статьи 147 Уголовного кодекса Республики
Таджикистан статье 32 Конституции
Республики Таджикистан"**

г. Душанбе

3 октября 2011 года

Конституционный Суд Республики Таджикистан в составе председательствующего - Председателя Конституционного Суда Махмудова М.А., заместителя Председателя Назарова М., судей: Абдуллаева А.А., Абдуллоева Л.И., Гулзоровой М.М. и Каримова К.М.;

с участием секретаря судебного заседания Ботировой Г.;
сторон: Махмудова М. и Махмудова Э., по ходатайству которых возбуждено конституционное судопроизводство, и их полномочного представителя Назарова Н.Н.;

Гиёева С.Н. - полномочного представителя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан в Конституционном Суде, Шоназарова С.А. - полномочного представителя Президента Республики Таджикистан в Конституционном Суде, представителей сторон, принявших и подписавших нормативный правовой акт, ставший предметом спора;

приглашенных:

Исокова А.Н. - первого заместителя Председателя Совета юстиции Республики Таджикистан, Холикова А.Г. - заместителя Министра юстиции Республики Таджикистан, Гулматшоева Р.К. - заместителя Генерального прокурора Республи-

ки Таджикистан, Курбоновой Х. Дж. - заместителя Председателя Комитета по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан, Кодирова Т.К. - председателя Коллегии по семейным делам Верховного Суда Республики Таджикистан, Зоирова К.А. - заместителя начальника Управления по надзору за законностью судебных актов по экономическим, гражданским, семейным и административным делам Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, на основании статьи 89 Конституции Республики Таджикистан, статей 14 и 37 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан", рассмотрев в открытом судебном заседании дело по ходатайству граждан Махмудова М. и Махмудова Э. "Об определении соответствия статей 121 и 122 Жилищного кодекса Республики Таджикистан и статьи 147 Уголовного кодекса Республики Таджикистан статье 32 Конституции Республики Таджикистан", заслушав доклад судьи - секретаря Конституционного Суда Каримова К.М., объяснения, заключения сторон и выступления приглашенных, исследовав материалы дела и другие поступившие документы, **у с т а н о в и л:**

Махмудов М. обратился в Конституционный Суд с ходатайством, в котором указывает, что 11 ноября 2007 года он женил своего сына Махмудова Э. на гражданке Махмудовой Дилафруз. От совместной жизни имеют одного ребенка, но в связи с появлением между ними недопонимания в отношениях они развелись.

На основании заявления Махмудовой Д. решением Суда района Б. Гафурова от 6 сентября 2010 года Махмудова Д. и её несовершеннолетний сын были вселены в две комнаты его жилого дома, расположенного по улице Урунхаджаева, дом 76, джамоата села Унджи района Б. Гафурова.

17 декабря 2010 года между Махмудовым М., его сыном Махмудовым Э., с одной стороны, и бывшей невесткой Махмудовой Д., с другой стороны, произошла ссора. В результате чего прокуратурой района в отношении него и его сына было возбуждено уголовное дело по статье 147 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, то есть за нарушение неприкосновенности жилища, которое было передано в суд.

Приговором Суда района Б. Гафурова от 5 апреля 2011

года он и его сын Махмудов Э. были признаны виновными и условно осуждены.

По мнению Махмудова М. и Махмудова Э., взятые в основу решения суда Б. Гафуровского района нормы статей 121 (Член семьи собственника) и 122 (Права и обязанности членов семьи и бывших членов семьи собственника) Жилищного кодекса Республики Таджикистан нарушают конституционные права Махмудова М. на владение, пользование и распоряжение имуществом, принадлежащим ему на основании свидетельства от 12 апреля 2004, устанавливающего право на наследство в соответствии с законом. В связи с чем Махмудов М. лишен возможности использовать жилое помещение, являющееся его частной собственностью, по своему усмотрению.

Считая неконституционными статьи 121 и 122 Жилищного кодекса Республики Таджикистан, Махмудов М. и Махмудов Э. также считают статью 147 Уголовного кодекса Республики Таджикистан несоответствующей статье 32 Конституции Республики Таджикистан.

Исходя из этого, Махмудов М. и Махмудов Э. просят Конституционный Суд Республики Таджикистан на основании их ходатайства возбудить конституционное судопроизводство и определить соответствие статей 121 и 122 Жилищного кодекса Республики Таджикистан и статьи 147 Уголовного кодекса Республики Таджикистан статье 32 Конституции Республики Таджикистан.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, проверив и проанализировав представленное ходатайство во взаимосвязи с нормами Конституции, международно-правовыми актами и другими нормативно-правовыми актами, а также с судебной практикой, отмечает, что согласно статье 5 Конституции Республики Таджикистан человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и они признаются, соблюдаются и защищаются государством.

Права и свободы считаются важными условиями достойной жизни, духовного и морального развития, формирования личности, участия в политической и социальной жизни, а также управлении обществом, в котором живет человек. Именно поэтому они предусмотрены в Конституции и являются жиз-

ненно важными и социально значимыми не только для конкретного человека, но и в целом для общества и государства.

Конституционные права и свободы, осуществляясь непосредственно, определяют цель, содержание и реализацию законов, деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления и обеспечиваются посредством судебной власти. В совокупности они относятся к личности, в контексте единого понимания и во взаимосвязи их можно применять, и только на основании установлений Конституции и международно-правовых актов они могут быть ограничены.

Исходя из этого, Конституционный Суд отмечает, что признанная и гарантированная государством частная собственность, а также конституционные права человека и гражданина на собственность считаются важным политико-правовым и социально-экономическим достижением Республики Таджикистан.

Такие конституционные гарантии исходят из требований международно-правовых актов, признанных Республикой Таджикистан, в том числе из Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, согласно статье 17 которой:

"1. Каждый человек имеет право распоряжаться имуществом лично или совместно с другими.

2. Никто не должен самовольно быть лишен своего имущества".

Также Конституционный Суд отмечает, что Конституция, наряду с предоставлением гарантий имущественных прав человека и гражданина, также гарантирует другие конституционные права и свободы человека и гражданина и признаёт семью важной основой общества. Защита семьи и специальная забота в отношении матери и ребенка признаются одной из важных обязанностей государства, поскольку согласно требованиям части 3 статьи 16 Всеобщей декларации прав человека "семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства".

Согласно статье 23 Декларации о гражданских и политических правах от 16 декабря 1996 года "Государства-участники Пакта должны принять надлежащие меры для обеспечения равенства прав и обязанностей супругов в отношении вступ-

ления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении. В случае расторжения брака должна предусматриваться необходимая защита всех детей".

Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года устанавливает, что "ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания".

Указанные предписания международно-правовых актов полностью нашли свое отражение в соответствующих статьях Конституции Республики Таджикистан. В том числе в статье 34 Конституции говорится, что "мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства.

Родители ответственны за воспитание детей, а совершеннолетние и трудоспособные дети обязаны заботиться о своих родителях".

В этой связи вопросы, связанные с защитой семьи, защитой и особой заботой в отношении матери, ребенка и других членов семьи, наряду с другими нормативно-правовыми актами, нашли своё отражение в статьях 121 и 122 Жилищного кодекса Республики Таджикистан, и данные статьи полностью соответствуют Конституции и международно-правовым актам.

Законодатель в статье 121 Жилищного кодекса перечисляет членов семьи собственника, которыми являются супруга и дети собственника, родители жены и мужа и их дети, а также другие лица, которые проживали или постоянно проживают с собственником. Этот перечень является свидетельством того, что названные выше лица не могут быть для собственника чужими, они и биологически, и родственно близки. Также большинство из них родились в этом спорном доме, выросли и воспитывались там, а также когда-то наряду с собственником спокойно жили в спорном доме или пользовались своим правом на жильё. В конечном счете, они являются лицами, как-то связанными со спорным домом, и в необходимых случаях они имеют право обращаться в суд о признании их членами семьи собственника.

В статье 122 Жилищного кодекса предусмотрены права и обязанности членов семьи и бывших членов семьи собственника, имеющих право наравне с собственником пользоваться жилым домом.

В связи с чем нельзя противопоставлять нормы, установленные статьями 121 и 122 Жилищного кодекса, требованиям статьи 32 Конституции Республики Таджикистан, провозглашающим конституционное право каждого на собственность, поскольку в вышеуказанном случае ограничения прав собственника на жилище направлены на обеспечение конституционных прав лиц, нуждающихся в жилье, заботу, поддержку и воспитание, а также лиц, имеющих отношение к этому жилищу и права на пользование им.

С другой стороны, в Конституции Республики Таджикистан и международно-правовых актах с целью защиты прав и свобод других граждан, а также в иных предусмотренных случаях не исключается ограничение прав и свобод человека и гражданина. Так, в части 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека установлено, что "при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе".

Согласно требованиям части 3 статьи 14 Конституции Республики Таджикистан "ограничение прав и свобод граждан допускается только с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики".

Таким образом, Конституционный Суд считает статьи 121 и 122 Жилищного кодекса Республики Таджикистан соответствующими статье 32 Конституции Республики Таджикистан.

Преступление, нарушающее неприкосновенность жилища, предусмотренное в статье 147 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, устанавливает случаи действительного нарушения неприкосновенности жилища, в том числе незаконное проникновение в жилище, лишение жилища и т. д., и естественно, что заселение членом семьи собственника данной статьёй рассматривается как преступление, т.к. оно совершено не незаконным путём, а осуществляется на основании решения суда.

Исходя из этого, статья 147 Уголовного кодекса Республики Таджикистан также соответствует статье 32 Конституции Республики Таджикистан.

Вместе с тем Конституционный Суд отмечает, что применение статей 121 и 122 Жилищного кодекса Республики Таджикистан на практике стало проблематичным для судов и граждан, а принятые судами решения об их вселении в жилище собственника не всегда содействуют гражданам всесторонне обеспечивать свои права на собственность и жилище.

Исходя из этого, Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Правительству Республики Таджикистан, с учетом имеющейся практики решения данного вопроса в других странах, следует обратить внимание на совершенствование законодательной регламентации вопросов, связанных с признанием членом семьи собственника, существующим порядком вселения членом семьи и их правами на пользование жилищем собственника.

На основании вышеизложенного и в соответствии со статьей 89 Конституции Республики Таджикистан, ст.ст. 14, 36, 37, 46, 47, 48, 50 и 54 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" Конституционный Суд Республики Таджикистан

п о с т а н о в л я е т :

1. Статьи 121 и 122 Жилищного кодекса Республики Таджикистан, а также статья 147 Уголовного кодекса Республики Таджикистан соответствуют статье 32 Конституции Республики Таджикистан.

2. Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Правительству Республики Таджикистан, с учетом имеющейся практики решения данного вопроса в других странах, следует обратить внимание на совершенствование законодательной регламентации вопросов, связанных с признанием членом семьи собственника, существующим порядком вселения членом семьи и их правами на пользование жилищем собственника.

3. Постановление окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня его принятия.

4. Настоящее Постановление подлежит опубликованию в Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, в газетах "Джумхурият", "Садои мардум", "Народная газета" и в Вестнике Конституционного Суда Республики Таджикистан.

**Председатель
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

М. Махмудов

**Судья-секретарь
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

К. Каримов

**Постановление Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

**по делу о представлении судьи Суда Рошткалинского
района Горно-Бадахшанской автономной области
Шодиева Ш.Р. "Об определении соответствия части 2
статьи 25 Закона Республики Таджикистан
"Об образовании" и пунктов 3 и 17 Положения
о распределении и обеспечении молодых
специалистов рабочими местами части 1 статьи 35
и части 2 статьи 41 Конституции
Республики Таджикистан"**

г. Душанбе

28 апреля 2011 года

Конституционный Суд Республики Таджикистан в составе председательствующего - Председателя Конституционного Суда Махмудова М.А., заместителя Председателя Назарова М., судей Конституционного Суда Каримова К.М. Абдуллаева А.А., Абдуллоева Л.И. и Гулзоровой М.М., с участием: секретаря судебного заседания Санговой Г.;

Из практики органов конституционного правосудия

сторон:

Шодиева Ш.Р. - судьи Суда Рошткалинского района ГБАО - стороны, по представлению которой возбуждено конституционное судопроизводство,

Гиёева С.Н. - полномочного представителя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан в Конституционном Суде; Илолова М. - полномочного представителя Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан в Конституционном Суде; Шоназарова С.А. - полномочного представителя Президента Республики Таджикистан в Конституционном Суде - представителей стороны, принявшей, одобрявшей и подписавшей закон, конституционность которого стала предметом спора,

Рахимова Ф.К. - заместителя Министра образования Республики Таджикистан и Файзиева Исмаила - полномочного представителя Президиума Комитета профсоюзов работников образования и науки Республики Таджикистан - стороны, утвердившей и реализовавшей нормативно-правовой акт, конституционность которого также стала предметом спора;

приглашенных:

Кодирова Т.К. - председателя Коллегии по семейным делам Верховного Суда Республики Таджикистан,

Холикова А.Г. - заместителя Министра юстиции Республики Таджикистан,

Исокова А.Н. - первого заместителя Председателя Совета юстиции Республики Таджикистан,

Зоирова К.А. - заместителя начальника Управления надзора за законностью судебных актов по экономическим, гражданским, семейным и административным делам Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, на основании статьи 89 Конституции Республики Таджикистан, статей 14 и 37 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан", рассмотрев в открытом судебном заседании дело по представлению судьи Суда Рошткалинского района ГБАО Шодиева Шухрата Рахматовича "Об определении соответствия части 2 статьи 25 Закона Республики Таджикистан "Об образовании" и пунктов 3 и 17 Положения о распределении и обеспечении молодых специалистов рабочими местами части 1 статьи 35 и час-

ти 2 статьи 41 Конституции Республики Таджикистан", заслушав доклад заместителя Председателя Конституционного Суда Назарова М., объяснения и доводы сторон, выступления приглашенных, изучив и исследовав материалы дела и другие поступившие материалы, **у с т а н о в и л**:

Судья Суда Рошткалинского района ГБАО Шодиев Ш.Р. обратился с представлением в Конституционный Суд Республики Таджикистан, в котором отмечает, что 26 декабря 2010 года Хорогский государственный университет имени Назаршоева М. обратился с исковым заявлением в суд Рошткалинского района, в котором указывает, что Хубоншоева М.С. в 2004 году поступила на дневное отделение факультета естественных наук и в 2009 году окончила его по специальности преподаватель химии. Она обучалась в бюджетной группе, расходы на её обучение составляют 3229 сомони 1 дирам.

Хубоншоева М.С. после окончания университета, как молодой специалист, в соответствии с частью 2 статьи 25 Закона Республики Таджикистан "Об образовании", согласно которой "граждане, закончившие государственные образовательные учреждения, обязаны не менее трех лет проработать по специальности по направлению соответствующих органов и договору сторон", по распределению была направлена на работу в Ишкашимский район ГБАО.

Университет, направляя Хубоншоеву М.С. на работу, также руководствовался и другими нормативно-правовыми актами в сфере образования, которые приняты в соответствии с требованиями названной статьи Закона Республики Таджикистан "Об образовании".

В том числе, согласно пункту 3 Положения о распределении и обеспечении молодых специалистов рабочими местами (утвержденного совместным постановлением коллегии Министерства образования Республики Таджикистан и Президиума Комитета профсоюзов работников образования и науки Республики Таджикистан от 3 декабря 2008 года, №21/8), "в соответствии со статьей 25 Закона Республики Таджикистан "Об образовании", Договором о совместной деятельности местного исполнительного органа государственной власти, высшего профессионального государственного учебного заведения и студента явка на место работы и не ме-

нее трех лет работы являются обязанностью молодого специалиста (за исключением специалистов, закончивших договорные группы за свой счет)".

Согласно пункту 17 вышеупомянутого Положения "молодые специалисты, окончившие высшие профессиональные учебные заведения за счет бюджетных средств, обязаны проработать не менее трех лет согласно решению комиссии, направлению соответствующих министерств и ведомств, а также трехстороннему договору".

Хубоншоева М.С. не явилась на рабочее место, указанное в её направлении, в связи с чем университет обратился в Суд Рошткалинского района ГБАО с исковым заявлением к Хубоншоевой М.С. о взыскании с неё расходов на обучение в размере 3229 сомони 1 дирама в пользу Хорогского университета.

Шодиев Ш.Р. своим определением от 3 ноября 2010 года оставил исковые требования университета без удовлетворения, ссылаясь на то, что якобы часть 2 статьи 25 Закона Республики Таджикистан "Об образовании" и пункты 3 и 17 вышеуказанного Положения противоречат части 1 статьи 35 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой "каждый имеет право на труд, выбор профессии, работы, охрану труда и социальную защиту от безработицы", а также части 2 статьи 41 Конституции, в соответствии с которой "каждый, в рамках определенных законом, может получить бесплатное общее среднее, начальное профессиональное, среднее профессиональное и высшее профессиональное образование в государственных учебных заведениях".

Судья Шодиев Ш.Р., считая не соответствующими часть 2 статьи 25 вышеуказанного Закона и пункты 3 и 17 вышеупомянутого Положения Конституции, также считает, что они не соответствуют и части 1 статьи 23 Всеобщей декларации прав человека и части 1 статьи 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

По его мнению, государство гарантирует гражданам страны без каких-либо условий бесплатное получение общего среднего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования, и каждый гражданин, с учетом своих способностей, является свободным в выборе профессии и места работы, и

никто не имеет права принуждать его в этом вопросе. Хубоншоева М.С. самостоятельно не выбирала место работы, в связи с чем вышеназванные нормы, являющиеся предметом спора, нарушают её конституционные права на высшее образование и выбор профессии.

Исходя из этого, Шодиев Ш.Р. просит Конституционный Суд на основании его представления возбудить конституционное судопроизводство и определить соответствие части 2 статьи 25 Закона Республики Таджикистан "Об образовании" и пунктов 3 и 17 Положения о распределении и обеспечении молодых специалистов рабочими местами части 1 статьи 35 и части 2 статьи 41 Конституции Республики Таджикистан.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, всесторонне изучив представление судьи Шодиева Ш.Р. и материалы дела, отмечает, что право на труд, выбор профессии и работы, право на образование являются важнейшими экономическими и социальными правами человека и гражданина. Они являются необходимыми факторами развития личности и общества, а также играют важную роль в процессе управления человеческими ресурсами, интеллектуальным и трудовым потенциалом и производительными силами государства. От уровня развития этих прав зависит социальное развитие человека и его положение в обществе.

Вышеперечисленные права, наряду с другими правами и свободами человека и гражданина, определяют цель, содержание и применение законов, деятельность органов государственной власти, а также местных органов самоуправления, и, защищаясь судебными органами, они ограничиваются только в случаях, предусмотренных Конституцией.

Конституция Республики Таджикистан в части 1 статьи 35 гарантирует каждому право на труд, выбор профессии и работы, требования, которые исходят из статьи 23 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года и части 1 статьи 6 Международного пакта об экономических, социальных, культурных правах от 16 декабря 1966 года.

Положения вышеуказанной статьи Конституции нашли свое правовое регулирование в Трудовом кодексе Республики Таджикистан, а также в отраслевых законах и других нормативных актах.

Трудовой кодекс, исходя из важности права на труд, выбор профессии и работы, в статье 3 предусматривает законодательное и договорное регулирование трудовых отношений. Наравне с установлением минимального уровня трудовых прав и гарантий для работников, устанавливаемых законодательными и иными нормативно-правовыми актами о труде, отмечается также возможность установления трудовых прав и гарантий, не предусмотренных законодательными актами генеральными, отраслевыми, (тарифными), территориальными (областными, районными, городскими) соглашениями, коллективными договорами, а также трудовыми (контрактами) договорами.

Трудовой кодекс в статье 6, устанавливая распространение действия Кодекса на всех работников, также не исключает регулирование труда отдельных категорий работников посредством отраслевых законов, а также других нормативно-правовых актов и устанавливает, что "...не может снижаться общий уровень трудовых прав и гарантий, предусмотренных настоящим Кодексом".

Исходя из этого, вопросы, связанные с профессиональной и трудовой деятельностью отдельных категорий работников, подлежат правовому регулированию отраслевыми законами, в том числе Законом Республики Таджикистан "Об образовании", Положением о распределении и обеспечении молодых специалистов рабочими местами и другими правовыми актами в сфере образования, при этом не снижающими общий уровень трудовых прав и гарантий, предусмотренных Трудовым кодексом Республики Таджикистан.

В соответствии с пунктом 17 статьи 15 Трудового кодекса в организациях, наряду с другими работниками, могут также работать "молодые специалисты - лица, принятые в организацию после окончания высших и средних специальных учебных заведений по направлению этих заведений".

Исходя из особого правового положения молодых специалистов, законодатель в пункте 7 статьи 4 Трудового кодекса предусматривает, что "государство гарантирует... предоставление подходящей работы на период не менее трех лет заявленным организациями молодым специалистам-выпускникам государственных учебных заведений".

Государство также, исходя из правового положения молодых специалистов, освобождает их от тестирования во время принятия их на работу и государственную службу, а также от конкурсов на занятие административных должностей государственной службы, прохождения аттестаций в первые годы трудовой деятельности и других трудовых обязанностей.

Молодые специалисты своим правовым положением отличаются от других работников проявлением особой заботы государства по своевременному принятию их на работу, моральной и психологической поддержке, созданию благоприятных условий для их адаптации в трудовых коллективах и другим материальным привилегиям.

Государство планирует это направление деятельности путем запросов соответствующих государственных органов, направлений на работу и государственных заказов, осуществляет стратегическое управление человеческими ресурсами и производительными силами в различных отраслях народного хозяйства и различных административно-географических регионах.

Конституционный Суд отмечает, что право на разный уровень образования, в том числе и на высшее профессиональное образование, предусмотренное частью 2 и в целом статьей 41 Конституции Республики Таджикистан, исходит из статьи 26 Всеобщей декларации прав человека и статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных, культурных правах и относится к тем правам человека и гражданина, осуществление которых зависит от ряда факторов. В том числе от уровня развития личности, умственных и интеллектуальных способностей, профессиональных навыков, личной культуры, таланта и способностей каждого человека. Каждый имеет право на высшее профессиональное образование, однако для этого требуется общее среднее образование (свидетельство), здоровье, необходимое для этой профессии (необходимая медицинская справка), сдача государственных вступительных экзаменов, соблюдение внутреннего распорядка учебного заведения и другие обстоятельства.

Конституция, гарантируя бесплатное получение различных уровней образования, в том числе высшего профессионального образования, за счет государственного бюджета,

одновременно не исключает и получение других форм образования.

Исходя из этого, государство за счет бюджетных средств бесплатно готовит для различных отраслей народного хозяйства молодых специалистов и на основании государственных заказов обеспечивает их рабочими местами. Данная деятельность является целевой, плановой, стратегической и отражает потребности государства в различных кадрах народного хозяйства.

Таким образом, государство в рамках Конституции, требований законов и других нормативно-правовых актов управляет трудовыми ресурсами, пополняющимися и обновляющимися за счет молодых специалистов. Одновременно специалистам, закончившим договорные группы государственных и негосударственных образовательных учреждений, определяется иной правовой порядок, и они являются свободными при выборе профессии и места работы.

Установленный государством правовой порядок, в том числе и в трудовых отношениях, ни при каких обстоятельствах не направлен на ограничение прав граждан на труд, свободный выбор профессии и работы, а также получение высшего профессионального образования, т.к. законодательство предоставляет гражданам право свободно выбирать форму получения образования, каждая из которых имеет свойственные ей правовые последствия. Граждане, самостоятельно выбирая ту или иную форму обучения (платное или бесплатное), осознают их правовые последствия как во время обучения, так и после завершения обучения. То есть выбор формы обучения является и выбором его правовых последствий. И следует отметить, что выбор формы образования, наряду с талантом, способностями и другими умственными и интеллектуальными способностями граждан, также зависит от их финансовых возможностей.

Таким образом, государство обеспечивает право граждан на труд, выбор профессии, работы и образования посредством сформировавшейся системы труда и образования, а также соответствующих политических и социально-экономических условий. В свою очередь, обеспечение выпускников средних профессиональных и высших профессиональных

образовательных учреждений работой на основе государственного заказа и распределения направлено на осуществление конституционных прав тысяч граждан страны, обладающих этим правом.

Исходя из этого, Конституционный Суд считает, что часть 2 статьи 25 Закона Республики Таджикистан "Об образовании" и пункты 3 и 17 Положения о распределении и обеспечении молодых специалистов рабочими местами не противоречат части 1 статьи 35 и части 2 статьи 41 Конституции Республики Таджикистан.

Министерству образования Республики Таджикистан необходимо совершенствовать механизм заключения Договора о совместной деятельности местного исполнительного органа государственной власти, высшего учебного заведения и студента, заключая такие договоры до начала занятий студентов в учебных заведениях страны, а также обеспечить официальное опубликование и вступление в силу Положения о распределении и обеспечении молодых специалистов рабочими местами.

На основании вышеизложенного и в соответствии со статьей 89 Конституции Республики Таджикистан, статьями 14, 36, 37, 46, 47, 48, 50 и 54 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" Конституционный Суд Республики Таджикистан **п о с т а н о в л я е т:**

1. Часть 2 статьи 25 Закона Республики Таджикистан "Об образовании" и пункты 3 и 17 Положения о распределении и обеспечении молодых специалистов рабочими местами соответствуют части 1 статьи 35 и части 2 статьи 41 Конституции Республики Таджикистан.

2. Министерству образования Республики Таджикистан необходимо совершенствовать механизм заключения Договора о совместной деятельности местного исполнительного органа государственной власти, высшего учебного заведения и студента, заключая такие договоры до начала занятий студентов в учебных заведениях страны, а также обеспечить официальное опубликование и вступление в силу Положения о распределении и обеспечении молодых специалистов рабочими местами.

Из практики органов конституционного правосудия

3. Постановление окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента его принятия.

4. Настоящее Постановление опубликовать в Ахборе Маджлиси Оли Республики Таджикистан, газетах "Джумхурият", "Садои мардум", "Народная газета" и в Вестнике Конституционного Суда Республики Таджикистан.

**Председатель
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

М. Махмудов

**Судья-секретарь
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

К. Каримов

Постановление Конституционного Суда Республики Таджикистан

**по делу "Об определении соответствия статьи 17
Семейного кодекса Республики Таджикистан части 2
статьи 17 и части 2 статьи 33 Конституции Республики
Таджикистан" в связи с представлением судьи Суда
района Шохмансур города Душанбе Шодиева Ш.Р.**

город Душанбе

1 июля 2009 года

Конституционный Суд Республики Таджикистан в составе председательствующего - Председателя Конституционного Суда Республики Таджикистан Махмудова М.А., судей Абдуллаева А.А., Абдуллоева Л. И., Гулзоровой М.М., Каримова К.М. и Назарова М.,

с участием секретаря судебного заседания Гулова П.Х.,
сторон:

судьи Суда района Шохмансур города Душанбе Шодиева Ш.Р.- стороны, по представлению которой возбуждено конституционное судопроизводство,

Ватанова М.М. - полномочного представителя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан в Конституционном Суде, Мехмон Бахти - полномочного представителя Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан в Конституционном Суде, Бобоева У.Х. - полномочного представителя Президента Республики Таджикистан в Конституционном Суде - представителей стороны, принявшей, одобрившей и подписавшей нормативный правовой акт, который стал предметом спора;

приглашенных:

Нуралиева А. - заместителя Генерального прокурора Республики Таджикистан, Кадырова Т.К. - судьи Верховного Суда Республики Таджикистан, Олимова М. - начальника Управления по надзору за законностью судебных решений по гражданским делам Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, Курбановой Х.Ч. - заместителя Председателя Комитета по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан, Каримовой Х. - заместителя начальника Управления актов гражданского состояния Министерства юстиции Республики Таджикистан и представителей общественных организаций, на основании статьи 89 Конституции Республики Таджикистан, статей 14 и 37 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан", рассмотрев в открытом судебном заседании дело по представлению судьи Суда района Шохмансур города Душанбе Шодиева Ш.Р. "Об определении соответствия статьи 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан части 2 статьи 17, и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан", заслушав доклад судьи Каримова К.М., объяснения и доводы сторон и участников судебного заседания, исследовав представленные материалы и другие документы, **у с т а н о в и л:**

Судья суда района Шохмансур города Душанбе Шодиев Ш.Р., обратившись с представлением в Конституционный Суд Республики Таджикистан, отмечает, что 8 октября 2008 года в Суд района Шохмансур города Душанбе обратился гражданин Мирзоалиев Д.К. с исковым заявлением о расторжении брака с его женой Мирзоалиевой С.

Однако суд своим определением от 17 октября 2008 года

оставил его заявление без рассмотрения, ссылаясь на статью 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1998 год, №22), в соответствии с которой "муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело в суде о расторжении брака во время беременности жены и в течение полутора лет после рождения ребёнка".

Он отмечает, что хотя статьей 21 Семейного кодекса Республики Таджикистан предусматривается расторжение брака судом при наличии у супругов несовершеннолетних детей или при отсутствии согласия одного из супругов на расторжение брака и в других случаях, однако статья 17 названного Кодекса сделала невозможным расторжение брака по инициативе мужа, и он во время беременности жены и до достижения полутора лет ребёнку не имеет возможности расторгнуть брак без согласия жены.

По его мнению, положения статьи 17 Кодекса противоречат требованиям части 2 статьи 17 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой "мужчины и женщины равноправны", и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой "в семейных отношениях и при расторжении брака супруги равноправны", и, следовательно, ограничивают конституционное равноправие мужчины и женщины в вопросах расторжения брака.

Поэтому Шодиев Ш.Р., считая статью 17 Семейного кодекса противоречащей требованиям части 2 статьи 17 и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан, просит Конституционный Суд признать её утратившей силу и свои требования подтвердил в судебном заседании.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, всесторонне проанализировав спорные вопросы, содержащиеся в представлении Шодиева Ш.Р., отмечает, что государственная политика Республики Таджикистан по вопросам семьи основывается на Конституции Республики Таджикистан, международно-правовых актах, признанных Республикой Таджикистан, национальных ценностях, месте и роли женщины в таджикском обществе, принципе добровольности брачного союза мужчины и женщины и направлена на построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уваже-

ния, приоритета воспитания детей и обеспечения прав и интересов несовершеннолетних членов семьи.

Так, часть 1 статьи 16 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года объявляет, что "мужчины и женщины пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения".

В данном акте особо отмечается, что семья является естественной и основной ячейкой общества и что "материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь".

Дальнейшее всестороннее развитие правовых основ семьи, равноправие мужчины и женщины в семейных отношениях, место материнства и младенчества нашли свое отражение в целом ряде международно-правовых актов.

В том числе в статье 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года и ратифицированного Республикой Таджикистан 4 апреля 1999 года, отмечается: участвующие в настоящем Пакте государства признают, что:

1. "Особая охрана должна предоставляться матерям в течение разумного периода до и после родов"

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года и ратифицированный Республикой Таджикистан 4 апреля 1999 года, предусматривает, что "участвующие в настоящем Пакте государства должны принять надлежащие меры для обеспечения равенства прав и обязанностей супругов в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении. В случае расторжения брака должна предусматриваться необходимая защита всех детей".

Конвенция о правах ребенка, которая была принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года и ратифицирована Верховным Советом Республики Таджикистан 26 июня 1993 года, устанавливает, что "ребёнку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания".

Республика Таджикистан, признавая названные международно-правовые акты, опираясь на свои культурные ценности, считая семью важнейшей основой общества, отразила их основные идеи в своей Конституции и в законодательстве.

Так, часть 2 статьи 17 Конституции Республики Таджикистан, объявляя равноправие мужчины и женщины во всех общественных отношениях, считает данный принцип основой в создании семьи.

Статья 33 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой "семья, как основа общества, находится под защитой государства", направлена на защиту семьи, матери и ребенка, создает такую правовую атмосферу, механизм реализации которой закреплен в Семейном кодексе и в других нормативных правовых актах.

Конституционный Суд Республики Таджикистан отмечает, что равноправие мужчины и женщины в вопросах расторжения брака рассматривается в контексте защиты имущественных и неимущественных прав и интересов беременной женщины, кормящей матери, приоритета воспитания ребенка и заботы о его развитии, а также обеспечения прав и интересов матери и ребенка, т. к. "материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь" и требуют, чтобы к детям относились как к лицам, не достигшим физического и умственного развития, нуждающимся в особой заботе, защите и воспитании, а в необходимых случаях, предусмотренных законодательством, их права и интересы ставились выше, чем интересы их родителей.

Статья 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан, ограничивая права мужа на расторжение брака, конкретизирует принцип семейного законодательства, в соответствии с которым права некоторых из членов семьи могут быть ограничены в той мере, в которой это необходимо для обеспечения нравственности, здоровья, прав и интересов других членов семьи. В этом случае законодатель устанавливает высокий барьер для защиты здоровья, имущественных и неимущественных прав и интересов беременной женщины, матери с грудным ребенком и запрещает мужу требовать расторжения брака в случаях, предусмотренных статьей 17 Семейного кодекса.

Положение, предусмотренное частью 6 статьи 1 Семейного кодекса Республики Таджикистан, в соответствии с которым "права граждан в семье могут быть ограничены только на основании семейного законодательства и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты прав, законных интересов, нравственности и здоровья других членов семьи и граждан", соответствует части 3 статьи 14 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой "ограничения прав и свобод граждан допускаются только с целью обеспечения прав и свобод других граждан".

С другой стороны, важнейшим и ценным проявлением в международно-правовых актах и в национальном законодательстве является то, что во всех отраслях законодательства, в т. ч. в уголовном, административном, трудовом, семейном и других учитываются физиологические и биологические особенности женщины и её общественное положение как продолжателя человеческого рода, и это ни при каких обстоятельствах не противопоставляется принципу равноправия мужчины и женщины, т.е. равноправие мужчины и женщины признается полным с учетом вышеуказанных особенностей и положения женщин в обществе.

Доводы Шодиева Ш.Р. в части того, что ограничение, предусмотренное статьей 17 Семейного кодекса, относится только к мужчинам и что женщины во время беременности и после родов, до достижения ребенком полутора лет, в расторжении брака являются свободными и это обстоятельство, по сути дела, является свидетельством неравноправия мужчины и женщины, при расторжении брака являются необоснованными и опровергаются вышеназванными доводами.

Эта привилегия женщины никоим образом не означает злоупотребление женщины своим правовым положением при расторжении брака, а наоборот, это обстоятельство еще раз свидетельствует о месте и ответственности женщины в рождении, воспитании, представлении обществу здоровых детей, и такое положение соотносится с частью 1 статьи 34 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой "мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства".

Таким образом, статья 17 Семейного кодекса Республи-

ки Таджикистан, которая запрещает мужу без согласия жены обратиться с иском в суд о расторжении брака во время беременности жены и в течение полутора лет после рождения ребенка, принята с учетом приоритета воспитания ребенка, обоюдного участия родителей в процессе их воспитания, материальной и психологической поддержки матери во время беременности и после неё, заботы о матери и ребенке, приоритетности их прав и интересов и соответствуют части 2 статьи 17 и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан.

На основании вышеизложенного и в соответствии со статьей 89 Конституции Республики Таджикистан, статьями 32, 36, 46-48, 50 и 54 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" Конституционный Суд Республики Таджикистан

п о с т а н о в л я е т:

1. Статья 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 год, №22), согласно которой "муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело в суде о расторжении брака во время беременности жены и в течение полутора лет после рождения ребенка" соответствует части 2 статьи 17 и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан.

2. Постановление окончательное, обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня его принятия.

3. Настоящее постановление подлежит опубликованию в "Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан", в газетах "Джумхурия", "Садои мардум" и "Народная газета".

**Председатель
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

М. Махмудов

**Судья-секретарь
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

К. Каримов

**Постановление Конституционного Суда
Республики Таджикистан
по делу "Об определении соответствия
пункта 15 статьи 1 Закона Республики Таджикистан
от 20 марта 2008 года №370 "О внесении изменений
и дополнений в Закон Республики Таджикистан
"О дорожном движении" и пункта 1 Постановления
Правительства Республики Таджикистан от 1 апреля
2008 года №179 "О внесении изменений и дополнений
в некоторые постановления Правительства Республики
Таджикистан" части 3 статьи 5, части 1 статьи 10,
части 2 статьи 14 и части 2 статьи 32 Конституции
Республики Таджикистан"**

город Душанбе

12 ноября 2008 года

Конституционный Суд Республики Таджикистан в составе председательствующего - председателя Конституционного Суда Республики Таджикистан Ходжаева И.Х., судей Конституционного Суда Абдуллаева А.А., Абдуллоева Л.И., Каримова К.М., Мукбилшоева Б.М., Назарова М.Н.;

с участием секретаря судебного заседания Холиковой Ш.С.;
сторон:

Исроилова Хисомиддина - стороны, по ходатайству которой возбуждено конституционное судопроизводство;

Рахимова М.З. - полномочного представителя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан в Конституционном Суде, доктора юридических наук, профессора; Махмудова М.А., полномочного представителя Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан в Конституционном Суде, академика Академии наук Республики Таджикистан; Бобоева У.Х. - полномочного представителя Президента Республики Таджикистан в Конституционном Суде, кандидата юридических наук;

- представителей сторон, принявших, одобрявших и подписавших нормативные правовые акты, которые стали предметом спора;

приглашенных:

Шамсова А.С. - заместителя Министра внутренних дел Республики Таджикистан, Азимова О. - прокурора Управления по надзору за исполнением законов на транспорте и коммуникаций Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, Саидова К.Т. - начальника Управления по надзору за безопасностью на транспорте Министерства транспорта и коммуникаций Республики Таджикистан, Рахматуллоева Н. - начальника отдела Управления государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, Пулодова Р.К. - начальника отдела технического контроля Государственной службы по надзору и регулированию в области транспорта, Абдусаломова Р.Ч. - заместителя начальника Правового управления Таможенной службы при Правительстве Республики Таджикистан, Каримова А.Р. - заместителя начальника Управления организации таможенного контроля Таможенной службы при Правительстве Республики Таджикистан, Усмонова А.Р. - начальника отдела автотехнической экспертизы Экспертно-криминалистического центра Министерства юстиции Республики Таджикистан;

на основании статьи 89 Конституции Республики Таджикистан, статьи 14, пункта 6 статьи 37 и статьи 46 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан", рассмотрев в открытом судебном заседании Конституционного Суда дело по ходатайству гражданина Исроилова Хисомиддина "Об определении соответствия пункта 15 статьи 1 Закона Республики Таджикистан от 20 марта 2008 года №370 "О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан "О дорожном движении" и пункта 1 Постановления Правительства Республики Таджикистан от 1 апреля 2008 года №179 "О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Правительства Республики Таджикистан" части 3 статьи 5, части 1 статьи 10, части 2 статьи 14 и части 2 статьи 32 Конституции Республики Таджикистан", заслушав доклад судьи Каримова К.М., объяснения и доводы сторон, выступления приглашенных, исследовав представленные материалы и другие документы, **установил:**

Гражданин Исроилов Хисомиддин обратился с ходатайством в Конституционный Суд и в нем отмечает, что 23 июня

2008 года принадлежащая ему автомашина марки "Мицубиси" была остановлена работниками Государственной автомобильной инспекции ОВД г. Исфары и в связи с нахождением рулевого управления его автомашины с правой стороны, был оформлен соответствующий акт, изъяты государственные регистрационные номера и его водительское удостоверение.

Он, не согласившись с этими действиями, считает, что пункт 15 статьи 1 Закона Республики Таджикистан от 20 марта 2008 года №370 "О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан "О дорожном движении", в соответствии с которым статья 24 Закона Республики Таджикистан от 4 ноября 1995 года "О дорожном движении" (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1995 год, №22, ст. 336; 1997 год, №23-24, ст. 333; 2000 год, №11, ст. 527) дополнена частью 2 следующего содержания: "Участие в дорожном движении транспортных средств с правосторонним рулевым управлением не разрешается" и пункт 1 Постановления Правительства Республики Таджикистан от 1 апреля 2008 года №179 "О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Правительства Республики Таджикистан" в соответствии с которым Правила дорожного движения Республики Таджикистан дополнены подпунктом 2.4. следующего содержания: "2.4. Если рулевое управление не расположено слева от продольной симметрии автомобиля.

Если центр рулевого колеса не расположен против середины посадочного места водителя" не соответствуют части 3 статьи 5, части 1 статьи 10, части 2 статьи 14 и части 2 статьи 32 Конституции Республики Таджикистан.

По его мнению, вышеназванные акты, ограничив его право собственности, лишили дальнейшего использования им личного транспортного средства.

В связи с этим просит Конституционный Суд Республики Таджикистан признать их недействительными, подтвердив свои требования в судебном заседании.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, исследовав рассматриваемый спорный вопрос, установил, что в соответствии с Законом Республики Таджикистан от 4 ноября 1995 года №196 "О дорожном движении" и Правилами до-

рожного движения Республики Таджикистан, утвержденными Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 27 декабря 1997 года №565 на дорогах республики установлено правостороннее движение транспортных средств. Действие водителей, пешеходов, дорожников, инспекторов и других участников дорожного движения, а также установка знаков, регулирующих дорожное движение, светофоров и обучение водителей в учебных учреждениях осуществляются с учетом правостороннего движения транспортных средств и приведены в соответствие с техническими особенностями автомашин с левосторонним рулевым управлением.

Однако отдельные граждане, игнорируя указанные положения, стали ввозить в республику большое количество автомашин с правосторонним рулевым управлением и эксплуатировать их. С увеличением их количества растет также число автотранспортных происшествий, создавая серьезную угрозу жизни, здоровью и собственности участников дорожного движения.

Специалисты и эксперты показали в судебном заседании Конституционного Суда, что эксплуатация транспортных средств с правосторонним рулевым управлением не соответствует установленным правилам дорожного движения, так как во время движения они представляют большую опасность, чем другие транспортные средства. Водителям этих транспортных средств во время обгона или объезда другого препятствия на пути следования, не имея необходимого обзора в направлении своего движения, приходится выезжать на полосу встречного движения, высаживать пассажира, находящегося рядом с ними, на проезжую часть автодороги или же сажать пассажира оттуда. Своими действиями, нарушая правила дорожного движения, они способствуют совершению транспортных происшествий, гибели людей, причинения вреда их здоровью и собственности. Эти транспортные средства также по техническим особенностям не приспособлены для движения по правой стороне дороги в ночное время, т.к. свет их фар вместо освещения правой стороны дороги направлен в левую сторону и ослепляет водителей встречных транспортных средств.

Анализ правовых актов и обстоятельств эксплуатации

транспортных средств с правосторонним рулевым управлением, рассмотренных в судебном заседании, свидетельствует о том, что государство с учетом фактических и правовых реалий, в целях обеспечения безопасности дорожного движения, защиты жизни и здоровья граждан, их собственности внесло в вышеуказанные правовые акты необходимые соответствующие дополнения, запретив использование транспортных средств с правосторонним рулевым управлением на дорогах республики, устранив неупорядоченность этих общественных отношений.

Государство, считая своей первоочередной задачей обеспечение правопорядка, защиту конституционных прав и свобод, в том числе жизнь и здоровье человека, признанных высшей ценностью, внесло необходимые дополнения в вышеуказанные акты, т.е., принимая во внимание возникшие на дорогах республики обстоятельства, упорядочило правила эксплуатации транспортных средств с правосторонним рулевым управлением, которые могли нанести серьезный ущерб общественному порядку, жизни и здоровью человека, а также его собственности.

Положения статьи 9 Закона Республики Таджикистан "О дорожном движении" также обязывают Правительство Республики Таджикистан в целях урегулирования правил дорожного движения разрабатывать соответствующие проекты законов и нормативных правовых актов и в последующем, с принятием этих актов, установить единые требования к участию транспортных средств, эксплуатируемых в Республике Таджикистан.

Пункт 2.3.1. Правил дорожного движения Республики Таджикистан обязывает водителей транспортных средств создавать безопасные условия для дорожного движения и не причинять своими действиями и бездействием вреда другим участникам дорожного движения.

Согласно части 4 статьи 232 Гражданского кодекса Республики Таджикистан собственник обязан при осуществлении правомочий по использованию своего имущества не нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц.

Для переоборудования транспортных средств граждан, по техническим особенностям не соответствующих прави-

лам дорожного движения, государство создало необходимые правовые и технические условия для перестановки рулевого управления их транспортных средств на левостороннее в мастерских, имеющих специальное разрешение Государственной службы по надзору и регулированию в области транспорта, приведя их в соответствие с требованиями Технических условий переоборудования автотранспортных средств с правосторонним рулевым управлением, зарегистрированных в Агентстве по стандартизации, метрологии, сертификации и торговой инспекции Республики Таджикистан за №ТУ 4500 РТ 304 95111.01-2008 от 8 апреля 2008 года, а также их использования на основании заключения технической комиссии при Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Таджикистан.

Доводы обратившегося о том, что внесенные в вышеуказанные акты изменения и дополнения не соответствуют части 3 статьи 5, части 1 статьи 10, части 2 статьи 14 и части 2 статьи 32 Конституции Республики Таджикистан не имеют фактических и юридических оснований. Исследование и обсуждение рассматриваемого вопроса, сопоставление изменений, внесенных в вышеуказанные акты, с Конституцией показали, что они внесены в рамках законодательства и полностью соответствуют конституционным нормам.

Так, в части 3 статьи 5 Конституции установлено, что права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством.

В части 1 статьи 10 Конституции говорится, что Конституция Республики Таджикистан обладает высшей юридической силой, ее нормы имеют прямое действие. Законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы.

В соответствии с частью 2 статьи 14 Конституции права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью.

Из смысла и содержания внесенных изменений усматри-

вается, что они соответствуют положениям вышеуказанных норм Конституции и приняты с целью охраны жизни, здоровья и собственности граждан, и с Конституцией у них нет противоречий.

Доводы Исроилова Х. о несоответствии внесенных дополнений части 2 статьи 32 Конституции, согласно которой никто не вправе лишать и ограничивать право гражданина на собственность, не приемлемы и опровергаются также вышеуказанными обстоятельствами и частью 3 статьи 14 Конституции, так как в соответствии с указанной нормой Конституции, так как в соответствии с указанной нормой Конституции наряду с признанием, соблюдением, гарантией защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, государством также предусматривается и возможность ограничения этих прав. И такое ограничение допускается с целью защиты важнейших общечеловеческих ценностей и государственности, в том числе с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики. То есть эта норма требует, чтобы граждане использовали свои права и свободы таким образом, чтобы они не нарушали права и свободы других лиц, интересы государства и общества.

Возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина предусмотрена и в международно-правовых актах, признанных Республикой Таджикистан. Так, часть 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) гласит: "При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе".

Целью принятия исследуемых актов является не ограничение прав граждан по использованию их личной собственности, а регулирование и приведение в соответствие эксплуатации транспортных средств с правосторонним рулевым управлением с положениями Закона Республики Таджикистан "О дорожном движении" и Правилами дорожного движения Республики Таджикистан.

Конституционный Суд, обсудив доводы обратившегося о том, что транспортные средства с правосторонним рулевым управлением зарегистрировались в Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, их купля-продажа оформлялись в нотариальных конторах, отмечает, что регистрация и оформление в нотариальных конторах купли-продажи этого вида транспортного средства, не соответствующего установленным правилам дорожного движения, не является основанием для признания неконституционными рассматриваемых нормативных актов.

Конституционный Суд по доводу Исроилова Х. о том, что переоборудование рулевого управления автомашин справа налево наносит материальный ущерб владельцам таких автомашин, отмечает, что рассмотрение таких споров относится к компетенции судов общей юрисдикции. Конституционный же Суд разрешает только вопросы права.

Таким образом, на основании анализа и исследования в судебном заседании доказательств, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что пункт 15 статьи 1 Закона Республики Таджикистан от 20 марта 2008 года №370 "О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан "О дорожном движении" и пункт 1 Постановления Правительства Республики Таджикистан от 1 апреля 2008 года №179 "О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Правительства Республики Таджикистан" приняты с целью обеспечения конституционных прав и свобод участников дорожного движения и соответствуют Конституции Республики Таджикистан.

На основании вышеизложенного, согласно статье 89 Конституции Республики Таджикистан и статьям 47, 48, 50 и 54 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" Конституционный Суд Республики Таджикистан **п о с т а н о в л я е т:**

1. Пункт 15 статьи 1 Закона Республики Таджикистан от 20 марта 2008 года №370 "О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан "О дорожном движении", в соответствии с которым статья 24 Закона Республики Таджикистан от 4 ноября 1995 года "О дорожном движении"

(Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1995 год, №22, ст. 336; 1997 год, №23-24, ст. 333; 2000 год, №11, ст. 527) дополнена частью 2 следующего содержания: "Участие в дорожном движении транспортных средств с правосторонним рулевым управлением не разрешается" и пункт 1 Постановления Правительства Республики Таджикистан от 1 апреля 2008 года №179 "О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Правительства Республики Таджикистан" в соответствии с которым Правила дорожного движения Республики Таджикистан дополнены подпунктом 2.4. следующего содержания: "2.4. Если рулевое управление не расположено слева от продольной симметрии автомобиля.

Если центр рулевого колеса не расположен против середины посадочного места водителя" соответствуют части 3 статьи 5, части 1 статьи 10, части 2 статьи 14 и части 2 статьи 32 Конституции Республики Таджикистан.

2. Постановление окончательное, обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня его принятия.

3. Настоящее постановление подлежит опубликованию в "Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан", в газетах "Джумхурия", "Садои мардум" и "Народная газета".

**Председатель
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

И. Ходжаев

**Секретарь
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

К. Каримов

**Постановление Конституционного Суда
Республики Таджикистан
по делу о ходатайстве гражданина Рахмонова М.
"Об определении соответствия пункта 2 части 1 статьи
335 Уголовно-процессуального кодекса Республики
Таджикистан части 1 статьи 10, части 1 статьи 17,
статье 19 и части второй статьи 88
Конституции Республики Таджикистан"**

город Душанбе

12 декабря 2007 года

Конституционный Суд Республики Таджикистан в составе председательствующего - Председателя Конституционного Суда Республики Таджикистан Ходжаева И.Х., судей: Назарова М.Н., Абдуллаева А.А., Абдуллоева Л.И. и Мукбилшоева Б.М.; при секретаре Бобохонова С.;

с участием сторон:

Холикова А.С. - представителя Рахмонова М., стороны, по представлению которой возбуждено конституционное судопроизводство;

Махмудова М.А. - полномочного представителя Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента АН Республики Таджикистан, Рахимова М.З. полномочного представителя Маджлиси намоядагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доктора юридических наук, профессора, Бобоева У.Х. - полномочного представителя Президента Республики Таджикистан в Конституционном Суде Республики Таджикистан, кандидата юридических наук - стороны, в отношении нормативного правового акта которого возбуждено конституционное судопроизводство;

приглашенных:

Хасанова Н.М. - судьи Верховного Суда Республики Таджикистан - представителя Верховного Суда Республики Таджикистан;

Исмоилова Ю.М. - представителя Генерального прокурора Республики Таджикистан,

на основании статьи 89 Конституции Республики Таджи-

кистан, статей 14 и 37 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан", рассмотрев в открытом судебном заседании дело по ходатайству гражданина Рахмонова М., заслушав доклад судьи Абдуллаева Л.И., объяснения и доводы представителя ходатайствующего Рахмонова М. - Холикова А.С. и других представителей сторон, изучив представленные материалы, **установил:**

Гражданин Рахмонов М. в своём обрушении в Конституционный Суд указал, что суд города Худжанда, рассмотрев в апреле 2006г., затем в феврале 2007 года уголовное дело по обвинению его по пункту "д" части 4 статьи 200, статьи 32, части 3 статьи 289, части 2 и 3 статьи 286 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, определениями судебных заседаний соответственно от 24 июля 2006 г. и 8 февраля 2007 г. в связи с недоказанностью его вины вернул дело на дополнительное расследование вместо вынесения оправдательного приговора.

Рахмонов М. попросил своего защитника принести жалобу на определение суда о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование. Но он разъяснил ему, что положение пункта 2 части 1 статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан предоставляет право принесения протеста на определение суда и постановление судьи, вынесенные на основании статей 16, 228, 231, 233, 257, 260 и части 2 статьи 310 и статьи 325 настоящего Кодекса только прокурору, другие же участники процесса лишены этой возможности. Это положение закона нарушает принцип равноправия участников процесса, препятствует осуществлению его конституционного права на судебную защиту. Поэтому он просит Конституционный Суд признать пункт 2 части 1 статьи 335 УПК Республики Таджикистан не соответствующим части 1 статьи 10, части 1 статьи 17, статьи 19 и части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, обсудив рассматриваемый в судебном заседании вопрос, установил, что согласно пункту 2 части 1 статьи 335 УПК Республики Таджикистан определение суда о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование, вынесенное в соответ-

ствии со статьей 233 (в распорядительном заседании суда), 257 (в связи с возбуждением уголовного дело по новому обвинению), 260 (в судебном заседании) и частью 2 статьи 310 УПК Республики Таджикистан (по окончании судебного разбирательства, судебных прений и выслушивания последнего слова подсудимого) не могут быть обжалованы подсудимым, потерпевшим, защитником и их представителями, однако могут быть опротестованы прокурором.

Как следует из материалов дела суд первой инстанции, признав недостаточными собранные по делу доказательства, в своем определении поставил вопрос о проведении дополнительного расследования и установлении обстоятельств, относящихся к предъявленному Рахмонову М. обвинению.

Указания суда, изложенные в определении, оказывают влияние на конституционные права и свободы подсудимого. Более того, оставлена без изменения мера пресечения - содержание его под стражей. Как видно из определения о возвращении уголовного дела Рахмонова М. на дополнительное расследование, он содержался в предварительном заключении 1 год и 9 месяцев, тогда как согласно части 2 статьи 92 УПК Республики Таджикистан максимальный срок предварительного заключения установлен в 1 год 6 месяцев.

В связи с этим необходимо отметить, что в обоих определениях вопрос о возвращении уголовного дела в отношении Рахмонова М. на дополнительное расследование судом первой инстанции решался на основании части 2 статьи 310 УПК Республики Таджикистан. Поэтому он может быть субъектом обращения в Конституционный Суд.

Статьи 233, 257 и 260 УПК Республики Таджикистан предусматривают также вопросы возвращения уголовного дела на дополнительное расследование на других стадиях судебного процесса. На определения, вынесенные на основании этих статей и части 2 статьи 310 УПК Республики Таджикистан, в соответствии с частью 2 пункта 1 статьи 335 УПК Республики Таджикистан прокурор имеет право принесения протеста, а другие участники процесса лишены права принесения жалобы.

Поэтому, учитывая общность оснований и одинаковые последствия процессуального действия возвращения уго-

ловных дел на дополнительное расследование, с целью полного обеспечения прав граждан на судебную защиту, Конституционный Суд считает необходимым определить соответствии Конституции пункта 2 части 1 статьи 335 УПК Республики Таджикистан в части недопустимости обжалования определений суда, принятых на основании статей 233, 257, 260 и части 2 статьи 310 УПК Республики Таджикистан.

В уголовном процессе сторонами являются подсудимые и их защитники, потерпевшие и их представители, гражданские истцы и ответчики и их представители, которые согласно части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан по всем вопросам, связанным с их процессуальными правами, должны иметь равные права с прокурором.

Лишение других участников процесса права принесения жалоб на определения суда о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование в любых судебных инстанциях нарушает право граждан на судебную защиту и чреват последствиями, которые имели место с Рахмоновым М.

Конституционные нормы предоставляют Рахмонову М. право обжаловать в кассационном порядке в вышестоящий суд законность и обоснованность указанного определения. Это инстанция является одной из форм судебного надзора над нижестоящими судебными инстанциями. Посредством её в короткие сроки проверяются законность и обоснованность постановлений и определений судов первой инстанции, тем самым предотвращается вступление в силу незаконных судебных решений, защищаются конституционные права и свободы граждан, реализуется их право на судебную защиту.

Существование института кассационного рассмотрения является важной гарантией осуществления правосудия, обеспечения законности и защиты прав граждан судами.

Этот вопрос должен обеспечиваться не только путем принесения прокурором частного протеста, но также путём принесения частной жалобы другими участниками судебного процесса.

Однако согласно пункту 2 части 1 статьи 335 УПК Республики Таджикистан в вышеназванном деле, препятствия в осуществлении конституционных прав подсудимого, потерпев-

шего, их защитников и представителей, противоречит нормам Конституции и международно-правовым актам. Так, в части 1 статьи 10 Конституции Республики Таджикистан установлено, что её нормы обладают высшей юридической силой и имеют прямое действие. Законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы.

Согласно требованиям части 1 статьи 17 Конституции Республики Таджикистан все равны перед законом и судом. Статья 19 Конституции Республики Таджикистан гарантирует каждому судебную защиту, то есть каждый вправе требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом.

Согласно требованиям части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан судебный процесс осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон.

В статье 14 Международного пакта "О гражданских и политических правах" говорится, что "все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона".

Таким образом, изучение и анализ материалов дела, примененных законов и их сравнение с Конституцией и статьей 14 указанного международного правового акта показывают, что требования пункта 2 части 1 статьи 335 УПК Республики Таджикистан не соответствуют указанным нормам Конституции, которые требуют от всех органов государственной власти, в том числе соответствующих органов судебной власти, соблюдения, обеспечения и осуществления прав, свобод и интересов граждан.

Это обстоятельство требует от Маджлиси Оли Республики Таджикистан внести соответствующие изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан.

Согласно данному постановлению Конституционного Суда до внесения изменений и дополнений в УПК Республики

Таджикистан суды обязаны рассматривать жалобы на определения судов о возвращении уголовных дел на дополнительное расследование в порядке рассмотрения кассационных жалоб и протестов, установленных этим Кодексом. Эти действия, соответствуя деятельности судебных органов, реализуют право граждан на судебную защиту.

Как видно из обращения Рахмонова М., он также просит Конституционный Суд Республики Таджикистан признать неконституционными статьи 16, 228, 231 и 325 УПК Республики Таджикистан.

По этому поводу необходимо отметить, что согласно пункту 4 части 1 статьи 37 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" граждане становятся субъектами обращения в Конституционный Суд по применённым законам в конкретном деле после рассмотрения вопроса соответствующими органами.

Кроме того, указанные статьи регламентируют вопросы о вынесении частного определения об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления (статья 16), вопросы предания обвиняемого суду в распорядительном заседании (статья 228), порядка вынесения постановления и определения о предании суду (231) и порядка внесения частного определения (статья 325 УПК Республики Таджикистан). Эти нормы к Рахмонову М. не применялись и не рассматривались соответствующими органами, то есть согласно требованиям части 4 статьи 37 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан", в данном случае он не может считаться субъектом обращения в Конституционный Суд.

В связи с этим, Конституционный Суд Республики Таджикистан пришел к выводу о том, что ходатайство в части признания неконституционным пункта 2 части 1 статьи 335 УПК Республики Таджикистан в отношении определений суда и постановлений судьи, вынесенных на основании статьи 16, 228, 231 и 325 УПК Республики Таджикистан, по существу не рассматривать и производство его в этой части прекратить.

На основании вышеуказанного и согласно статье 89 Конституции Республики Таджикистан, статей 14, 32, 36-39, 46, 48,

и 50 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан", Конституционный Суд Республики Таджикистан **постановляет:**

1. Пункт 2 части первой статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан в части недопустимости обжалования определений суда о возвращении дела на дополнительное расследование в случаях, предусмотренных статьями 233, 257, 260 и части второй статьи 310 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан считать не соответствующим части 1 статьи 10, части 1 статьи 17, статье 19 и части второй статьи 88 Конституции Республики Таджикистан.

2. Маджлиси Оли Республики Таджикистан необходимо в законодательном порядке определить и привести в соответствие с Конституцией Республики Таджикистан порядок принесения жалобы и протеста на определения суда о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование.

3. В соответствии со статьёй 54 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" данное постановление опубликовать в Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

4. Настоящее постановление окончательное, вступает в законную силу с момента оглашения и обжалованию не подлежит.

**Председатель
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

И. Ходжаев

**Секретарь
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

К. Каримов

**Постановление Конституционного Суда
Республики Таджикистан
по делу "Об определении соответствия статей 341
и 342 Гражданского процессуального кодекса
Республики Таджикистан частям 1 статей 17 и 19, части
2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан"**

город Душанбе

8 июня 2006 года

Конституционный Суд Республики Таджикистан в составе председательствующего - Председателя Конституционного Суда Республики Таджикистан Алиева З.М., судей: Фатхиллоева С.Ф., Абдуллаева А.А., Абдуллоева Л.И., Комиловой Х.Р. и Назарова М.Н.;

с участием секретаря судебного заседания Конституционного Суда Республики Таджикистан Рауфова М.М.;

при участии сторон: гражданина Шерова А.Н. и его полномочного представителя - адвоката Ерова Б.Р. - стороны, по представлению которой возбуждено конституционное судопроизводство;

полномочных представителей: Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмудова М.А., Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Рахимова М.З., Президента Республики Таджикистан Муродова Д.Х. - сторон, в отношении нормативных правовых актов которых возбуждено конституционное судопроизводство;

приглашенных: представителя Верховного Суда Республики Таджикистан - помощника Председателя Верховного Суда Республики Таджикистан Иномова Б.И. и представителя Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан - старшего прокурора Управления по надзору за законностью судебных постановлений по хозяйственным и гражданским делам Бозорова М.;

на основании статьи 89 Конституции Республики Таджикистан, статей 14 и 37 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан", рассмотрев в открытом судебном заседании дело "Об определении соответствия статей 341 и 342 Гражданско-

Из практики органов конституционного правосудия

го процессуального кодекса Республики Таджикистан частям 1 статей 17 и 19, части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан, заслушав доклад судьи Мукбилшоева Б.М., выслушав объяснения сторон, исследовав материалы дела, **у с т а н о в и л:**

Гражданин Шеров А.Н. обратился в Конституционный Суд с ходатайством, в котором указал, что 1 июня 2004 года Муминабадский районный суд Хатлонской области своим решением удовлетворил иск Рахмоновой З. к нему о взыскании имущества, а в иске третьего лица Шерова М. к нему и ответчику Гулову Н. о признании права собственности на имущество отказал. Судебная коллегия по гражданским делам Хатлонского областного суда, рассмотрев в кассационном порядке 4 августа 2004 года данное дело, отменила решение районного суда и направила его на новое рассмотрение в ином составе суда. Президиум Хатлонского областного суда 31 марта 2005 года отменил кассационное определение и своим постановлением направил дело на новое кассационное рассмотрение в ином составе суда. Судебная коллегия по гражданским делам Хатлонского областного суда своим определением оставила решение суда без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения.

Эти определения были им обжалованы в Верховный Суд Республики Таджикистан. Верховным Судом был дан ответ, что на основании статей 341 и 342 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан решения первой и кассационной инстанции Хатлонского областного суда являются законными и обоснованными, оснований для принесения протеста нет. Обратившийся отмечает, что статья 91 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан дает ему, как ответчику, право обжалования решения суда, но статьи 341 и 342 данного Кодекса, определяя круг лиц, имеющих право принесения протеста в порядке надзора, предоставляет это право только Председателю Верховного Суда Республики Таджикистан и его заместителям, Генеральному прокурору и его заместителям, Председателю суда ГБАО и города Душанбе, прокурору ГБАО и города Душанбе, тем самым ограничивает права сторон и других участников процесса по принесению жалобы в порядке надзора.

В связи с этим, гражданин Шеров А.Н. просит Конституционный Суд определить соответствие статей 341 и 342 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан в части непредставления сторонам права обжалования вступивших в законную силу постановлений, решений и определений суда статье 10, частям 1 и 3 статьи 14, статье 17, части 1 статьи 19, части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан и признать их неконституционными, так как, по его мнению, эти ограничения нарушают равноправие граждан перед законом и судом, гарантию судебной защиты и равноправия сторон на судебном процессе.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, всесторонне рассмотрев постановленные вопросы, установил, что в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан права и свободы человека и гражданина охраняются Конституцией, законами республики, признанными Таджикистаном международно-правовыми актами осуществляются непосредственно и обеспечиваются судебной властью. Ограничение этих прав и свобод граждан допускается только с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики.

В части 1 статьи 17 Конституции установлено, что "все равны перед законом и судом".

В соответствии с частью 1 статьи 19 Конституции Республики Таджикистан каждому гарантируется судебная защита. Каждый гражданин вправе требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным, независимым и беспристрастным судом. Гарантия справедливой судебной защиты нарушенных прав полностью обеспечивается и восстанавливается совокупностью процессуальных мер. Одним из таких процессуальных способов судебной защиты гражданина является право принесения жалобы в надзорном порядке на судебные акты, вступившие в законную силу.

Принесение надзорной жалобы на судебные акты является одним из демократичных принципов судебного процесса и обеспечивает осуществление прав и свобод человека. Это правило является одним из способов проверки законности и обоснованности актов, принятых судами всех инстан-

ций и направлено на исправление судебных ошибок и полное обеспечение правосудия.

Часть 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан устанавливает, что судебный процесс осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон. Согласно требованиям этой нормы стороны в судебном процессе должны иметь равные права и возможность защищать свои права и интересы во всех судебных инстанциях, в том числе в надзорной.

В соответствии с частью 3 статьи 10 Конституции Республики Таджикистан международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам, применяются нормы международно-правовых актов. Право на судебную защиту является одним из основных признанных прав человека. Так, в части 1 статьи 14' Международного пакта "О гражданских и политических правах", к которому Республика Таджикистан присоединилась и ратифицировала постановлением Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 13 ноября 1995 года №701 и действует с 4 апреля 1999 года, говорится: "Все лица равны перед судами. Каждый имеет право при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона".

Несмотря на требования вышеназванных статей Конституции и части 1 статьи 14 Международного пакта "О гражданских и политических правах", в статье 341 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан говорится: "Вступившие в законную силу решения, определения и постановления всех судов Таджикистана могут быть пересмотрены в порядке судебного надзора по протестам должностных лиц, указанных в статье 342 настоящего Кодекса".

А в статье 342 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан установлено, что право принесения протеста в надзорной инстанции на вступившие в законную силу судебные решения предоставлено только Председателю Верховного Суда Республики Таджикистан и его заместите-

лям, Генеральному Прокурору Республики Таджикистан и его заместителям, Председателям суда ГБАО, областей и города Душанбе, прокурорам ГБАО, областей и города Душанбе.

Стороны и другие участники процесса в соответствии с требованиями названных статей не имеют права непосредственного принесения жалобы в надзорном порядке. Они могут после вступления в законную силу принятых судебных решений обратиться к вышеназванным должностным лицам для принесения протеста в надзорном порядке. Принесение или не принесение протеста в надзорном порядке зависит от желания и воли вышеназванных должностных лиц. Такой порядок и несовершенство указанных статей, нарушая равноправие сторон и других участников процесса перед законом и судом, противоречит нормам Конституции.

Ходатайствующий также просит определить соответствие статей 341 и 342 Гражданского процессуального Кодекса Республики Таджикистан статье 10, частям 1 и 3 статьи 14 Конституции Республики Таджикистан. Конституционный Суд, обсудив статьи 341 и 342 Гражданского процессуального Кодекса Республики Таджикистан во взаимосвязи с указанными статьями Конституции, оставил их без рассмотрения в связи с тем, что они не имеют между собой непосредственной связи.

Статьи 341 и 342 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан не соответствуют частям первым статей 17, 19 и части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан, которые, устанавливая процессуальное равенство всех перед законом и судом, дают право каждому требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом, а также указывают на ведение судебного разбирательства в порядке состязательности и равенства сторон, поскольку указанные конституционные принципы в них не отражены.

Отсюда статьи 341 и 342 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан в части непредоставления сторонам и другим участникам процесса права принесения надзорной жалобы на вступившие в законную силу решения, определения и постановления судов Республики Таджикис-

тан не соответствуют частям первым статей 17 и 19 и части второй статьи 88 Конституции Республики Таджикистан.

На основании вышеизложенного и в соответствии со статьей 89 Конституции Республики Таджикистан, статьями 32, 36, 46-48, 50 и 54 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" Конституционный Суд Республики Таджикистан **п о с т а н о в л я е т:**

1. Статьи 341 и 342 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан в части непредставления сторонам и другим участникам процесса права принесения надзорной жалобы на вступившие в законную силу решения, определения и постановления судов Республики Таджикистан признать не соответствующими частям первым статей 17 и 19 и части второй статьи 88 Конституции Республики Таджикистан.

2. Постановление окончательное, вступает в силу со дня принятия и обжалованию не подлежит.

3. Данное постановление опубликовать в "Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан".

**Председатель
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

З. Алиев

**Секретарь
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

М. Назаров

**Постановление Конституционного Суда
Республики Таджикистан**
**по делу "Об определении соответствия статьи 181
Хозяйственного процессуального кодекса Республики
Таджикистан статьям 17, 19 и части 2 статьи 88
Конституции Республики Таджикистан"**

город Душанбе

20 января 2005 года

Конституционный Суд Республики Таджикистан в составе председательствующего - Председателя Конституционного Суда Республики Таджикистан Алиева З.М., судей: Мустафоулова Ш.М., Назарова М.Н., Мукбилшоева Б.М., Абдуллоева Л.И., Комиловой Х.Р., с участием: секретаря судебного заседания Рауфова М.М.; полномочного представителя гражданина Куртбединова З.С. - адвоката Мунавварова Д.Ж., гражданина Акназарова К.А. - стороны, по ходатайству которой возбуждено конституционное судопроизводство; полномочных представителей Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан Махмудова М.А., Маджлиси намо-яндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Рахимова М.З., представителя Президента Республики Таджикистан Муродова Д.Х. - стороны, в отношении акта которой возбуждено конституционное судопроизводство;

приглашенных - представителей: Верховного Суда Республики Таджикистан - судьи Кодирова А., Высшего экономического суда Республики Таджикистан - первого заместителя председателя Носирова Н. и судьи Сафаровой Х.А., Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан - начальника Управления законности судебных решений по гражданским и хозяйственным делам Олимова М. и старшего прокурора этого же Управления Хотамбековой М. У.,

на основании статьи 89 Конституции Республики Таджикистан, статей 14 и 37 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" в открытом судебном заседании Конституционного Суда рассмотрев дело "Об определении соответствия статьи 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики

Из практики органов конституционного правосудия

Таджикистан статьям 17, 19 и части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан",

заслушав доклад судьи Комиловой Х.Р., объяснения сторон, исследовав представленные и другие материалы дела,
у с т а н о в и л:

Гражданин Куртбединов З.С. обратился в Конституционный Суд с ходатайством, в котором указал, что решением Экономического суда Согдийской области от 17 января 2001 года удовлетворены иски о взыскании с фирмы "Тамо" города Чкаловска 74749 долларов США. В апелляционной и кассационной инстанциях дело не рассматривалось. По протесту заместителя Генерального прокурора Республики Таджикистан постановлением Президиума Высшего экономического суда Республики Таджикистан от 20 сентября 2001 года данное решение отменено, жалоба ОАО "Саратовнефтегеофизика" о принесении протеста в порядке надзора отклонена в связи с истечением годичного срока подачи жалобы. Гражданин Куртбединов З.С. считает, что статья 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан, предоставляя право принесения протеста в порядке надзора только Председателю Высшего экономического суда и его заместителям, Генеральному прокурору Республики Таджикистан и его заместителям, ограничивает права других участников процесса. Это ограничение названной статьи, по мнению обращающегося, не соответствует статьям 17, 19 и части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан, так как он как участник процесса лишён возможности защиты своих интересов в стадии надзора. В связи с этим он просит определить соответствие названной нормы Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан Конституции Республики Таджикистан.

В Конституционный Суд Республики Таджикистан также обратились гражданин Республики Таджикистан Акназаров К.А. - бывший руководитель ОАО "Пахтаи Пролетар" и гражданин России Румянцев А.В. - представитель Международной Бизнес Компании "Айренген ЛТД", которые просят определить соответствие статьи 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан статьям 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан.

В ходатайстве Акназарова К.А. и Румянцева А.В. говорится, что постановлением кассационной инстанции от 12 ноября 2003 г. удовлетворен иск Генерального прокурора Республики Таджикистан в интересах ОАО "Пахтаи Пролетар" к Государственному комитету по управлению государственным имуществом и Международной Бизнес Компании "Айренген ЛТД" о признании недействительным договора купли-продажи приватизированного объекта. Акназаров К.А. и Румянцев А.В. считают, что они как участники процесса лишены права защиты своих интересов, так как в статье 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан указано, что только Председатель Высшего экономического суда Республики Таджикистан, его заместители или Генеральный прокурор и его заместители имеют право принесения протеста в порядке надзора на вступившие в законную силу решения и постановления экономических судов. Другие участники процесса лишены этого права. Поэтому положение данной статьи не соответствует статьям 17 и 19 Конституции Республики Таджикистан.

Согласно части 1 статьи 19 Конституции Республики Таджикистан каждому гражданину гарантируется судебная защита. Это право реализуется посредством всех процессуальных средств, обеспечивающих правосудие, восстанавливая нарушенные права. Одним из таких процессуальных средств является установленная главой XXII Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан возможность исправления судебных ошибок, допущенных на других стадиях судебного процесса, путём пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, что является средством восстановления законности и справедливости.

В соответствии со статьей 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан только Председатель Высшего экономического суда Республики Таджикистан и его заместители, Генеральный прокурор Республики Таджикистан и его заместители имеют право принесения протеста на вступившие в законную силу решения и постановления экономических судов. Стороны и другие участники процесса не имеют права принесения жалобы в порядке надзора. Они в течение года после вступления в законную силу

решений и постановлений экономических судов могут обратиться к Председателю Высшего экономического суда, Генеральному прокурору и их заместителям по вопросу принесения протеста в порядке надзора. Принесение или непринесение протеста в порядке надзора зависит от воли и желания этих должностных лиц.

Этот порядок нарушает равноправие сторон и других лиц, участвующих в деле, перед законом и судом и не соответствует требованиям принципа состязательности и равенства, предусмотренного частью 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан. Порядок, предусмотренный статьей 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан, также не соответствует требованиям статьи 17 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой все равны перед законом и судом.

Статья 19 Конституции гарантирует каждому судебную защиту. Каждый гражданин вправе требовать, чтобы его дело рассматривалось компетентным и беспристрастным судом. Справедливая гарантия судебной защиты нарушенных прав обеспечивается и восстанавливается посредством всего комплекса процессуальных средств. Одним из таких процессуальных средств судебной защиты каждого гражданина является его право на обжалование в надзорном порядке судебных актов, вступивших в законную силу.

Основаниями к отмене решений и постановлений, вступивших в законную силу, являются их незаконность и необоснованность. Пересмотр в порядке надзора решений и постановлений, вступивших в законную силу, даёт возможность отменить решения и постановления, принятые незаконно и необоснованно на других стадиях судебного процесса, и восстанавливает нарушенные права.

Право на судебную защиту является одним из важных общепризнанных прав человека. В статье 14 Международного пакта "О гражданских и политических правах", к которому Республика Таджикистан присоединилась на основании Постановления Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 ноября 1998 года №79, установлено, что все равны перед судом. Каждый человек вправе требовать, чтобы его дело рассматривал компетентный, независимый и беспристрастный

суд. Судебный процесс осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон.

По смыслу этих положений, право на судебную защиту предполагает наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме, и обеспечивается посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Эти требования также означают, что на разных стадиях хозяйственного процесса, в том числе в надзорной инстанции, стороны, обладая равными процессуальными правами, могут посредством этой стадии защищать свои права.

Конституционный Суд считает, что все вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о том, что положение статьи 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан, которое даёт право принесения протеста только Председателю Высшего экономического суда и его заместителям, Генеральному прокурору и его заместителям, лишает стороны и других участников процесса права принесения жалобы в порядке надзора на вступившие в законную силу решения и постановления экономических судов Республики Таджикистан, не соответствует статьям 17, 19 и части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан.

На основании вышеуказанного, в соответствии со статьей 89 Конституции Республики Таджикистан и статьями 14, 16, 36, 37, 46, 47, 48 и 50 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" Конституционный Суд Республики Таджикистан **п о с т а н о в л я е т:**

1. Статья 181 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан в части непредоставления сторонам и другим участникам процесса права принесения надзорной жалобы на вступившие в законную силу решения и постановления экономических судов не соответствует статьям 17, 19 и части 2 статьи 88 Конституции Республики Таджикистан.

2. Просить Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан относительно данного вопроса внести в Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Таджикистан соответствующие изменения и дополнения.

3. Согласно статье 54 Конституционного закона Республики Таджикистан "О Конституционном Суде Республики Таджикистан" опубликовать данное постановление в "Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан".

4. Постановление окончательное, вступает в силу со дня оглашения, действует непосредственно, не нуждается в подтверждении какого-либо органа или должностного лица и обжалованию не подлежит.

**Председатель
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

З. Алиев

**Секретарь
Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

М. Назаров

Резюме 7 Решений Конституционного Суда Украины

Резюме Решения Конституционного Суда Украины от 3 июля 2012 года № 14-рп/2012 по делу об официальном толковании положений статьи 786 Гражданского кодекса Украины по конституционному обращению частного предприятия „Научно-производственная фирма „VD MAIS“

Выводы:

Положение статьи 786 Гражданского кодекса Украины относительно начала течения исковой давности в один год следует понимать как то, что оно применяется к требованиям наймодателя о возмещении убытков в связи с повреждением вещи, которая была передана в пользование арендатору, и к требованиям нанимателя о возмещении затрат на улучшение вещи и не распространяется на другие требования арендатора и арендодателя, которые следуют из договора найма (аренды).

Краткое изложение:

Частное предприятие „Научно-производственная фирма „VD MAIS“ обратилось в Конституционный Суд Украины с ходатайством дать официальное толкование положений статьи 786 Гражданского кодекса Украины (далее – Кодекс) и разъяснить, применяется ли положение части второй статьи 786 Кодекса исключительно к требованиям арендатора и арендодателя, определенных частью первой данной статьи, либо же ко всем требованиям, вытекающим из договора найма (аренды).

Конституционный Суд Украины, рассматривая поднятые в конституционном обращении вопросы, исходит из следующего.

Общие положения относительно исковой давности и порядка ее исчисления, подлежащие применению при решении

Из практики органов конституционного правосудия

споров между сторонами в обязательствах, определены в главе 19 Кодекса.

Под исковой давностью следует понимать срок, в пределах которого лицо может обратиться в суд с требованием о защите своего гражданского права или интереса (статья 256 Кодекса).

Начало течения исковой давности исчисляется по правилам статьи 261 Кодекса, часть первая которой связывает его с днем, когда лицо узнало или могло узнать о нарушении своего права или о лице, которое его нарушило.

Согласно части седьмой статьи 261 Кодекса исключения из этого правила могут быть установлены законом.

В Кодексе, в частности, определено, что к требованиям в связи с недостатками проданного товара применяется исковая давность в один год, исчисляемая со дня обнаружения недостатков в пределах сроков, установленных статьей 680 Кодекса, а если на товар установлен гарантийный срок (срок годности), – со дня обнаружения недостатков в пределах гарантийного срока (срока годности) (статья 681); к требованиям о ненадлежащем качестве работы, выполненной по договору подряда, применяется исковая давность в один год, а относительно зданий и сооружений – три года со дня принятия работы заказчиком (статья 863); к требованиям, которые следуют из договора перевозки груза, почты, применяется исковая давность в один год с момента, определяемого в соответствии с транспортными кодексами (уставами) (часть третья статьи 925).

Анализ указанных положений Кодекса дает основания для вывода, что предусмотренное специальным законом начало течения исковой давности обуславливается особенностями правоотношений и должно соответствовать сущности нарушенного права с учетом принципов справедливости, равенства и соразмерности (пропорциональности).

В соответствии с частью первой статьи 759 Кодекса по договору найма (аренды) арендодатель передает или обязуется передать арендатору имущество в пользование за плату на определенный срок.

На стадиях заключения, исполнения, изменения, расторжения и прекращения договора найма у арендодателя и

арендатора возникают взаимные обязательства, в частности: обязанность арендодателя передать арендатору имущество в пользование немедленно или в срок, установленный договором найма, проводить капитальный ремонт вещи, переданной в найм, если другое не установлено договором или законом; обязанность арендатора пользоваться вещью в соответствии с ее назначением и условиями договора, а при прекращении договора найма немедленно вернуть наймодателю вещь в состоянии, в котором она была получена, с учетом нормального износа, или в состоянии, обусловленном в договоре (статья 765, часть первая статьи 773, часть вторая статьи 776, часть первая статьи 785 Кодекса).

Согласно статье 786 Кодекса, являющейся предметом толкования, к требованиям о возмещении убытков в связи с повреждением вещи, которая была передана в пользование арендатору, а также к требованиям о возмещении затрат на улучшение вещи применяется исковая давность в один год; течение исковой давности по требованиям арендодателя начинается с момента возврата вещи арендатором, а по требованиям арендатора – с момента прекращения договора найма (части первая, вторая).

Конституционный Суд Украины считает, что положения статьи 786 Кодекса имеют единое содержание, завершённую структуру и устанавливают специальную исковую давность – один год – и начало ее течения по требованиям арендодателя о возмещении убытков в связи с повреждением вещи, которая была передана в пользование арендатору, а также по требованиям арендатора о возмещении расходов на улучшение вещи. Положение части второй данной статьи не распространяется на другие требования, которые следуют из договора найма (аренды).

Резюме Заключения Конституционного Суда Украины от 10 июля 2012 года № 1-в/2012 по делу о даче заключения о соответствии законопроекта о внесении изменений в Конституцию Украины относительно неприкосновенности требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины по обращению Верховной Рады Украины (дело о внесении изменений в статьи 80, 105, 126, 149 Конституции Украины)

Выводы:

1. Признать соответствующим требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины положение законопроекта о внесении изменений в Конституцию Украины относительно неприкосновенности (реестр. № 10530), которым предлагается:

„1) части первую и третью статьи 80 исключить“.

2. Признать не соответствующими требованиям части первой статьи 157 Конституции Украины положения законопроекта о внесении изменений в Конституцию Украины относительно неприкосновенности (реестр. № 10530), которыми предлагается:

„2) часть первую статьи 105 исключить;

3) в статье 126:

в части первой слова „и неприкосновенность“ исключить; часть третью исключить;

4) в статье 149 слова „и неприкосновенности“ исключить“.

Краткое изложение:

Законопроектом предлагается внести изменения в статьи 80, 105, 126, 149 Конституции Украины (Ведомости Верховной Рады Украины, 1996 г., № 30, ст. 141), связанные с институтами неприкосновенности Президента Украины, народных депутатов Украины, судей судов общей юрисдикции и судей Конституционного Суда Украины.

В соответствии со статьей 159 Конституции Украины законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины рассматривается Верховной Радой Украины при наличии заключения Конституционного Суда Украины о соответствии законопроекта требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины.

Конституционный Суд Украины исходит из следующего.

Законопроекты о внесении изменений в статьи 80, 105, 126, 149 Конституции Украины в течение года Верховной Радой Украины шестого созыва не рассматривались.

Со дня принятия Конституции Украины положения ее статей 80, 105, 126, 149 не изменялись.

Следовательно, Законопроект соответствует требованиям статьи 158 Конституции Украины.

На момент дачи Конституционным Судом Украины заключения в Украине не введено военное или чрезвычайное положение, поэтому в этой части Законопроект не противоречит требованиям части второй статьи 157 Конституции Украины.

Законопроектом предлагается исключить часть первую статьи 80 Конституции Украины, по смыслу которой народным депутатам Украины гарантируется депутатская неприкосновенность, и часть третью данной статьи, в соответствии с которой народные депутаты Украины не могут быть без согласия Верховной Рады Украины привлечены к уголовной ответственности, задержаны или арестованы.

Конституционный Суд Украины ранее исследовал аналогичные по смыслу законопроекты о внесении изменений в часть первую, третью статьи 80 Основного Закона Украины, в результате чего пришел к выводу, что такие изменения не противоречат требованиям части первой статьи 157 Конституции Украины (заключения Конституционного Суда Украины от 27 июня 2000 года № 1-в/2000, 10 сентября 2008 года № 2-в/2008, 1 апреля 2010 года № 1-в/2010).

Конституционный Суд Украины рассматривал также вопрос о соответствии требованиям статей 157 и 158 Основного Закона Украины законопроекта о внесении изменений в статью 105 Конституции Украины, а именно об исключении части первой, согласно которой Президент Украины пользуется правом неприкосновенности на время исполнения полномочий.

В своем Заключении от 1 апреля 2010 года № 1-в/2010 Конституционный Суд Украины констатировал, что исключение из статьи 105 Конституции Украины части первой может привести к ограничению прав и свобод человека и гражданина, ликвидации независимости и к нарушению территориаль-

ной целостности Украины, что не соответствует требованиям части первой статьи 157 Конституции Украины.

На момент рассмотрения Законопроекта оснований для изменения Конституционным Судом Украины правовых позиций по указанным вопросам нет.

В соответствии со статьей 126 Основного Закона Украины независимость и неприкосновенность судей гарантируются Конституцией и законами Украины (часть первая); судья не может быть без согласия Верховной Рады Украины задержан или арестован до вынесения обвинительного приговора судом (часть третья).

Согласно статье 149 Конституции Украины на судей Конституционного Суда Украины распространяются гарантии независимости и неприкосновенности, основания для освобождения от должности, предусмотренные статьей 126 настоящей Конституции, и требования относительно несовместимости, определенные в части второй статьи 127 настоящей Конституции.

Законопроектом предлагается исключить в части первой статьи 126 Конституции Украины слова „и неприкосновенность“ и часть третью в этой статье, а в статье 149 Конституции Украины – слова „и неприкосновенности“.

Конституционный Суд Украины считает, что такие изменения не направлены на ликвидацию независимости либо на нарушение территориальной целостности Украины, поэтому они не противоречат указанному положению части первой статьи 157 Конституции Украины.

В части первой статьи 157 Основного Закона Украины также установлено, что Конституция Украины не может быть изменена, если изменения предусматривают упразднение либо ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Законопроектом предполагается отмена одной из составляющих независимости судей – института неприкосновенности судей судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Украины. В связи с этим Конституционный Суд Украины отмечает, что государство и общество, выдвигая судьям и их профессиональной деятельности высокие требования, должны, в свою очередь, обеспечить им соответствующие дополнительные гарантии надлежащего осуществления правосудия.

Неприкосновенность судей не является их личной при-

вилегией. Эта гарантия направлена, прежде всего, на обеспечение беспрепятственного исполнения судьями своих профессиональных обязанностей – осуществление объективного и справедливого правосудия, целью которого является защита прав и свобод человека и гражданина. Отмена такой гарантии правосудия, как неприкосновенность судей, опосредованно может привести к ограничению права на судебную защиту, гарантированного статьей 55 Конституции Украины.

Следовательно, предлагаемые Законопроектом изменения к частям первой, третьей статьи 126, статье 149 Конституции Украины предусматривают ограничение прав и свобод человека и гражданина, поэтому они являются не соответствующими требованиям части первой статьи 157 Конституции Украины.

Дополнительная информация:

Судьей Маркуш М.А. было изложено особое мнение.

Резюме Решения Конституционного Суда Украины от 11 июля 2012 года № 15-рп/2012 по делу о соответствии Конституции Украины (конституционности) положений частей пятой, шестой статьи 75, части четвертой статьи 77 Регламента Верховной Рады Украины, утвержденного Законом Украины „О Регламенте Верховной Рады Украины“, по конституционному представлению 51 народного депутата Украины (дело об избрании Председателя Верховной Рады Украины)

Выводы:

Признать не соответствующими Конституции Украины (неконституционными) положения Регламента Верховной Рады Украины, утвержденного Законом Украины „О Регламенте Верховной Рады Украины“ от 10 февраля 2010 года № 1861-VI (далее – Регламент), а именно:

– части пятой статьи 75 „решение по кандидатурам на

Из практики органов конституционного правосудия

должность Председателя Верховной Рады Украины принимается тайным голосованием путем подачи бюллетеней“;

– части шестой статьи 75 „если бюллетени для тайного голосования получили не менее двух третей народных депутатов от их фактической численности“;

– части четвертой статьи 77 „принимается тайным голосованием путем подачи бюллетеней и“, а также „голосование считается состоявшимся, если бюллетени для тайного голосования получили не менее двух третей народных депутатов от их фактической численности“.

Краткое изложение:

Субъект права на конституционное представление – 51 народный депутат Украины – обратился в Конституционный Суд Украины с ходатайством признать неконституционными положения частей пятой, шестой статьи 75, части четвертой статьи 77 Регламента.

Конституционный Суд Украины, решая поднятые в конституционном представлении вопросы, исходит из следующего.

Как усматривается из статьи 1, части второй статьи 5 Основного Закона Украины, определяющей основой парламентаризма является открытость работы парламента.

Сущность представительной демократии состоит, прежде всего, в опосредованном участии граждан в принятии решений государственного значения через своих представителей, призванных выступать от лица избирателей, выражать и защищать интересы всего народа. Реализация принципа открытости работы парламента гарантирует поддержание постоянной связи народных депутатов Украины, как полномочных представителей Украинского народа в Верховной Раде Украины, с избирателями, что создает условия для всестороннего анализа деятельности как отдельных народных депутатов Украины, так и парламента в целом.

В соответствии с частью пятой статьи 82 Основного Закона Украины порядок работы Верховной Рады Украины устанавливается Конституцией Украины и законом о регламенте Верховной Рады Украины.

В Основном Законе Украины, а именно в части первой статьи 88, не установлено специальное требование относи-

тельно избрания и отзыва Председателя Верховной Рады Украины с должности тайным голосованием путем подачи бюллетеней.

Из содержания части первой статьи 84, части первой статьи 88 Основного Закона Украины усматривается, что Председатель Верховной Рады Украины избирается и отзывается с должности на открытом пленарном заседании парламента, за исключением случаев, когда по решению большинства от конституционного состава Верховной Рады Украины проводится закрытое пленарное заседание.

Согласно частям второй, третьей статьи 84, части первой статьи 88, статье 91 Конституции Украины решение об избрании или отзыве Председателя Верховной Рады Украины с должности принимается большинством от конституционного состава парламента на его пленарных заседаниях путем голосования.

Из изложенного следует, что положения части пятой статьи 75, части четвертой статьи 77 Регламента, согласно которым решения по кандидатурам на должность Председателя Верховной Рады Украины и об отзыве Председателя Верховной Рады Украины с должности принимаются тайным голосованием путем подачи бюллетеней, не обеспечивают открытости в работе парламента, а потому не соответствуют части первой статьи 84 Основного Закона Украины.

Конституционный Суд Украины считает, что избрание Председателя Верховной Рады Украины тайным голосованием путем подачи бюллетеней, то есть принятие решения не на пленарном заседании Верховной Рады Украины, противоречит части второй статьи 84 Конституции Украины, в соответствии с которой решения Верховной Рады Украины принимаются исключительно на ее пленарных заседаниях.

Решения Верховной Рады Украины об избрании и отзыве Председателя Верховной Рады Украины с должности оформляются соответствующими постановлениями Верховной Рады Украины (часть седьмая статьи 75, часть четвертая статьи 77 Регламента).

Согласно статье 91 Конституции Украины Верховная Рада Украины принимает законы, постановления и иные акты большинством от ее конституционного состава, кроме случаев, предусмотренных Основным Законом Украины.

Следовательно, согласно Основному Закону Украины единственным требованием относительно численности народных депутатов Украины, которым обуславливается принятие решений (актов) полномочной Верховной Радой Украины, является наличие определенного в статье 91 и других положениях Основного Закона Украины соответствующего количества голосов народных депутатов Украины от конституционного состава парламента.

Конституционный Суд Украины пришел к выводу, что положения части шестой статьи 75 „если бюллетени для тайного голосования получили не менее двух третей народных депутатов от их фактической численности“, части четвертой статьи 77 „голосование считается состоявшимся, если бюллетени для тайного голосования получили не менее двух третей народных депутатов от их фактической численности“ Регламента не соответствуют статье 91 Конституции Украины.

Дополнительная информация:

Судьями Маркуш М.А., Стецюком П.Б., Шишкиным В.И. были изложены особые мнения.

Резюме Заключения Конституционного Суда Украины от 27 августа 2012 года № 2-в/2012 по делу о даче заключения о соответствии законопроекта о внесении изменений в Конституцию Украины относительно гарантии неприкосновенности для отдельных должностных лиц требованиям статей 157, 158 Конституции Украины по обращению Верховной Рады Украины (дело о внесении изменений в статьи 80, 105 Основного Закона Украины)

Выводы:

Признать соответствующим требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины относительно гарантии неприкосновенности для отдельных должностных лиц (реестр. № 3251), которым предлагается:

„1. Внести в Конституцию Украины (Ведомости Верховной Рады Украины, 1996 г., № 30, ст. 141) следующие изменения:

1) в статье 80:

часть первую исключить;

часть третью изложить в следующей редакции:

„народный депутат Украины не может быть без согласия Верховной Рады Украины задержан или арестован до вступления в силу обвинительного приговора суда в отношении его“;

2) в части третьей статьи 105 слова „если только Президент Украины не был смещен с поста в порядке импичмента“ исключить.

2. Данный Закон вступает в силу со дня его опубликования“.

Краткое изложение:

Верховная Рада Украины согласно Постановлению „О направлении в Конституционный Суд Украины законопроекта о внесении изменений в Конституцию Украины относительно гарантии неприкосновенности для отдельных должностных лиц“ от 5 июля 2012 года № 5056–VI (Голос Украины, 2012 г., 4 августа) обратилась в Конституционный Суд Украины с ходатайством дать заключение о соответствии доработанного законопроекта о внесении изменений в Конституцию Украины относительно гарантии неприкосновенности для отдельных должностных лиц (реестр. № 3251) (далее – Законопроект) требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины.

Законопроектом предлагается внести изменения в статьи 80, 105 Конституции Украины.

Оценивая Законопроект на предмет его соответствия требованиям статей 157 и 158 Конституции Украины, Конституционный Суд Украины исходит из следующего.

Согласно статье 158 Основного Закона Украины законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины, который рассматривался Верховной Радой Украины и закон не был принят, может быть представлен в Верховную Раду Украины не ранее чем через год со дня принятия решения по этому законопроекту (часть первая); Верховная Рада Украины в течение срока своих полномочий не может дважды изменять одни и те же положения Конституции Украины (часть вторая).

Данный Законопроект о внесении изменений в статьи 80, 105 Конституции Украины Верховная Рада Украины шестого созыва в течение года не рассматривала и в течение срока своих полномочий не изменяла указанные положения Конституции Украины.

Таким образом, Законопроект соответствует требованиям статьи 158 Конституции Украины.

Согласно части второй статьи 157 Основного Закона Украины Конституция Украины не может быть изменена в условиях военного или чрезвычайного положения.

На момент дачи Конституционным Судом Украины заключения в Украине не введено военное или чрезвычайное положение, следовательно в данной части Законопроект не противоречит требованиям части второй статьи 157 Основного Закона Украины.

Конституция Украины не может быть изменена, если изменения предусматривают упразднение либо ограничение прав и свобод человека и гражданина или если они направлены на ликвидацию независимости либо на нарушение территориальной целостности Украины (часть первая статьи 157 Основного Закона Украины).

Законопроектом предлагается исключить из действующей редакции Конституции Украины часть первую статьи 80, согласно которой „народным депутатам Украины гарантируется депутатская неприкосновенность“, а часть третью этой статьи изложить в новой редакции, согласно которой „народный депутат Украины не может быть без согласия Верховной Рады Украины задержан или арестован до вступления в силу обвинительного приговора суда в отношении его“.

Конституционный Суд Украины исследовал законопроекты о внесении изменений в часть первую, третью статьи 80 Основного Закона Украины и давал заключения, что предложенные изменения не противоречат требованиям части первой статьи 157 Конституции Украины (заключения Конституционного Суда Украины от 5 декабря 2000 года № 3-в/2000, от 1 апреля 2010 года № 1-в/2010, от 10 июля 2012 года № 1-в/2012).

Вопросы о соответствии требованиям статей 157 и 158 Основного Закона Украины законопроекта о внесении изменений в статью 105 Конституции Украины также были пред-

метом рассмотрения Конституционного Суда Украины.

В Заключении от 1 апреля 2010 года № 1-в/2010 Конституционный Суд Украины констатировал, что изменения в части третьей статьи 105 Конституции Украины, а именно исключение слов „если только Президент Украины не был смещен с поста в порядке импичмента“, не направлены на ликвидацию независимости или на нарушение территориальной целостности Украины и соответствуют требованиям части первой статьи 157 Конституции Украины (абзацы второй, третий подпункта 4.6 пункта 4 мотивировочной части).

Резюме Решения Конституционного Суда Украины от 29 августа 2012 года № 16-рп/2012 по делу о соответствии Конституции Украины (конституционности) положений части четвертой статьи 18, статьи 1711, части первой статьи 180 Кодекса административного судопроизводства Украины, о соответствии Конституции Украины (конституционности) положений части четвертой статьи 18, частей второй, третьей, пятой статьи 1711, частей второй, шестой статьи 1831 Кодекса административного судопроизводства Украины и о соответствии Конституции Украины (конституционности) положений части первой статьи 89 Закона Украины „О судоустройстве и статусе судей“, части четвертой статьи 18, статьи 1711 Кодекса административного судопроизводства Украины по конституционным представлениям 49, 50 и 54 народных депутатов Украины (дело о подсудности отдельных категорий административных дел)

Выводы:

1. Признать соответствующими Конституции Украины (конституционными) положения:
– части четвертой статьи 18, частей первой, второй, шестой статьи 1711, части первой статьи 180 Кодекса административного судопроизводства Украины о подсудности Высшему административному суду Украины как суду первой инстан-

ции дел о досрочном прекращении полномочий народного депутата Украины в случае невыполнения им требований о несовместимости, а также дел об обжаловании актов, действий или бездействия Верховной Рады Украины, Президента Украины, Высшего совета юстиции, Высшей квалификационной комиссии судей Украины;

– части первой статьи 89 Закона Украины „О судоустройстве и статусе судей“ от 7 июля 2010 года № 2453–VI о подсудности Высшему административному суду Украины как суду первой инстанции дел об обжаловании решения Высшей квалификационной комиссии судей Украины о привлечении к дисциплинарной ответственности судьи местного или апелляционного суда;

– частей второй, шестой статьи 1831 Кодекса административного судопроизводства Украины о подсудности апелляционному административному суду как суду первой инстанции и Высшему административному суду Украины как суду апелляционной инстанции дел о принудительном отчуждении земельного участка, других размещенных на нем объектов недвижимого имущества по мотивам общественной необходимости.

2. Прекратить конституционное производство по делу в части проверки на соответствие Конституции Украины частей третьей, четвертой, пятой статьи 1711 Кодекса административного судопроизводства Украины на основании пункта 2 статьи 45 Закона Украины „О Конституционном Суде Украины“ – несоответствие конституционных представлений в данной части требованиям, предусмотренным Конституцией Украины, Законом Украины „О Конституционном Суде Украины“.

Краткое изложение:

Субъекты права на конституционное представление утверждают, что положения части четвертой статьи 18, частей первой, второй, шестой статьи 1711, части первой статьи 180, частей второй, шестой статьи 1831 Кодекса административного судопроизводства Украины (далее – Кодекс), устанавливающие случаи, в которых апелляционное или кассационное обжалование решения суда не предусмотрено, противоречат частям второй, третьей статьи 22, частям первой,

второй статьи 24, частям первой, второй статьи 55, части второй статьи 64, пункту 8 части третьей статьи 129 Конституции Украины.

Один из основных принципов судопроизводства – обеспечение апелляционного и кассационного обжалования решения суда, кроме случаев, установленных законом (пункт 8 части третьей статьи 129 Конституции Украины). Из содержания данного положения следует, что в судах общей юрисдикции законом определяется такой порядок рассмотрения судебных дел, по которому обеспечивается апелляционное и кассационное обжалование решения суда, кроме случаев, установленных законодателем путем определения отдельных категорий дел, в которых такое обжалование решения суда не предусмотрено.

Пункт 8 части третьей статьи 129 Конституции Украины не содержит конкретных требований относительно оснований установления законом случаев, в которых не предусмотрено апелляционное и кассационное обжалование решения суда общей юрисдикции. Конституционный Суд Украины считает, что в таком случае с целью обеспечения прав и свобод человека и гражданина законодательное регулирование указанных вопросов должно соответствовать требованиям Основного Закона Украины, прежде всего принципу верховенства права.

Субъекты права на конституционное представление утверждают о несоответствии Конституции Украины (пункту 8 части третьей статьи 129) оспариваемых положений Закона Украины „О судоустройстве и статусе судей“ от 7 июля 2010 года № 2453–VI (далее – Закон № 2453) и Кодекса, согласно которым Высший административный суд Украины как суд первой инстанции рассматривает, в частности, дела об актах, действиях или бездействии Верховной Рады Украины, Президента Украины (кроме случаев, когда акты Верховной Рады Украины и Президента Украины подлежат проверке на соответствие Конституции Украины (конституционность Конституционным Судом Украины), Высшего совета юстиции, Высшей квалификационной комиссии судей Украины, а также дела о досрочном прекращении полномочий народного депутата Украины в случае невыполнения им требований о

несовместимости.

Юридические формы реализации полномочий Верховной Радой Украины, Президентом Украины, Высшим советом юстиции и Высшей квалификационной комиссией судей Украины имеют важное значение для государства и общества, касаются прав и свобод граждан, формирования и функционирования судебского корпуса.

По Конституции Украины требования о несовместимости депутатского мандата с иными видами деятельности устанавливаются законом (часть третья статьи 78); в случае невыполнения требования относительно такой несовместимости полномочия народного депутата Украины прекращаются досрочно по решению суда (часть четвертая статьи 81).

Конституционный Суд Украины считает, что законодательное регулирование подсудности отдельных категорий административных дел, определенных оспариваемыми положениями Закона № 2453 и Кодекса, обеспечивает предпосылки для непредубежденного осуществления правосудия Высшим административным судом Украины как судом первой инстанции в течение разумного срока, закрепляет гарантии справедливого судебного рассмотрения дела и устанавливает порядок принятия судом обоснованного и законного решения.

Таким образом, оспариваемые положения Закона № 2453 и Кодекса о подсудности указанных категорий административных дел не противоречат положениям части первой статьи 8, пункту 8 части третьей статьи 129 Конституции Украины.

Субъект права на конституционное представление – 50 народных депутатов Украины – утверждает о несоответствии пункту 8 части третьей

статьи 129 Конституции Украины частей второй, шестой статьи 1831 Кодекса о подсудности апелляционным административным судам как судам первой инстанции и Высшему административному суду Украины как суду апелляционной инстанции дел о принудительном отчуждении земельного участка, других размещенных на нем объектов недвижимого имущества у лица-владельца по мотивам общественной необходимости.

Конституционный Суд Украины исходит из того, что в соответствии с пунктом 8 части третьей статьи 129 Конституции Украины законом могут быть определены отдельные категории административных дел, по которым не предусмотрено кассационное обжалование решения суда.

Следовательно, законодательные положения о подсудности апелляционным административным судам как судам первой инстанции и Высшему административному суду Украины как суду апелляционной инстанции указанной категории административных дел не противоречат части первой статьи 8, пункту 8 части третьей статьи 129 Конституции Украины.

Субъекты права на конституционное представление обращаются с просьбой проверить оспариваемые положения Закона № 2453 и Кодекса на соответствие отдельным положениям статей 22, 24, 55, 64 Конституции Украины.

Согласно предписаниям пункта 8 части третьей статьи 129 Конституции Украины допускается установление законом случаев, в которых апелляционное и кассационное обжалование решения суда не предусмотрено. Правовое регулирование Законом № 2453 и Кодексом вопросов подсудности отдельных категорий административных дел в соответствии с указанным конституционным предписанием гарантирует соблюдение прав и свобод граждан, которые реализуют их в административном судопроизводстве.

С учетом этого установление законом подсудности отдельных категорий дел Высшему административному суду Украины как суду первой инстанции, апелляционным административным судам как судам первой инстанции и Высшему административному суду Украины как суду апелляционной инстанции гарантирует право на судебную защиту и не ограничивает его, не сужает содержание и объем уже закрепленных законом прав и свобод, не нарушает равенство граждан перед законом.

Авторы ходатайства – 49 народных депутатов Украины – утверждают, что положения части четвертой статьи 18, частей первой, второй, шестой статьи 1711, части первой статьи 180 Кодекса противоречат части второй статьи 125 Конституции Украины.

Основным Законом Украины установлено, что Верховный

Суд Украины является наивысшим судебным органом в системе судов общей юрисдикции (часть вторая статьи 125); его полномочия как наивысшего судебного органа в системе судов общей юрисдикции определяются законодателем (пункт 14 части первой статьи 92).

Анализируя оспариваемые положения Кодекса на предмет их соответствия части второй статьи 125 Конституции Украины, Конституционный Суд Украины пришел к выводу, что установление законодателем отдельных категорий административных дел, в которых апелляционное и кассационное обжалование решения суда не предусмотрено, не лишает Верховный Суд Украины статуса наивысшего судебного органа в системе судов общей юрисдикции.

Следовательно, оспариваемые положения Кодекса не противоречат части второй статьи 125 Основного Закона Украины.

**Резюме Решения Конституционного Суда Украины
от 19 сентября 2012 года
№ 17-рп/2012 по делу об официальном толковании
положения части первой статьи 61 Семейного кодекса
Украины по конституционному обращению частного
предприятия „ИКИО“**

Выводы:

В аспекте конституционного обращения положение части первой статьи 61 Семейного кодекса Украины следует понимать как то, что уставный капитал и имущество частного предприятия являются объектом права общей совместной собственности супругов.

Краткое изложение:

Частное предприятие „ИКИО“ обратилось в Конституционный Суд Украины с ходатайством об официальном толковании положения части первой статьи 61 Семейного кодекса Украины (далее – Кодекс), согласно которому объектом права общей совместной собственности супругов может быть

любое имущество, кроме исключенного из гражданского оборота, в аспекте того, является ли уставной капитал и имущество частного предприятия объектом права общей совместной собственности супругов.

Равенство прав и обязанностей в браке и семье включает в себя также их равенство в имущественных отношениях, которые регулируются положениями Кодекса и Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины).

Основой имущественных отношений супругов являются положения о том, что имущество, приобретенное супругами во время брака, принадлежит жене и мужу на праве общей совместной собственности независимо от того, что один из них не имел по уважительной причине (учеба, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, болезнь и т.п.) самостоятельного заработка (дохода); считается, что каждая вещь, приобретенная во время брака, кроме вещей индивидуального пользования, является объектом права общей совместной собственности супругов (статья 60 Кодекса).

Осуществление супругами права общей совместной собственности регламентировано статьей 63 Кодекса, согласно которой жена и муж имеют равные права на владение, пользование и распоряжение имуществом, принадлежащим им на праве общей совместной собственности, если иное не установлено договоренностью между ними.

Распоряжение общим совместным имуществом супругов может осуществляться путем его раздела, выделения доли. Раздел имущества, находящегося в общей совместной собственности супругов, является основанием приобретения личной собственности каждым из супругов.

Право супругов на раздел имущества, являющегося объектом права общей совместной собственности супругов, закреплено в статье 69 Кодекса. Раздел имущества, являющегося объектом права общей совместной собственности супругов, осуществляется путем деления его в натуре, а в случае неделимости присуждается одному из супругов, если иное не определено договоренностью между ними (части первая, вторая статьи 71 Кодекса), либо реализуется через выплату денежной или материальной компенсации стоимости его доли (часть вторая статьи 364 ГК Украины).

Наследование является иным видом приобретения личной частной собственности каждого из супругов. При этом в состав наследства входят все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства и не прекратившиеся вследствие его смерти; не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с лицом наследодателя (статьи 1218, 1219 ГК Украины). Поэтому в составе наследства может находиться любое имущество, кроме прав и обязанностей, неразрывно связанных с личностью наследодателя.

Из указанных положений следует, что собственность в семье существует в двух правовых режимах: общая совместная собственность супругов и личная частная собственность каждого из супругов. Основаниями приобретения права общей совместной собственности супругов является юридически установленный факт брачных отношений или проживание мужчины и женщины одной семьей, а личной частной собственности каждого из супругов является, в частности, раздел, выделение надлежащей доли по закону и наследование.

Согласно Конституции Украины все субъекты права собственности равны перед законом (часть четвертая статьи 13); каждый имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью; право частной собственности приобретается в порядке, определенном законом (части первая, вторая статьи 41); правовой режим собственности определяется исключительно законами Украины (пункт 7 части первой статьи 92).

Одним из видов распоряжения собственностью является право владельца использовать свое имущество для осуществления предпринимательской деятельности, кроме случаев, установленных законом; законом могут быть установлены условия использования владельцем своего имущества для осуществления предпринимательской деятельности (статья 320 ГК Украины).

Вклад в уставный капитал и выделенное из общей совместной собственности супругов имущество (средства) передаются в собственность частного предприятия. Согласно статье 191 ГК Украины предприятие является единым имуществен-

ным комплексом, который используется для осуществления предпринимательской деятельности; в состав предприятия как единого имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также право на торговую марку или другое обозначение и прочие права, если другое не установлено договором или законом; предприятие как единый имущественный комплекс является недвижимостью; предприятие или его часть могут быть объектом купли-продажи, залога, аренды и других сделок. То есть из содержания данной статьи следует, что относительно предприятия как единого имущественного комплекса или его части могут возникать гражданские права и обязанности.

По мнению Конституционного Суда Украины, частное предприятие (или его часть), основанное одним из супругов, – это отдельный объект права общей совместной собственности супругов, в который входят все виды имущества, в том числе вклад в уставный капитал и имущество, выделенное из их общей совместной собственности.

Таким образом, Конституционный Суд Украины пришел к выводу, что уставный капитал и имущество частного предприятия, сформированные за счет общей совместной собственности супругов, являются объектом их общей совместной собственности.

Резюме Решения Конституционного Суда Украины от 13 декабря 2012 № 18-рп/2012 по делу об официальном толковании положений пункта 15 части первой статьи 37 Закона Украины „Об исполнительном производстве“ во взаимосвязи с положениями части первой статьи 41, части пятой статьи 124, пункта 9 части третьей статьи 129 Конституции Украины, статьи 115 Хозяйственного процессуального кодекса Украины, пунктов 1.3, 1.4 статьи 1, части второй статьи 2, абзаца шестого пункта 3.7 статьи 3 Закона Украины „О мерах, направленных на обеспечение устойчивого функционирования предприятий топливно-энергетического комплекса“ по конституционному обращению общества с ограниченной ответственностью „ДЕД Конс“ (дело о взыскании задолженности с предприятий топливно-энергетического комплекса)

Выводы:

В аспекте конституционного обращения положение пункта 15 части первой статьи 37 Закона Украины „Об исполнительном производстве“ от 21 апреля 1999 года № 606-XIV с последующими изменениями во взаимосвязи с положениями части первой статьи 41, части пятой статьи 124, пункта 9 части третьей статьи 129 Конституции Украины, статьи 115 Хозяйственного процессуального кодекса Украины, пунктов 1.3, 1.4 статьи 1, части второй статьи 2, абзаца шестого пункта 3.7 статьи 3 Закона Украины „О мерах, направленных на обеспечение устойчивого функционирования предприятий топливно-энергетического комплекса“ от 23 июня 2005 года № 2711-IV с последующими изменениями следует понимать как то:

- обязательное приостановление исполнительного производства и мер принудительного исполнения судебных решений осуществляется только относительно взыскания задолженности, возникшей из-за неполных расчетов за энергоносители, и относительно участников расчетов, опреде-

ленных Законом Украины „О мерах, направленных на обеспечение устойчивого функционирования предприятий топливно-энергетического комплекса“;

- внесение юридического лица, независимо от формы собственности, в Реестр предприятий топливно-энергетического комплекса, принимающих участие в процедуре погашения задолженности, не является основанием для приостановления исполнительного производства и мер принудительного исполнения судебных решений относительно взыскания с него задолженности, не касающейся неполных расчетов за энергоносители и не определенной Законом Украины „О мерах, направленных на обеспечение устойчивого функционирования предприятий топливно-энергетического комплекса“.

Краткое изложение:

Согласно статье 115 Хозяйственного процессуального кодекса Украины (далее - Кодекс) решения, определения, постановления хозяйственного суда, вступившие в законную силу, являются обязательными на всей территории Украины и исполняются в порядке, установленном Законом Украины „Об исполнительном производстве“ от 21 апреля 1999 года № 606-XIV (далее - Закон № 606). Из содержания статей 1, 2, 17, 18, 19, 25, 27, 37, 38 данного закона следует, что принудительное исполнение решений судов Украины осуществляется на основании исполнительных документов, являющихся основой для открытия государственным исполнителем исполнительного производства и проведения исполнительных действий. Законодатель также закрепил перечень оснований, обуславливающих приостановление исполнительного производства.

Конституционный Суд Украины считает, что приостановление исполнительного производства и мер принудительного исполнения судебных решений заключается в отсрочке исполнения судебного решения на определенный срок, должно соответствовать принципу верховенства права и осуществляться в случаях и на основании, определенных законом.

В соответствии с пунктом 15 части первой статьи 37, абзаца пятого части второй статьи 39 Закона № 606 исполнительное производство подлежит обязательному приостановлению в случае внесения предприятия топливно-энергетического комплекса в Реестр предприятий топливно-энергетического комплекса, принимающих участие в процедуре погашения задолженности (далее - Реестр) на определенный Законом Украины „О мерах, направленных на обеспечение устойчивого функционирования предприятий топливно-энергетического комплекса“ от 23 июня 2005 года № 2711-IV (далее - Закон № 2711) срок действия процедуры погашения задолженности предприятиями топливно-энергетического комплекса.

Из содержания Закона № 2711 усматривается, что он принят с целью содействия улучшению финансового состояния предприятий топливно-энергетического комплекса, предотвращению их банкротства и повышению уровня инвестиционной привлекательности путем осуществления мер, направленных на уменьшение и / или рассрочку кредиторской и дебиторской задолженностей путем применения механизмов списания, взаиморасчетов, реструктуризации, частичной оплаты на условиях, определенных Законом № 2711; его действие распространяется на предприятия топливно-энергетического комплекса, а также на других участников расчетов, которые имеют или перед которыми имеется задолженность, возникшая вследствие неполных расчетов за энергоносители, и виды которой определены в Законе № 2711 (преамбула, пункты 1.1, 1.2, 1.3, 1.4, 1.5 статьи 1, часть вторая статьи 2).

Изложенное дает Конституционному Суду Украины основания для вывода, что положения Закона № 2711 не регулируют правоотношения относительно погашения задолженности, не указанной в пункте 1.4 статьи 1, в частности не касающейся неполных расчетов за энергоносители.

Согласно абзацу шестому пункта 3.7 статьи 3 Закона № 2711 на срок участия предприятия топливно-энергетического комплекса в процедуре погашения задолженности подле-

жат приостановке исполнительные производства и меры принудительного исполнения решений относительно него по взысканию задолженности, возникшей до 1 января 2012 года.

По законодательству Украины предприятия топливно-энергетического комплекса имеют стратегическое значение для экономики и безопасности государства, поэтому, по мнению Конституционного Суда Украины, с целью создания условий для поддержания их стабильного финансового состояния законом могут устанавливаться особенности правового регулирования отношений в данной сфере. В связи с этим приостановление проведения исполнительных действий относительно принудительного исполнения судебных решений о взыскании с таких предприятий в случае их внесения в Реестр задолженности, возникшей вследствие неполных расчетов за энергоносители, является мерой, направленной на обеспечение жизненно важных общественных интересов.

Вводя данный механизм правового регулирования, законодатель установил, что не приостанавливается осуществление относительно предприятий топливно-энергетического комплекса, внесенных в Реестр, исполнительных действий, направленных на принудительное исполнение решений о выплате заработной платы, выходного пособия, иных выплат (компенсаций), причитающихся работнику в связи с трудовыми отношениями, возмещении материального (имущественного) ущерба, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или смертью, взыскании алиментов и решений о взыскании задолженности по уплате взносов в фонды общеобязательного государственного социального страхования, возникшей до 1 января 2011 года, и задолженности по уплате единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование в органы Пенсионного фонда Украины (часть третья статьи 37 Закона № 606, абзац шестой пункта 3.7 статьи 3 Закона № 2711).

Конституционный Суд Украины считает, что приведенный перечень оснований, при котором не приостанавлива-

ется исполнительное производство, не является исчерпывающим, поскольку предприятия топливно-энергетического комплекса, внесенные в Реестр, остаются субъектами хозяйственных, трудовых и других правоотношений, не связанных с расчетами за энергоносители.

Конституционное
ПРАВОСУДИЕ

Вестник Конференции
органов конституционного контроля
стран новой демократии

Выпуск 1 (59) 2013

Адрес редакции:

375019, Ереван, пр. Баграмяна 10

Тел.: 529991, 588189

Факс: 529991

Email: armlaw@concourt.am

arthur@concourt.am

URL: <http://www.concourt.am>

Сдано в набор 10.01.2013 г.
Подписано к печати 25.01.2013 г.

Печ. л. 9.5

Бумага офсетная

Печать офсетная

Формат 60x84 1/16

Тираж 750 экз.

Выходит ежеквартально

Статьи вестника "Конституционное
правосудие" публикуются
в авторской редакции

Вестник включен в перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны публиковаться
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук

Зарегистрирован коллегией
N 8/22 Министерства юстиции РА
27 февраля 1998г.